

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЫПУСКА «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумекон акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р исторических наук, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
«VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY»**

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

**EDITORIAL BOARD
OF THE ISSUE «ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY»**

Executive Editor

- A. I. Krivoshapkin Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- L. A. Bobrov Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Historical Sciences, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Yu. S. Khudyakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Suk-Bae Jung Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 3: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Молодин В. И.* Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») 9

История и теория науки, новые методы исследований

- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.* Бронзовое оружие раннего железного века из коллекции находок, собранных А. Г. фон Шренком в 1840-х годах в Прииртышье 17
- Балюнов И. В.* Археологические коллекции средневекового городища Искер в фондах Тобольского губернского музея 24
- Головнев И. А.* Этнокультурные сообщества Севера в этнокино «У берегов Чукотского моря» Григория Смирнитского: история съемок 35

Археология и антропология Евразии

- Козликин М. Б.* Ранняя стадия среднего палеолита Алтая: новые данные 45
- Колобова К. А., Маркин С. В., Шалагина А. В., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И.* Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагырской Пещеры 53
- Чеха А. Н.* Каменная индустрия слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) 62
- Скоробогатова А. Ю., Пономарева Т. М.* Особенности атлымской керамики Сургутского Приобья (по материалам городища Стрелка) 74
- Головченко Н. Н.* Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 90
- Мыльникова Л. Н., Борzych К. А.* Морфологический анализ сосудов могильника раннего железного века Быстровка-1 (Новосибирское Приобье) 100
- Сырикова П. В., Росляков С. Г., Зубова А. В.* Первые результаты изучения палеоантропологических и археологических материалов из могильника Березовый Остров-1 (Новосибирское Приобье) 121
- Худяков Ю. С., Акматов К. Т.* Орнаментированная булава – ударное оружие и символ власти военачальника у кыргызов Тянь-Шаня 137

Этнография народов Евразии

<i>Бобров Л. А., Исмаилов Д.</i> Три сабли с деревянными рукоятями конца XVII – середины XIX века из Национального музея Республики Казахстан	146
<i>Николаев В. В.</i> Семантика традиционной погребально-поминальной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XIX – первая половина XX века)	159

Научная информация

<i>Зоткина Л. В.</i> Российско-французский научно-практический семинар «Наскальное искусство: методики и техники документирования» (Шалаболинская Писаница, 6–12 июля 2018 года)	172
Список сокращений	178
Информация для авторов	180

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Molodin V. I.* Seima-Turbino Celts from Xinjiang (Materials for the Academic Course “Archaeology of Siberia in the Bronze Age”) 9

History and Theory of a Science, New Methods of Researches

- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu.* Bronze Weapon of the Early Iron Age from the Collection of Findings Gathered by Alexander Gustav von Schrenck in the 1840s in the Irtysh Region 17
- Balyunov I. V.* Archaeological Collections of the Medieval Hillfort Isker from the Funds of the Tobolsk Provincial Museum 24
- Golovnev I. A.* Ethnocultural Communities of the North as Shown in Ethnocinema «Coast of the Chukchi Sea» by Grigory Smirnitsky: Shooting History 35

Archaeology and Anthropology of Eurasia

- Kozlikin M. B.* The Early Middle Paleolithic in Altai: New Data 45
- Kolobova K. A., Markin S. V., Shalagina A. V., Schnaider S. V., Krivoschapkin A. I.* Basic Principles of Selecting Stone Raw Materials in Tool Production in the Industry of Chagyrskaya Peshchera 53
- Chekha A. N.* Stone Industry of Layer 2 at Ust'-Kutarey Site (North Angara Region) 62
- Skorobogatova A. Yu., Ponomaryova T. M.* Peculiarities of the Atlym Ceramics Found in the Surgut Ob River Area (Based on the Materials of the Strelka Site) 74
- Golovchenko N. N.* On Interpretation of *Kočidyk*-Crutches Used by the Population of the Upper Ob River Region in the Early Iron Age 90
- Mylnikova L. N., Borzykh K. A.* Morphological Analysis of Vessels from the Early Iron Age Burial Ground Bystrovka-1 (Novosibirsk Region) 100
- Syrikova P. V., Roslyakov S. G., Zubova A. V.* Paleoanthropological and Archaeological Studies of Early Bronze Age materials from Berezovy Ostrov-1 Burial Ground (Novosibirsk Ob Region): Preliminary Results 121
- Khudyakov Yu. S., Akmatov K. T.* Ornamental Mace as a Strike Weapon and Symbol of Power of a Military Commander of the Tian-Shan Kyrgyz 137

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Bobrov L. A., Ismailov D.</i> Three Sabers with Wooden Hilts of the 17 th – mid 19 th Centuries from the National Museum of the Republic of Kazakhstan	146
<i>Nikolaev V. V.</i> Semantics of Traditional Funeral Rites of the Indigenous Population in the Northern Altai Foothill (Late 19 th – First Half of 20 th Century)	159

Scientific Information

<i>Zotkina L. V.</i> A Russian-French Research and Practice Workshop “Rock Art: Methods and Techniques of Documenting” (Shalabolino site, 6–12 July 2018)	172
List of Abbreviations	178
Instructions to Contributors	180

УДК 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-9-16

Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы»)

В. И. Молодин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предметы, связанные по форме с сейминско-турбинскими бронзами, происходящие с территории Китая, были впервые определены таким образом и введены в научный оборот С. В. Киселевым, работавшим в середине прошлого века с археологическими коллекциями в ряде музеев КНР. В настоящее время число таких находок постоянно увеличивается. К наконечникам копий, цельнолитым кинжалам, жезлам-скипетрам добавилось несколько бронзовых кельтов, происходящих из Синьцзяна. Некоторые исследователи относят отдельные предметы из этого состава к сейминско-турбинским бронзам. Поскольку данные материалы труднодоступны для европейских исследователей, а их значимость для понимания сейминско-турбинской проблематики весьма велика, представляется актуальным ввести сведения о них в научный оборот. В настоящей работе мы предлагаем характеристику известных нам нескольких кельтов сейминско-турбинского облика из Синьцзяна, подчеркивая наличие в ту эпоху связей между населением этого региона и населением более северных территорий Азиатского континента, т. е. Сибири. Изложенные материалы, расширяющие наши представления о сути историко-культурных процессов на территории Центральной и части Северной Азии в эпоху бронзы, могут широко использоваться в учебном процессе.

Ключевые слова

Синьцзян, эпоха бронзы, сейминско-турбинский тип, кельты

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00406)

Для цитирования

Молодин В. И. Кельты сейминско-турбинского типа из Синьцзяна (материалы к учебному курсу «Археология Сибири эпохи бронзы») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 9–16. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-9-16

Seima-Turbino Celts from Xinjiang (Materials for the Academic Course “Archaeology of Siberia in the Bronze Age”)

V. I. Molodin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Some objects having the same form as Seima-Turbino bronze artifacts and found on the territory of China were first identified in this way and put into scientific circulation by S. V. Kiselev. The researcher worked with the archaeological collections of the Bronze Age in a number of Chinese museums in the middle of the last century. At present, the number of such artifacts is constantly increasing. The set of spearheads, solid daggers, scepters and rods was expanded with several bronze celts originating from Xinjiang. Similar products are widespread in the southern regions of the West Siberian Plain. There are researchers who attribute some artifacts from this set to Seima-Turbino bronzes. Finds of bronze artifacts resembling Seima-Turbino type in measurements and proportions discovered in the Xinjiang area and the adjacent regions of Central Asia allow us to consider these territories as the areas of distribution of this

phenomenon. Since these materials are not readily available for European researchers but their significance for understanding the Seima-Turbino phenomenon is very high, it seems reasonable to introduce such items to a wide range of specialists.

Results. At present, about ten bronze celts from the territory of Xinjiang are known to the author as associated with the Seima-Turbino community. Intense archaeological research in Xinjiang has resulted in a whole series of extremely interesting archaeological discoveries including single finds which are now scattered in numerous museums in the region. There is no doubt that due to active excavation studies in Xinjiang the number of celts that are close in appearance to classic examples of the Seima-Turbino type will only increase.

Conclusion. In this paper, we describe several of the Seima-Turbino artifacts from Xinjiang available to us and prove the existence of relations between the region of Xinjiang and more northern territories of the Asian continent, in particular Siberia, during the Bronze Age. The main destination taken by the bearers of Seima-Turbino tradition seems to spread to the north along the Irtysh River. The classic types of Seima-Turbino bronze artifacts found all over the Irtysh region indicate that when they reached the steppes and forest-steppes of Western Siberia, Seima-Turbino population occupied this area and adapted to the local conditions and autochthonous cultures of the Bronze Age, such as Odino and Krotovo. Then, for some reason, they moved to the west and east in a fan-like dispersion, leaving archaeological sites and some objects of Seima-Turbino type on their way. The materials presented in this article expand our understanding of the essence of the historical and cultural processes in Central and part of North Asia in the Bronze Age and can be widely used for educational purposes in universities, as it is done at Novosibirsk State University as part of the course “Archaeology of Siberia in the Bronze Age”.

Keywords

Xinjiang, Bronze Age, Seima-Turbino type, celts

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-09-00406

For citation

Molodin V. I. Seima-Turbino Celts from Xinjiang (Materials for the Academic Course “Archaeology of Siberia in the Bronze Age”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 9–16. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-9-16

Введение

Первые научные обоснования факта присутствия бронз сейминско-турбинского типа на территории Китая сделаны в работе члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева, посетившего в середине прошлого века Китайскую Народную Республику и работавшего с археологическими коллекциями эпохи бронзы в ряде музеев этой страны [Киселев, 1960]. Так, бронзовое копье из Аньяна, отнесенное исследователем к изделиям, близким сейминско-турбинским, не только никем не оспаривается в данном отношении, но в последнее десятилетие к нему добавлены находки морфологически близких предметов с территории Китая, число которых приближается к двадцати (см. [Wagner, 2001; Гао Цзянтао, 2015; Lin Meicun, Xian Liu, 2017]). Кроме того, ученый сообщал о бронзовом кельте «сибирско-сейминской» формы, достаточно своеобразном по сравнению с экземплярами из того же металла, типичными для Китая [Киселев, 1960. Рис. 8, 26].

С территории Китая (Синьцзяна) происходят и так называемые сопутствующие сейминско-турбинскому феномену предметы – цельнолитые бронзовые кинжалы и каменные жезлы с антропоморфными и зооморфными навершиями, имеющие распространение также в пределах южных районов Западносибирской равнины [Молодин, 2015; Molodin, 2015].

Интенсификация в последнее время археологических исследований в Синьцзяне привела к целой серии чрезвычайно интересных археологических открытий, в том числе одиночных находок, разбросанных по многочисленным музеям региона. К их числу относится серия бронзовых кельтов, напоминающих изделия сейминско-турбинского облика [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008; 2016]. Наши китайские коллеги в последнее время однозначно квалифицируют их как сейминско-турбинские [The Tianshan..., 2014].

Поскольку эти материалы достаточно труднодоступны для европейских исследователей, в то время как их значимость для понимания сейминско-турбинской проблематики чрезвычайно велика, представляется актуальным ввести сведения о них в научный и образователь-

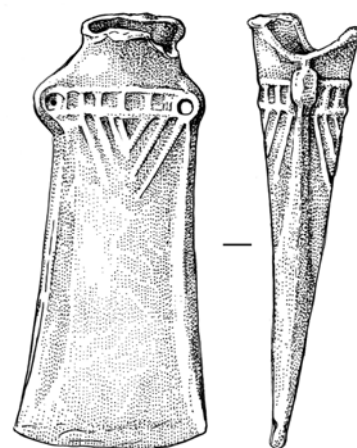
ный оборот. В настоящей работе мы предлагаем характеристику известных нам предметов, снабдив их иллюстрациями.

Результаты исследований и их обсуждение

Находки бронзовых кельтов с территории Синьцзяна и прилегающих районов Центральной Азии, хотя и обладающих безусловным колоритом, но напоминающих по основным метрическим показателям и пропорциям изделия сейминско-турбинского облика, трудно переоценить, поскольку они наряду с наконечниками копий и указанными выше предметами позволяют включить эту территорию в ареал распространения данного феномена. На первый такой предмет – кельт, найденный на территории Гоби-Алтайского аймака в МНР, было указано в монографии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых; как полагали авторы, на тот момент это была «самая юго-восточная находка металлического орудия сейминско-турбинского типа» [1989. С. 63] (рис. 1). По их классификации, кельт относится к разряду К-34 – кельт-лопатка двуушковый, украшенный пояском-лесенкой и крупными, вписанными друг в друга, треугольниками.

Рис. 1. Бронзовый кельт сейминско-турбинского типа из Гоби-Алтайского аймака МНР (по: [Черных, Кузьминых, 1989]) (без масштаба)

Fig. 1. Bronze Celt of the Seima-Turbino type from Gobi-Altai aimak of Mongolian People's Republic (by: [Cernykh, Kuzminykh, 1989]) (without scale)

В настоящее время автору стало известно около десятка бронзовых кельтов с территории Синьцзяна (являются случайными находками, см: [Liu Guorui, Qi Xiaoshan, 2000. P. 33, fig. 089; Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 57, fig. 4; P. 303, fig. 7; The Tianshan..., 2014. P. 100, 101, 121, 144]), которые можно связывать с сейминско-турбинской общностью. Часть изделий более всего напоминают кельты, квалифицируемые Н. Е. Черных и С. В. Кузьминых как самусь-кижировские [1989. С. 156].

Поразительную близость к кельтам разряда К-52 (особенно кельту из Кижирова на р. Томи [Там же. Рис. 80, 2]) демонстрирует изделие из музея Хутуби (Синьцзян) [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2015. P. 303, fig. 7] (рис. 2). Это шестигранный кельт, орнаментированный по фаске пояском и свисающими, вписанными друг в друга, треугольниками. Втулка его слегка расширена в виде раструба. В отличие от кижировского, два противолежащие ушка не ложные, а настоящие. В сводном каталоге синьцзянских бронз этот кельт квалифицирован как изделие сейминско-турбинской принадлежности [The Tianshan..., 2014. P. 144, fig. 117]. К сказанному следует добавить, что орнаментальная схема у этих двух кельтов весьма близка, если не сказать тождественна.

Еще один кельт близок по форме к изделиям данного разряда из уезда Баянголин; он украшен в верхней части тремя рельефными валиками. Настоящие ушки обломаны [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 142, fig. 4; Han Jianye, 2007. P. 52] (рис. 3). Изделие отличается наличием утолщения в верхней части, что подчеркивает его своеобразие.

Рис. 2. Бронзовый кельт сейминско-турбинского типа из музея Хутуби (Синьцзян) (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2015]) (без масштаба): а – фото; б – прорисовка

Fig. 2. Bronze Celt of the Seima-Turbino type from the Hutubi Museum (Xinjiang) (by: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2015]) (without scale): a – photo; b – picture

Рис. 3. Бронзовый кельт сейминско-турбинского типа из уезда Баянголин (Синьцзян) (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]) (без масштаба)

Fig. 3. Bronze Celt of the Seima-Turbino type from Bayingolin Mongol Autonomous Prefecture (Xinjiang) (by: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008]) (without scale)

Рис. 4. Бронзовый кельт из города Аксу (Синьцзян) (по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016]) (без масштаба)

Fig. 4. Bronze Celt of the Seima-Turbino type from Aksu City (Xinjiang) (by: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016]) (without scale)

Кельт из музея Аксу (Синьцзян) в полной мере не вписывается в классификационную схему Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016. Р. 210, fig. 3] (рис. 4). По сравнению с сейминско-турбинскими кельтами он имеет более узкое, удлиненное тело, однако его пропорции и оформление верхней части тремя параллельными штрихованными поясками и одним ушком позволяют видеть в нем предмет, тяготеющий к сейминско-турбинским, хотя он и не в полной мере является таковым.

Рис. 5. Бронзовый кельт сейминско-турбинского типа
из музея Куитай (Qitai) ([по: The Tianshan..., 2014]) (без масштаба):
1 – фото; 2 – прорисовка

Fig. 5. Bronze Celt of the Seima-Turbino type
from the Qitai Museum (Xinjiang) ([by: The Tianshan..., 2014]) (without scale):
1 – photo; 2 – picture

Рис. 6. Бронзовый кельт-лопатка из музея Xinyuan County в Синьцзяне
(по: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016]) (без масштаба): 1 – фото; 2 – прорисовка

Fig. 6. Bronze Celt of the Seima-Turbino type from the Xinyuan County Museum (Xinjiang)
(by: [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016]) (without scale): 1 – photo; 2 – picture

К изделиям, имеющим абсолютные параллели с сейминско-турбинскими кельтами, следует отнести предмет из коллекции музея Куйтай (Qitai). Кельт полностью вписывается в классификацию, разработанную Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, и относится к разряду К-4 [1989] (рис. 5). От классических сейминско-турбинских, нередко встречающихся без всякого дополнительного орнамента [Там же], этот кельт отличается наличием в верхней части крестообразного выпуклого знака, который присутствует на кельтах из Китая более позднего, чем сейминско-турбинское, времени [Киселев, 1960].

Наконец, к разряду К-30 по классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [1989. С. 63] относятся три бронзовых кельта-лопатки [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2008. P. 233, fig.10; Jäger, 2007. S. 301, fig. 188; Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2016. P. 390, fig. 5]. Они безушковы, имеют трапециевидное тулово и круглую в сечении узкую втулку. В двух случаях грани тулова лопатки украшены цепочками треугольников и овалов (рис. 6), абсолютно таких же, как на лопастях кельта-лопатки из Ростовки [Матющенко, Сеницына, 1988]. По форме кельты-лопатки из Синьцзяна более всего напоминают изделие из Семипалатинска [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 22, 5].

Следует полагать, что по мере расширения раскопочных работ в Синьцзяне количество кельтов, близких по облику классическим образцам сейминско-турбинского типа, будет только увеличиваться.

Заключение

Следует подчеркнуть наличие в сейминско-турбинскую эпоху достаточно интенсивных связей между населением Синьцзяна и населением более северных территорий Азиатского континента, т. е. Сибири. Автору уже приходилось писать, что, вероятно, главный путь продвижения носителей данной традиции шел на север по Иртышу. В одной из последних своих работ крупнейший исследователь сейминско-турбинского культурного феномена Е. Н. Черных демонстрирует сегодняшнее видение проблемы изучения истории его происхождения: «Судя по всему, именно Синьцзян и является исходным регионом для формирования сейминско-турбинского феномена. При этом территориальное понятие Синьцзян можно трактовать в расширенном формате, соответствующем, к примеру, границам Синьцзян-Уйгурского автономного района современного Китая – то есть от Монгольского Алтая вплоть до Восточного Тянь-Шаня, с включением в эти рамки Джунгарии и бассейна Тарима: всего до 1,5–1,76 млн кв. км. Этот реконструируемый, первичный для сейминско-турбинской культуры, ареал мог даже слегка покрывать более западные от Синьцзяна области» [Черных, 2013. С. 283]. Достигнув степей и лесостепей Западной Сибири, носители сейминско-турбинской традиции, по-видимому, какое-то время существовали в Прииртышье, вполне адаптировавшись к местным условиям и к носителям автохтонных культур эпохи бронзы, прежде всего одиновской и кротовской. Об этом свидетельствует концентрация здесь классических сейминско-турбинских бронз [Черных, Кузьминых, 1989. Карты], коллекция которых пополняется с каждым годом.

Тем не менее, по какой-то причине (возможно, внешней, связанной с проникновением в Прииртышье носителей петровской культуры – воинов-колесничих с юго-запада) носители сейминско-турбинского феномена были вынуждены двинуться веерообразно на запад и на восток, оставляя на своем пути памятники и отдельные предметы сейминско-турбинского типа (скипетры, цельнолитые кинжалы). Проявления этих передвижений были картированы еще Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых. Восточный поток (или потоки) широкой полосой прокатился вплоть до енисейских лесостепей [Черных, Кузьминых, 1989]. Какова была его динамика, сказать пока сложно. Не исключено даже, что какие-то импульсы проявились далеко на востоке, о чем свидетельствует кельт, близкий по форме к сейминско-турбинским, обнаруженный на оз. Байкал [Хороших, 1970]. Это изделие даже удостоено особой принадлежности – сейминско-красноярского типа.

Изложенные в настоящей статье материалы, расширяющие наши представления о сути историко-культурных процессов на территории Центральной и части Северной Азии в эпоху бронзы, могут широко использоваться в учебном процессе в вузах, как это уже осуществляется в Новосибирском государственном университете в рамках учебного курса «Археология Сибири эпохи бронзы».

Список литературы / References

- Гао Цзянтао.** Шилунь Чжунго цзиннэй чутудэ саима-туэрбинно ши даогоу тунмао [Предварительное обсуждение бронзовых копий с перевернутым крюком сейминско-турбинского типа, найденных в пределах Китая] // Наньфан вэнь. Наньчан. 2015. № 4. С. 160–168 (на кит. яз.)
- Gao Tszyantao.** *Shilun Chzhungo tszinnei chutude saima-tuerbinno shi daogou tunmao* [Preliminary discussion of bronze spears with an inverted hook of Seima-Turbino type found in China]. Nanfan venu. Nanchan, 2015, no. 4, p. 160–168 (in Chin.)
- Киселев С. В.** Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // СА. 1960. № 4. С. 244–266.
- Kiselev S. V.** Neolit i bronzovyi vek Kitaya (po materialam nauchnoi komandirovki v KNR) [Neolithic and Bronze Age in China (based on the materials of a scientific trip to China)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1960, no. 4, p. 244–266. (in Russ.)
- Матющенко В. И., Синицына Г. В.** Моги́льник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Matyushchenko V. I., Sinitsyna G. V.** Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska [Burial ground near the village of Rostovka under the city of Omsk]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 1988, 136 p. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория, истоки) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 2–6. С. 97–107.
- Molodin V. I.** Fenomen bronzovykh kinzhalov iz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury (khronologiya, territoriya, istoki) [The phenomenon of bronze knives from the burial complexes of the Krotovo culture (chronology, territory, origins)]. *Vestnik of Kemerovo State University*, 2015, no. 2 (62), vol. 6, p. 97–107. (in Russ.)
- Хороших П. П.** Культура энеолита и бронзы на Байкале // Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 3: Сибирь и ее соседи в древности. С. 296–302.
- Khoroshikh P. P.** Kul'tura eneolita i bronzy na Baikale [Culture of the Aeneolithic and Bronze at Lake Baikal]. In: *Drevnyaya Sibir'* [Ancient Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1970, iss. 3: Siberia and its neighbors in antiquity, p. 296–302. (in Russ.)
- Черных Е. Н.** Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 369 с.
- Chernykh E. N.** Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira [The culture of nomads in the megastructure of the Eurasian world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013, vol. 1, 368 p. (in Russ.)
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.** Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Chernykh E. N., Kuzminykh S. V.** *Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii* [Ancient metallurgy of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka, 1989, 320 p. (in Russ.)
- Jäger U.** Metallurgie und Metallverarbeitung in Xinjiang. *Ursprünge der Seidenstraße: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China*. Stuttgart, Theiss, Konrad, 2007, S. 301–318.
- Lin Meicun, Xian Liu.** The origins of metallurgy in China. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 359, no. e-6, p. 1–6.
- Liu Guorui, Qi Xiaoshan.** Xinjiang Fine Arts. Edited by Administrative Office of Cultural Relics of Hami Prefecture and Hami Museum. Hami, 2000, 87 p. (in Chin. and Eng.)

- Molodin V. I.** Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics). In: Art of the Bronze Age. Materials of the International Symposium. Novosibirsk, Berlin, NSU Publ., 2015, p. 189–210. (in Engl.)
- The Tianshan Corridor of Silk Roads. Ancient Sites and Collection Highlights of Changji Museums in Xinjiang. Urumchi, 2014, vol. 1, 690 p.; vol. 2, 357 p. (in Chin.)
- Qi Xiaoshan, Wang Bo.** The Ancient culture in Xinjiang. Along the Silk Road (Continued). Urumchi, 2008, 303 p. (in Eng. and Chin.)
- Qi Xiaoshan, Wang Bo.** The Ancient culture in Xinjiang. Along the Silk Road (Continued). Urumchi, 2016, 431 p. (in Eng. and Chin.)
- Wagner M.** Kaune – ein Fundkomplex des 2 Jahrtausend v. Chr. e. am Nordwestrand des chinesischen Zentralreiches. *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentral-asiatischer Kulturen im Umbruch von 2 zum 1 vorchristlichen Jahrtausend. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6 (Bonn, 2001).* Bonn, 2001, S. 25–35.

Материал поступил в редколлегию
Received
15.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Paleometal Archaeology Department at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

molodin@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-3151-8457

УДК 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-17-23

Бронзовое оружие раннего железного века из коллекции находок, собранных А. Г. Шренком в 1840-х годах в Верхнем Прииртышье

Ю. С. Худяков^{1,2}, А. Ю. Борисенко²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются отдельные находки бронзовых предметов вооружения, собранные в ходе путешествия, совершенного в 1840–1843 гг. на территории Прииртышья, в пределах южных районов Западной Сибири, степной (равнинной) части Алтая и Восточного Казахстана известным российским ученым-ботаником и путешественником, сотрудником Санкт-Петербургского ботанического сада Александром Густавом фон Шренком. В настоящее время коллекция археологических предметов хранится в собрании Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Среди находок имеются разнообразные предметы вооружения и принадлежности конской сбруи. Рассматриваемые в статье изделия представляют собой предметы оружия ближнего боя эпохи раннего железа. Они проанализированы и классифицированы по формальным признакам в соответствии с разработанной в прошлом научной методикой типологической классификации.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Степной Алтай, Восточный Казахстан, эпоха раннего железа, бронзовые предметы вооружения, копье, кинжал, чеканы

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Бронзовое оружие раннего железного века из коллекции находок, собранных А. Г. фон Шренком в 1840-х годах в Прииртышье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 17–23. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-17-23

Bronze Weapon of the Early Iron Age from the Collection of Findings Gathered by Alexander Gustav von Schrenck in the 1840s in the Irtysh Region

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, A. Yu. Borisenko²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article introduces single findings of bronze armament objects that were gathered in the course of an expeditionary journey during 1840–1843 on the territory of the Irtysh region (within the limits of southern steppe regions of Western Siberia, Altai Steppes and Eastern Kazakhstan) by a famous Russian scientist, botanist, officer of Saint Petersburg Botanical Gardens Alexander Gustav von Schrenck.

Results. The archaeological objects gathered by the explorer are presently stored in the collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS in Saint Petersburg. They include various objects of armament and accessories of horse harness. The archaeological objects considered in the article are armament objects of close and hand-to-hand combats of ancient nomads. They are analyzed and classified on formal grounds according to the previously developed scientific methodology. The collection features a bronze spearhead with a bilobated feather and conical plug, a bronze dagger with a guard and a top and two bronze plug chisels with tetrahedral and circular peen and elongated butt ends. We provide some comments on chronology and the territory where similar objects were found in the sites of the Early Iron Age in Eurasian Steppe. Our classification is based on analogues of the objects studied, which were found at several archaeological sites on the contiguous territories of Southern Siberia and Central Asia. We also made certain assumptions on the cultural identity of the findings of the bronze armament objects of close and hand-to-hand combats which we analyzed.

Conclusion. Having considered the analogues, we refer the objects of the ancient bronze weapon studied as a part of the museum collection and stored there, which were gathered on the territory of the Irtysh Region in the middle of the 19th century by A. G. von Schrenck, to the complex of battlefield assets of the ancient Eurasian Steppe nomads of Scythian times. The analysis provided and our introduction of these materials expands the range of available sources on armament and military science of the ancient nomadic population gathered by A. G. von Schrenck in several regions of Northern and Central Asia.

Keywords

Western Siberia, Altai Steppes, Eastern Kazakhstan, Early Iron Age, bronze armament objects, spear, dagger, chisels

Acknowledgements

The work was conducted within the frameworks of the government-commissioned research project 33.5677.2017/8.9

For citation

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu. Bronze Weapon of the Early Iron Age from the Collection of Findings Gathered by Alexander Gustav von Schrenck in the 1840s in the Irtysh Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 17–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-17-23

Введение

Во время исследований, проведенных в ходе путешествия в 1840–1843 гг. по территории южных районов Западной Сибири, степной (равнинной) части Алтая, Алтайского горного округа, а также сопредельных районов «Киргизской» (Казахской) степи и земель, входивших ранее в состав Джунгарского ханства, известным российским ученым-ботаником, сотрудником Санкт-Петербургского ботанического сада Александром Густавом фон Шренком, наряду с изучением растительности и природных условий на исследуемых территориях были проведены раскопки одного из археологических объектов погребального характера («чудского» кургана) и собрана значительная коллекция находок, происходящих из древних и средневековых памятников. К сожалению, в раскопанном кургане не оказалось какого-либо сопроводительного инвентаря, и исследователем были описаны лишь конструктивные особенности его деревянных внутримогильных сооружений [Демин, 1989. С. 52]. Но коллекция находок, которые были найдены исследователями либо приобретены у местных жителей, хотя и не имеющая привязки к конкретным археологическим памятникам, и в наше время представляет собой значительный научный интерес. В настоящее время предметы из этой коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Целью публикации является введение в научный оборот результатов изучения бронзовых предметов вооружения из состава данной коллекции. Тем самым обеспечиваются новизна и актуальность нашей работы. В ходе решения исследовательских задач, что должно способствовать реализации заявленной цели, необходимо кратко оценить результаты изучения древних памятников на территории указанного региона, проведенных в течение предшествующих десятилетий, вплоть до работ А. Г. фон Шренка, определить типологическую принадлежность вещей из состава собранной им коллекции, высказать аргументацию в пользу их предполагаемого функционального назначения, установить хронологическую и культурную принадлежность находок.

Исследование древностей в Верхнем Прииртышье до работ А. Г. фон Шренка

Интерес к древностям на территории степных районов Западной Сибири и Верхнего Прииртышья среди ученых и образованных людей своего времени, интересующихся древними и средневековыми археологическими памятниками и находками из них, отчетливо проявился в конце XVII – первой половине XVIII в., когда некоторые представители российской администрации в Сибири пытались заинтересовать власти сведениями о месторождениях «песошного золота» на территории Восточного Туркестана, добраться до которых можно было, совершив путешествие вверх по Иртышу и далее. В дальнейшем, в XVIII – 40-х гг. XIX в. относительно указанного региона различными авторами неоднократно проводились исследования, в том числе имевшие своей целью как пополнение коллекций разнородных предметов археологического происхождения, так и изучение древних памятников [Паллас, 1780; Фальк, 1824; Messerschmidt, 1962; Зиннер, 1968; Розен, 1983; Княжецкая, 1989; Завитухина, 1999; Миллер, 1999а; 1999б; 1999в; Борисенко, Худяков, 2005]. Экспедиция А. Г. фон Шренка в этом ряду стала одним из крупнейших научных мероприятий полевого характера.

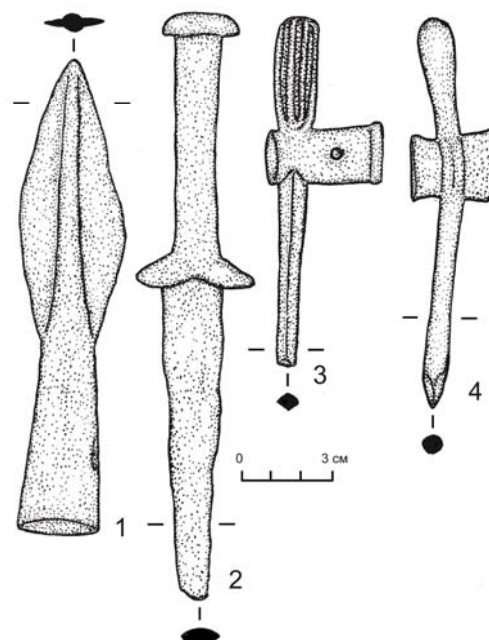
Результаты исследований и их обсуждение

Среди материалов экспедиции А. Г. фон Шренка наибольший интерес для изучения археологических культур скифского времени на территории Прииртышья представляет коллекция предметов бронзового оружия.

В ее состав входит наконечник копья. У него выделяется остроугольное острие, массивное двухлопастное перо удлинненно-ромбической формы с широкими лопастями, пологими плечиками и довольно массивная, расширенная к нижнему краю, конусовидная втулка. Длина пера наконечника – 10 см, наибольшая ширина пера – 3,5 см, длина втулки – 6 см. (см. рисунок, 1).

Бронзовые предметы вооружения из коллекции А. Г. фон Шренка: 1 – копье; 2 – кинжал, 3, 4 – чеканы

Bronze weapons from the collection gathered by Alexander Gustav von Schrenck: 1 – spear; 2 – dagger; 3, 4 – axes

В результате изучения предметов древкового колющего оружия на территории Евразийских степей было определено, что во II тыс. до н. э. копья были основным видом оружия древних воинов [Горелик, 1993. С. 63]. Подобные копья с двухлопастными наконечниками

и коническими втулками на территории лесостепного Алтая должны датироваться начальным периодом раннего железного века, в хронологическом диапазоне VII–VI вв. до н. э. В одной из специальных работ, посвященных изучению оружия скифского времени у древнего населения лесостепного Алтая, подчеркнуто, что в рассматриваемый исторический период такие копья были достаточно редким видом оружия ближнего боя [Иванов Г., 1987. С. 7]. Вполне вероятно, что они использовались воинами сакских племен, обитавших в это время на территории Средней Азии [Иванов С., 2007. С. 58]. Такие копья могли применяться для нанесения противнику колющих ударов в ходе атаки, преимущественно в пешем строю. Вероятно, основным средством защиты от действий вражеских копьеносцев у таких воинов должны были быть деревянные щиты.

В составе коллекции находок А. Г. фон Шренка, относящихся к числу предметов вооружения ближнего боя, имеется бронзовый кинжал. У него обломанное, затупленное острие, прямой, двулезвийный клинок с частично поврежденными обоими лезвиями, цельнолитое, раздвоенное перекрестье с приостренными окончаниями, ориентированными в обе стороны от прямой цельнолитой рукояти, снабженной уплощенным грибовидным навершием. Длина сохранившейся части клинка – 11 см, ширина клинка – 2 см, высота рукояти с навершием – 8,5 см. (см. рисунок, 2).

На территории лесостепного Алтая кинжалы и короткие бронзовые мечи с цельнолитыми перекрестиями и навершиями известны в археологических памятниках, относящихся к раннему скифскому времени (VIII–VII вв. до н. э.). Подобное короткое клинковое оружие могло получить распространение на Алтае через степные территории Приуралья и Восточного Казахстана [Иванов Г., 1987. С. 15]. Такие кинжалы были в составе комплекса вооружения воинов пазырыкской культуры скифского времени в Горном Алтае [Кубарев, 1981. Рис. 2, 10]. Похожие по форме кинжалы имелись в распоряжении у воинов чандманьской культуры, памятники которой изучены на территории Северо-Западной Монголии [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 111], а также у саков на территории Тянь-Шаня [Табалдиев, 2007. Рис. 1, 2, 3]. Такие кинжалы могли использоваться для нанесения колющих ударов противникам в ближних боевых столкновениях.

В составе оружейной коллекции А. Г. фон Шренка присутствуют также два бронзовых втульчатых чекана.

Один из них снабжен уплощенным рифленным обушком с четырьмя вертикально и поочередно расположенными ребристыми выступами с тремя желобчатыми, также находящимися между ними, вертикальными углублениями. Втулка удлиненная, округлая в сечении, с округлым сквозным отверстием, предназначенным для крепления к деревянной рукояти, и полукруглым обручем, окаймляющим окончание втулки. Боек узкий, вытянутый, четырехгранный в сечении; его острие частично обломано и затуплено. Высота ребристого обушка – 4 см, длина втулки – 3,5 см, диаметр втулки – 2 см. Длина сохранившейся части бойка – 6,5 см (см. рисунок, 3).

Второй чекан имеет округлый в сечении, удлиненный обушок, который увенчан сферическим полукруглым навершием. Втулка овальная в сечении, слегка расширенная к обоим окончаниям; поверх втулки, в ее центральной части, расположен литой проух. Боек удлиненный, округлый в сечении, завершающийся четырехгранным в сечении острием. Высота обушка – 4 см, длина втулки – 2,8 см, диаметр втулки – 2,2 см. Длина бойка – 7 см, диаметр бойка – 0,7 см (см. рисунок, 4).

Похожие по своим основным конструктивным особенностям бронзовые чеканы с укороченными втулками и округлыми в сечении бойками, а также с округлыми или уплощенными обушками получили определенное распространение в степной части Алтая в течение раннего скифского времени. По мнению некоторых исследователей, такой вид ударного оружия, как чекан, занимал весьма важное, вероятнее всего, ведущее место в составе комплекса вооружения ближнего боя скифского времени на данной территории [Иванов Г., 1987. С. 18]. Они

имелись также в составе вооружения пазырыкской [Кочеев, 1988. С. 149] и чандманьской культур [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 131–132].

Подобные чеканы могли использоваться в скифское время для нанесения врагам колющих и дробящих ударов в условиях ведения ближнего боя, как в конном, так и в пешем строю. Если деревянные рукояти чеканов были дополнены бронзовыми втоками, снабженными приостренными окончаниями, то ими также могли наноситься колющие удары.

Заключение

В целом, оценивая исследуемую коллекцию предметов вооружения, необходимо подчеркнуть, что имеющийся в ее составе набор бронзового оружия позволяет создать определенное представление о комплексе боевых средств ближнего боя кочевников, населявших прииртышские степные районы в раннем железном веке. Эти материалы позволяют дополнить полученные в ходе предшествующих исследований на рассматриваемых территориях собрания бронзовых предметов вооружения скифского времени.

Список литературы / References

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. 270 с.

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu. S. Izuchenie drevnostei Yuzhnoi Sibiri nemetskimi uchenymi XVIII–XIX vv. [On Studying Antiquities of Southern Siberia by German Scientists of the 18th–19th centuries]. Novosibirsk, NSU Publ., 2005, 270 p. (in Russ.)

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.

Gorelik M. V. Ooruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n. e.) [Weapon of the Ancient East (4th millennium – 4th century B.C.)]. Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.)

Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Demin M. A. Pervootkrivateli drevnostei [Discoverers of Antiquities]. Barnaul, Altay book Publ., 1989, 120 p. (in Russ.)

Завитухина М. П. Н. К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник. СПб.: [б. и.], 1999. Вып. 34. С. 102–114.

Zavitukhina M. P. N. K. Vitsen i ego sobranie sibirskikh drevnostei [N. K. Witsen and his Collection of Siberian Antiquities]. In: Arkheologicheskii sbornik [Archaeological Works]. St. Petersburg, 1999, vol. 34, p. 102–114. (in Russ.)

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Zinner E. P. Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshetvennikov i uchenykh XVIII veka [Siberia in the Books by Western European Travellers and Scientists of the 18th Century]. Irkutsk, Vost.-Sib. books. Publ., 1968. 247 p. (in Russ.)

Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 6–27.

Ivanov G. E. Vooruzhenie plemen lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke [Armament of the Altai Forest Steppe Tribes in the Early Iron Age]. In: Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii [Military Science of the Ancient Population of Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 6–27. (in Russ.)

Иванов С. С. Копья саков Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. С. 58–65.

Ivanov S. S. Kop'ya sakov Tsentral'noi Azii [Saka's Spears in Central Asia]. In: Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noi Azii [Armament and Military Science of the Nomads in Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007, p. 58–65. (in Russ.)

Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. 26. С. 10–35.

- Knyazhetskaya E. A.** Novye svedeniya ob expeditzii I. M. Likhareva (1719–1720) [New Data on the Expedition by I. M. Likharev]. In: Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Moscow, Nauka, 1989, iss. 26, p. 10–35. (in Russ.)
- Кочеев В. А.** Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 144–162.
- Kocheev V. A.** Chekany Gornogo Altaya [Chisels of the Altai Mountains]. In: Problemy izucheniya kul'tury naseleniya Gornogo Altaya [Issues of Studying Indigenous Cultures of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, GANIIYAL Publ., 1988, p. 144–162 (in Russ.)
- Кубарев В. Д.** Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–54.
- Kubarev V. D.** Kinzhaly iz Gornogo Altaya [Daggers from the Altai Mountains]. In: Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii [Military Science of the Ancient Tribes in Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1981, p. 29–54. (in Russ.)
- Миллер Г. Ф.** О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999а. Т. 1. С. 503–506.
- Miller G. F.** O pamyatnikakh drevnosti tatarskoi, naidennykh v mogil'nykh kholmakh bliz Abakanskogo i Sayanskogo ostrogov [On the Ancient Tatar Artifacts Found in Burial Mounds nearby the Abakan and Sayan ostrags]. In: Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. vol. 1, p. 503–506. (in Russ.)
- Миллер Г. Ф.** Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999б. Т. 1. С. 512–519.
- Miller G. F.** Iz'yasnenie o nekotorykh drevnostyakh, v mogilakh naidennykh [Speculations on the Antiquities Found in Graves]. In: Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, p. 512–519. (in Russ.)
- Миллер Г. Ф.** О сибирских надписях // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999в. Т. 1. С. 519–534.
- Miller G. F.** O sibirskikh nadpisyakh [On Siberian inscriptions]. In: Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, p. 519–534. (in Russ.)
- Паллас П. С.** Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобие с венгерскими, различествующими от копей римских // Академические известия. СПб.: [б. и.], 1780. Ч. 5. С. 312–337.
- Pallas P. S.** Rassuzhdeniya o starinnykh rudnykh kopyakh v Sibiri i ikh podobie s vengerskimi, razlichestvuyushchimi ot kopei rimskikh [Speculations on Ancient Ore Collieries in Siberia, Their Similarity to Hungarian Ones and Difference from the Roman Ones]. In: Akademicheskie izvestiya [Academic Bulletin]. St. Petersburg, 1780, part 5, p. 312–337. (in Russ.)
- Розен М. Ф.** Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: [б. и.], 1983. С. 19–34.
- Rozen M. F.** Drevnyaya metallurgiya i gornoe delo na Altae [Ancient Metallurgy and mining in the Altai Mountains]. In: Drevnie gorniyaki i metallurgi Sibiri [Ancient miners and Metallurgists of Siberia]. Barnaul, 1983, p. 19–34. (in Russ.)
- Табалдиев К. Ш.** Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. С. 47–57.
- Tabaldiev K. Sh.** Kinzhaly i klad bronzovykh izdelii iz Kyrgyzstana [Daggers and Treasure of Bronze Artifacts from Kyrgyzstan]. In: Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noi Azii [Armament and Military Science of the Nomads in Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007, p. 47–57. (in Russ.)
- Фальк И. П.** Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб.: Изд-во ИАН, 1824. Т. 6. 546 с.
- Falk I. P.** Zapiski puteshestvia akademika Fal'ka. Polnoe sobranie uchenykh puteschestvii po Rossii [Travel Notes of Academician Falk. A Complete Collection of Notes by Scientists Travelling around Russia]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1824, vol. 4, 546 p. (in Russ.)

Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). СПб.: Филфак СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.

Khudyakov Yu. S., Erdene-Ochir N. Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n. e.) [Military Science of the Ancient Nomads of Mongolia (2nd millennium – 3rd century B. C.)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, Nestor-Istoriya Publ., 2011, 172 p. (in Russ.)

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, Akademie Verlag, 1962, Th. 1, 379 S.

Материал поступил в редколлегию

Received

11.11.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

khudjakov@mail.ru

ORCID 0000-0002-4741-9971

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, PhD in History, Senior Researcher of Laboratory for Humanities at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

УДК 904
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-24-34

Археологические коллекции средневекового городища Искер в фондах Тобольского губернского музея

И. В. Балюнов

*Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
Тобольск, Россия*

Аннотация

В научных работах В. Н. Пигнатти, А. А. Адамова, А. П. Зыкова, освещавших историю археологических исследований и формирования коллекций городища Искер, деятельность Тобольского губернского музея показана недостаточно полно. В конце XIX – начале XX в. музей являлся центральным учреждением, которое собирало и популяризировало археологическое наследие городища. За это время сформировалась внушительная коллекция, которая по возможности была обработана и научно осмыслена. Известно, что первые предметы поступили на хранение еще на этапе создания этого учреждения, и в дальнейшем его фонды стремительно пополнялись в результате частых сборов и закупок. Продолжением этих работ стали первые раскопки на памятнике, проведенные В. Н. Пигнатти в 1915 г. Основные исследовательские труды по теме были написаны сотрудниками музея: «Искер» М. С. Знаменского, доклад В. Н. Пигнатти «Искер (Кучумово городище)» и его же «Каталог...». Благодаря проведенному исследованию стали известны достаточно подробная история формирования «искерской» коллекции Губернского музея и круг лиц, причастных к ее созданию.

Ключевые слова

Тобольский губернский музей, Искер, коллекция, М. С. Знаменский, В. Н. Пигнатти

Для цитирования

Балюнов И. В. Археологические коллекции средневекового городища Искер в фондах Тобольского губернского музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 24–34. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-24-34

Archaeological Collections of the Medieval Hillfort Isker from the Funds of the Tobolsk Provincial Museum

I. V. Balyunov

*Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve
Tobolsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The hillfort of Isker is a unique medieval site in the history and archaeology of Siberia, which used to be the center of a large political association, the Siberian Khanate. The purpose of the article is to describe the history of its archaeological collections stored in the funds of the Tobolsk provincial museum. At the same time, we aim at showing how these materials were used in the exposition, research and educational activities of the museum in the late 19th – early 20th century.

Results. At the stage of the museum being founded, few artifacts from the hillfort of Isker were stored in its funds. At that time, the famous Tobolsk artist M. S. Znamensky, who also worked at the museum, contributed to the replenishment of its funds. He was the author of the book “Isker”, which was published in 1891. Due to unclear circumstances, only a small part of the archaeological collection devoted to this hillfort and belonging to M. S. Znamensky remained in Tobolsk. In subsequent years, the museum regularly replenished its funds with the artifacts discovered on the territory of the hillfort. If we look at the list of the donors, we can see that active collectors of finds were the museum staff. According to the data available, the number of items obtained from the hillfort of Isker at those times exceeded the number of all other materials of the archaeological department. The artifacts were constantly shown to the public in the exhibition halls and occupied an important place in the exposition display. The continuation of this activity was connected with the first excavations on the site, which were conducted by the museum conservator V. N. Pignatti in

© И. В. Балюнов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

1915. In addition, V. N. Pignatti worked with the materials stored in the collections and described them. He published the results of his research in “Isker (Kuchumovo gorodishche)” and “The Catalogue of Finds on Isker Belonging to the Tobolsk Provincial Museum”. A little later, they organized an impressive showcase in the exhibition halls which showed a complete collection of the finds from the hillfort of Isker. The collection included about 1400 items. Thus, V. N. Pignatti summarized all historical and archaeological materials available at those times and presented them to the public and researchers, both readers of his works and visitors to the museum.

Conclusion. In the late 19th – early 20th century, the museum was the central institution which collected and popularized the medieval hillfort of Isker as an important archaeological site. During those times, an impressive collection was gathered, which was analyzed, described and put into scientific circulation. During a long period, researchers learnt about the events and processes from the history of the Siberian Khanate based on the notes by M. S. Znamensky and V. N. Pignatti. As a result of our study, a fairly detailed history of forming the collection of the Isker at the Tobolsk provincial museum is presented, and the circle of persons involved in its creation is specified.

Keywords

Tobolsk provincial museum, Isker, collection, M. S. Znamensky, V. N. Pignatti

For citation

Balyunov I. V. Archaeological Collections of the Medieval Hillfort Isker from the Funds of the Tobolsk Provincial Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 24–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-24-34

Введение

Процесс формирования археологических коллекций городища Искер с той или иной степенью полноты освещался в публикациях, где затрагивались такие темы, как история Сибирского ханства, материальная культура сибирских татар, военный поход Ермака и пр. Этот памятник находится примерно в 16 км от современного Тобольска на левом берегу Иртыша в месте впадения в него реки Сибири. По одной из версий, первоначально здесь существовало укрепленное поселение, где проживали древние угры (предки южных хантов) [Пигнатти, 1915. С. 28]. С приходом тюркоязычных племен, угорское население было вытеснено на север, и в XV в. появилось городище Искер, ставшее столицей Сибирского ханства. Поход Ермака и последовавшее за этим русское освоение сибирских земель предопределили падение Искера и его дальнейшее запустение. К сожалению, само местоположение не способствовало сохранению его для потомков, и в настоящее время эта территория практически полностью смыта водами Иртыша. Но благодаря в основном дореволюционным и часто непрофессиональным исследователям в Тобольском музее сложилась весьма представительная коллекция древностей, происходящая из культурного слоя этого памятника.

Говоря о многочисленных публикациях, посвященных городищу Искер, следует отметить, что в большинстве изданных работ заявленная тема раскрывалась достаточно кратко. Основное внимание уделялось археологическому материалу без должного анализа обстоятельств его обнаружения. Вместе с тем можно составить небольшой список исследований, авторы которых попробовали как-то объединить многочисленные данные о собранных коллекциях.

В этом ряду прежде всего следует упомянуть В. Н. Пигнатти, который, являясь консерватором Тобольского губернского музея, в начале XX в. произвел первые официальные раскопки на территории бывшей столицы Сибирского ханства и, кроме того, обработал материалы, хранившиеся в фондах учреждения. Эта работа нашла отражение в таких публикациях, как «Искер (Кучумово городище)» [1915] и «Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому губернскому музею» [1916а]. Следует отметить, что именно данные, опубликованные В. Н. Пигнатти, на долгие годы стали единственным источником по названной теме и уже подверглись многочисленным интерпретациям и, в ряде случаев, искажениям.

Заметно позднее появилась коллективная монография, посвященная изучению археологического наследия Тобольска и его окрестностей [Адамов и др., 2008]. В этом издании отдельная глава (за авторством А. А. Адамова) знакомит читателя с историей исследований

на указанной территории в хронологической последовательности начиная с XVIII в. Именно в этом разделе можно встретить данные о городище Искер, которые перемежаются с информацией о других памятниках, изучавшихся, в том числе, сотрудниками Тобольского губернского музея. Очевидно, что автор не ставил перед собой задачу создания целостной картины по обозначенной теме – им не был использован весь фактологический материал, не сделано обобщающих выводов.

В 2017 г. вышла в свет коллективная монография, где основные по объему разделы были написаны А. П. Зыковым – отдельная глава книги посвящена истории археологических исследований городища Искер [Зыков и др., 2017]. Она написана на внушительном материале и охватывает временной промежуток от первого письменного описания памятника до современности. Однако внимательное обращение к тексту показывает, что в нем присутствуют многочисленные пробелы и неточности – это, в частности, касается вопросов участия Тобольского губернского музея в деле изучения городища Искер и хранения археологических материалов, полученных из его культурного слоя.

Последнее обстоятельство стало основной причиной для написания нашей статьи, целью которой является последовательное создание истории формирования археологических коллекций городища Искер в фондах Тобольского губернского музея. Попутно ставится задача выяснить, насколько эти материалы были востребованы в экспозиционной, исследовательской и просветительской деятельности в конце XIX – начале XX в. Источниковой базой являются археологические коллекции и описания к ним, а также материалы научного архива и научной библиотеки Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, который является прямым наследником этого губернского учреждения.

Результаты исследований и их обсуждение

Активные поиски и собирание древностей на территории Западной Сибири стали одной из главных причин появления музейного дела в Тобольске в конце 60-х гг. XIX в. Можно привести опубликованные данные о том, что И. Н. Юшков, являвшийся секретарем Статистического комитета и коллекционировавший «главным образом археологические находки, все-таки должен считаться первым, занявшимся собиранием вещественных памятников для изучения прошлой жизни губернии и давшим, так сказать, идею образования местного учреждения для изучения родины» [Тобольский губернский музей..., 1915. С. 25–26]. В 1887 г. в городе началось строительство нового здания, которое на многих проектах обозначено как археологический и этнографический музей (в результате он именовался Тобольским губернским). Характеризуя коллекции того времени, можно привести следующие строки: «Огромное большинство этих предметов состояло из археологических находок и вещей других губерний и даже стран» [Там же. С. 26].

Следует сказать, что еще на этапе создания музея его археологический отдел возглавил Н. А. Лыткин, стараниями которого произошел существенный прирост коллекций. Согласно отчетам, в 1886 г. археологический отдел имел всего несколько экспонатов, но в 1889 г. их было уже 806 единиц [Адамов и др., 2008. С. 11]. В 1890 г. Н. А. Лыткиным был составлен каталог «Археологический отдел Тобольского губернского музея», где отмечено 957 номеров, дано краткое описание с указанием места происхождения вещей [Лыткин, 1890]. На основании сведений этого каталога можно прийти к выводу, что в Губернском музее находилась представительная коллекция, происходящая из культурного слоя Искера. Как минимум 20 предметов поступили от советника губернского правления В. К. Имсена (собраны им в обрыве горы Кучумова городища). Среди них значатся несколько пуль, бусы, наконечники стрел, пряслице, обувная подковка и пр. [Там же. С. 10]. Еще одна коллекция вещей передана в музей известным тобольским художником М. С. Знаменским. Она состояла из 13 находок – железные ножи, огниво, наконечники стрел, медные бляхи и др. [Там же. С. 6]. Необходимо

отметить, что в это время далеко не каждая находка поступала в коллекцию – их малое количество является признаком отбора материала.

По непонятным причинам (видимо, из-за случайной ошибки) В. Н. Пигнатти в предисловии к каталогу назвал только 20 предметов от В. К. Имсена, считая их единственными поступлениями искерских находок [Пигнатти, 1916а. С. 3]. При этом он приводит имя М. С. Знаменского в списке лиц, пополнявших фонды музея. В свою очередь, А. П. Зыков на страницах своей книги фактически дублирует фразу о «20 предметах», а далее пишет, что вокруг художника «сгустилась атмосфера зависти и недоброжелательства», и исходило негативное отношение «прежде всего со стороны тех, кто работал в музее или был связан с ним» [Зыков и др., 2017. С. 38]. Следует заметить, что М. С. Знаменский был крупнейшим коллекционером находок с городища Искер; кроме того, он является автором многочисленных рисунков археологического наследия с площади столицы Сибирского ханства. Значительная часть этих материалов после смерти художника (1892 г.) была продана в 1897 г. и оказалась в Финском национальном музее [Белич, 2004. С. 316]. По мнению А. П. Зыкова, случилось такое как раз из-за недоброжелательного отношения к М. С. Знаменскому, который страдал от «...унизительных нападок и абсурдных обвинений со стороны работников Тобольского губернского музея и покровительствовавшего музеем тобольского губернатора» [Зыков и др., 2017. С. 40].

Не очень понятно, чем автор аргументирует данное утверждение, но оно вступает в противоречие со множеством достаточно известных фактов. Приведем некоторые из них. Так, в апреле 1889 г. в только что отстроенном здании губернского музея состоялась выставка «...этнографических картин известного карикатуриста М. С. Знаменского, носящих название “От Тобольска до Обдорска”, и привлекавших к себе на выставке массу публики» [Выставка..., 1889. С. 2]. Годом позже при выборах членов правления и ревизионной комиссии хранителем музея был избран М. С. Знаменский [Луговской, 1890. С. 18]. В 1891 г., когда наследник престола Николай Александрович (будущий император Николай II) совершал путешествие по Тобольскому краю, губернатор В. А. Тройницкий представил ему альбом художника «От Тобольска до Обдорска», который «...заслужил высокое одобрение Цесаревича и свиты» и поступил в дальнейшем в библиотеку Зимнего дворца [Ухтомский, 1897. С. 124]. Много лет (фактически с момента создания Музея и до своей смерти в 1899 г.) членом музейного сообщества являлся Н. С. Знаменский – родной брат художника [Луговской, 1890. С. 18]; в том числе и через музей распространялась книга М. С. Знаменского «Искер», изданная в 1891 г. типографией Тобольского губернского правления [Знаменский, 1891]. В начале XX в. в библиотеке Тобольского губернского музея хранилась рукопись «Каталог коллекции древностей, собранных М. С. Знаменским в обвалах Искера» [Филиппов, 1907. С. 56].

Все эти факты свидетельствуют о том, что никаких сложных отношений у М. С. Знаменского с местным губернским начальством и музейными работниками не было. Более того, художник фактически сам являлся сотрудником учреждения и способствовал пополнению его коллекций. Причиной того, что это сотрудничество оказалось не столь плодотворным, как можно было бы ожидать, явилась скорая смерть М. С. Знаменского, которого не стало в 1892 г. За это время музейные фонды продолжали пополняться, в том числе и находками с территории бывшей столицы Сибирского ханства.

Как сообщал Н. А. Лыткин в отчете о состоянии коллекций Тобольского губернского музея, на средства учреждения в 1892 г. были приобретены археологические вещи, найденные на Искере (Кучумовом городище) [Лыткин, 1893. С. XXII]. В текущей хронике за июнь 1893 г. обозначено, что фондыполнились дарами от уже упомянутого В. К. Имсена и его супруги (находки с Искера, старинные вещи и женские уборы) [Лыткин, 1894б. С. LVIII]. В отчете о состоянии коллекций за этот же год сообщалось, что в археологический отдел поступили дважды «...археологические вещи с Кучумова городища», их передали С. В. Герцик и В. К. Имсен. Ниже в тексте указано, что на средства музея была приобретена еще одна коллекция с этого памятника [Лыткин, 1894а. С. XXV–XXVI].

Новый хранитель музея Н. Л. Скалозубов в отчете за 1894 г. сообщал, что «по археологическому отделу поступили: находки с Искера – от гг. Имсена и Бутакова» [Скалозубов, 1895–1896. С. 27]. На страницах этого же отчета им дается такая характеристика: «В археологическом отделе, наиболее богатом числом предметов, собраны случайные находки из разных мест губернии, но главное его содержание составляют вещи, найденные на Искере, на месте древней столицы Сибири. Коллекцию находок с Искера, кажется, можно назвать богатой. К сожалению, она до сих пор не приведена в порядок и не описана» [Там же. С. 23]. По мнению докладчика, для музея было бы желательно иметь коллекции предметов, характеризующие каменный, бронзовый, железный века.

Позднее, когда анализировалась деятельность музея за период 1891–1894 гг., в тексте отчета за 25 лет работы Губернского музея указано: «...за все эти годы естественно-исторический, этнографический и промышленный отделы не обогатились. Большинство поступлений пришло в археологический отдел, и в числе их первое место должны занять находки с Искера» [Тобольский губернский музей..., 1915. С. 29]. В период 1891–1893 гг. всех вещей в этом отделе было 1 173 экземпляра [Там же]. К 1894 г. в Тобольском музее хранилось уже 6 010 предметов, из которых основная часть относилась к двум отделам: археологическому и этнографическому [Лыткин, 1894б. С. XXV].

В 1894 г. несколько изменилась структура музея, был создан единый Отдел истории и археологии.

Документы свидетельствуют, что в то время, когда коллекция М. С. Знаменского продавалась в Финляндию, находки с городища Искер по объему превосходили в музейных фондах все прочие археологические материалы, вместе взятые. Уже тогда в экспозициях были представлены интереснейшие находки, например знаменитый «Истяцкий клад» и др. В уставе учреждения была прописана обязанность широкого представления культурного наследия Тобольской губернии, т. е. его работники четко осознавали необходимость всестороннего сбора экспонатов, и перед ними не стояла задача создать, условно говоря, «Музей Искера». При этом ощущался недостаток предметов, характеризующих более ранние эпохи, а с точки зрения экспозиционного показа достаточно сложно было продемонстрировать коллекцию однотипных вещей (такowymi являлись находки с Кучумова городища). Позднее В. Н. Пигнатти в предисловии к каталогу с некоторым сожалением отмечал: «...умелой рукой собранная большая и ценная коллекция вещей с Искера, переходя из рук в руки, потеряла свое значение... Так случилось с коллекцией М. С. Знаменского – жителя г. Тобольска» [Пигнатти, 1916а. С. 3]. Ранее консерватор губернского музея отмечал, что ему не известно, где сейчас находится эта коллекция [Пигнатти, 1915. С. 19].

Любопытен факт передачи в Губернский музей коллекции И. Н. Бутакова, упомянутого выше. Этот дворянин проживал в окрестностях городища близ с. Преображенки и регулярно занимался сбором археологических предметов. Как пишет А. П. Зыков, «...свою искерскую коллекцию он в 1891 г. преподнес в подарок проезжавшему через Тобольск наследнику-цесаревичу Великому князю Николаю Александровичу» [Зыков и др., 2017. С. 38]. Здесь необходимо внести важное уточнение: визит будущего императора в Тобольск зафиксирован во многих подробностях и среди лиц, преподнесших ему дары, И. Н. Бутаков не значился [Ухтомский, 1897. С. 127–133]. Уточняют эти данные строки, зафиксированные в протоколе общего годичного собрания Комитета Тобольского губернского музея от 26 июня 1894 г., «...дворянин Иннокентий Бутаков, проживающий на собственной земле близ села Преображенского», послал 23 мая этого года «разные мелкие вещи, найденные им в старинном Искере на Кучумовом городище» [Луговской, 1894. С. V]. Возвращаясь к теме визита наследника престола, следует подчеркнуть, что ни художник М. С. Знаменский, ни дворянин И. Н. Бутаков в 1891 г. доступа к высочайшей особе не имели. Коллекция последнего была представлена цесаревичу генерал-лейтенантом А. С. Васильковским, являвшимся тогда начальником управления Собственным Его Величества дворцом и заведующим делами Августейших Детей Их Императорских Величеств [Там же]. Тогда оказалось принятым решение самые вещи

как представляющие особый археологический интерес передать в Тобольский музей, где имеется уже часть вещей, найденных на Искере [Лыткин, 1894б. С. LV]. Случилось это в 1894 г. Еще раз отметим, что в 1891 г. Николай Александрович взял Тобольский музей под свое высочайшее покровительство, и это сыграло определенную роль в становлении и развитии учреждения.

Представленная коллекция со всеми формальностями и благодарственными письмами была принята. В 1907 г. И. Н. Бутаков продал Тобольскому музею еще одну коллекцию. В письме на имя Н. Л. Скалозубова дворянин привел список находок: бусы, стрелы, ножи, подпилы, две монеты и много других вещей – всего более 100 предметов. Вещи И. Н. Бутаков продавал по 25 копеек за штуку [Адамов и др., 2008. С. 20]. Вот как это описано в отчете об увеличении коллекций: «Все приобретения, сделанные Музеем в 1907 г., имеют несомненную ценность в смысле пополнения его коллекций, причем особенно ценными являются предметы, имеющие такое или иное отношение к Тобольской губернии. Так: покупкой вещей (у Бутакова) увеличилось количество предметов, найденных на месте Искера» [Ивановский, 1909. С. 26].

Экспонаты с городища Искер всегда находили достойное место в выставочных залах Тобольского губернского музея. Есть указания В. Н. Пигнатти, что как минимум дважды (в 1908 и 1909 гг.) при обустройстве выставочных залов работники нашивали на щиты «находки с Искера» [Пигнатти, 1910. С. 18; 1911. С. 18]. К 1915 г. экспозиции музея претерпели заметные изменения. Как отмечалось в отчете за 25 лет существования музея, для увеличившейся коллекции городища Искер было выделено уже особое место. Отдел истории и археологии занимал целый зал и имел определенную структуру. Показ древностей начинался с демонстрации находок названного городища (1 витрина). В этом же документе есть указание на то, что исторический отдел «увеличивался незначительно со времени своего первого периода: отдельные поступления насчитывают не более 500 номеров. Несколько увеличилась коллекция с Искера» [Тобольский губернский музей..., 1915. С. 40].

Именно в год празднования 25-летия Музея были проведены первые исследования на городище, которые можно считать по-настоящему археологическими. Как следует из источника, «в 1915 году, за недостатком средств, экскурсий не было организовано, произведены были только раскопки Искера (Кучумова городища)» [Там же. С. 44]. Эти работы проводились с соблюдением многочисленных формальностей, так как имелось «от Императорской Археологической Комиссии разрешение на производство раскопки на Искерском городище»; распорядительный комитет губернского учреждения постановил: «...просить консерватора Музея В. Н. Пигнатти произвести раскопки». Эти работы он осуществил весной 1915 г. за счет своих личных средств и чуть позже, на общем собрании музея, проходившем в день 25-летнего юбилея учреждения (14 октября), представил «обширный доклад и демонстрировал различные предметы из собранных им при раскопках коллекций» [Чебаторев, 1916. С. 6]. Согласно учтенным данным, в фонды музея поступили 328 искерских предметов. «Вещи эти переданы Музеем с согласия Императорской Археологической Комиссии» [Пигнатти, 1916б. С. 14].

Прочитанный В. Н. Пигнатти доклад чуть позже был опубликован в Ежегоднике Тобольского губернского музея под названием «Искер (Кучумово городище)» [Пигнатти, 1915]. В этой работе автор обобщил все известные ему материалы, указал и количественную составляющую археологических коллекций. Всего он выделял четыре коллекции: материалы, полученные в ходе его раскопок и переданные в фонды музея, – 334 предмета; коллекция М. С. Знаменского; коллекция И. Н. Бутакова и коллекции, собранные разными лицами, передавшими свои находки в дар музею. Чуть ниже В. Н. Пигнатти привел список собирателей, сдавших находки с Искера в музей – М. С. Знаменский, С. В. Герциг (Герцик), И. К. Голубев, И. Н. Бутаков, С. Н. Мамеев. По подсчетам, сделанным на то время, в фондах хранилось 1 218 предметов с городища Искер [Там же. С. 19].

Но данные, приведенные в докладе, нельзя признать окончательными. Так, в 1916 г. был издан каталог коллекций находок, составленный все тем же В. Н. Пигнатти (помощь в работе оказывал почетный член музея В. А. Ивановский) [1916. С. 3]. Характеризуя свою работу в 1915 г., автор дал интересное замечание: «...много находок было сделано во время этих раскопок, пробужденный ими интерес к Искеру способствовал доставлению в Музей небольших коллекций, хранившихся доселе в частных руках». В предисловии В. Н. Пигнатти повторно перечислил дарителей, добавив в этот список еще два имени – В. К. Имсен и К. А. Шапошников [Там же]. Следует отметить, что абсолютное большинство людей из этого списка (М. С. Знаменский, И. К. Голубев, С. Н. Мамеев, В. К. Имсен и К. А. Шапошников) в разное время являлись действительными членами губернского музея.

По непонятным причинам А. П. Зыков проигнорировал данные о создании музейной коллекции, опубликованные В. Н. Пигнатти. Он отметил: «К сожалению, большинство дореволюционных дарителей остались безымянными» [Зыков и др., 2017. С. 43]. Чтобы несколько восполнить этот пробел, названный исследователь работал в фондах Тобольского музея-заповедника, в результате чего им был составлен еще один список. «По записям в книге поступлений музея сохранились упоминания о В. К. Имсене за 1894 г., о С. В. Герциге за 1894 г., о А. К. Шапошникове за 1896 г., о Шешукове за 1896 г., о А. И. Черноногове за 1900 г., о Тушарове за 1907 г., о И. Н. Бутакове за 1908 г., о Кульмаметьеве за 1908 г.» [Там же]. По совокупности данных можно прийти к заключению, что нам известны достаточно подробная история формирования искерской коллекции губернского музея и круг лиц, причастных к ее созданию.

В публикации 1916 г. В. Н. Пигнатти привел обновленные данные о коллекции: «...по подробному подсчету вещей, значится 1416 предметов» [1916а. С. 4]. Эту цифру, однако, тоже можно поправить. Так, на полях печатного издания каталога, хранящегося в Научной библиотеке Тобольского музея-заповедника, неоднократно встречаются пометки, что при сверке тот или иной предмет был отнесен к Искеру ошибочно. Тем не менее можно уверенно сказать, что в дореволюционный период в фондах Тобольского музея хранилось всего около 1400 находок. Для сравнения можно привести опубликованные данные, согласно которым собрания М. С. Знаменского, проданные в Финляндию, составляли 1806 номера (общей численностью 2736 предмета); из этого числа не менее 1400 предметов имели «искерское» происхождение [Белич, 2004. С. 316]. На протяжении нескольких последних десятилетий фонды Тобольского музея-заповедника пополнились небольшими по объему коллекциями, переданными А. П. Зыковым, П. Г. Даниловым, А. А. Адамовым. Таким образом, в настоящее время этот музей является обладателем самой крупной коллекции находок с городища Искер. В количественном отношении основная ее часть была сформирована еще в дореволюционное время.

Кроме исследовательской и фондовой работы В. Н. Пигнатти активно вел и экспозиционно-выставочную деятельность. Он приложил огромные усилия для создания полноценного, логически выстроенного и хорошо структурированного музея, где всесторонне были бы представлены историко-культурные богатства Тобольской губернии. Известно, что в 1916 г. для исторического отдела была построена витрина специально под коллекцию находок с городища Искер [Пигнатти, 1917. С. 12]. К 1918 г. подготовлен краткий путеводитель по музею, который стал одним из важных результатов работы, проделанной его коллективом. Составителем этого издания являлся В. А. Ивановский, но и В. Н. Пигнатти (в это время он занимал должность губернского комиссара) принимал непосредственное участие в данной работе [Ивановский, 1918]. В путеводителе указывалось, что в зале X Отдела истории и археологии располагался целый ряд витрин, посвященных древнейшей истории Тобольской губернии. Завершала показ древностей витрина № 53, которая называлась «Искер» и имела соответствующее наполнение. Можно еще раз отметить, что коллекция с городища оценивалась как самая многочисленная, а следовательно, и в экспозиции она была представлена достаточно широко. В витрине находились «вещи с Искера, большая часть которых добыта пу-

тем раскопок, произведенных Музеем. К коллекции имеется подробный каталог с описанием всех вещей витрины» [Ивановский, 1918. С. 65–66]. В путеводителе предметный ряд для удобства описания разделен на 75 групп: Амулеты; Бляхи; Браслеты; Бритвы; Бубенчики и т. д. [Там же. С. 66–67]. При сопоставлении этого списка с кратким алфавитным указателем «Каталога...» [Пигнатти, 1916а. С. 90] обнаруживается, что они совпадают почти дословно. Отсюда можно сделать вывод, что витрина № 53 имела внушительные размеры, и в ней нашлось место для всего объема археологического материала, происходившего с городища. Стоит обратить внимание, что, по мнению В. Н. Пигнатти, высказанному им еще в докладе 1915 г. (это также отражено в тексте путеводителя), на Искере несколько раз происходила смена населения «до татар, по-видимому, жили здесь остяки» [Ивановский, 1918. С. 65]. Очевидно, данная информация сообщалась публике, приходящей в выставочные залы.

Заключение

Подводя итоги изучения истории формирования в фондах Тобольского губернского музея археологических коллекций, происходивших с площади средневекового городища Искер, можно резюмировать, что в конце XIX – начале XX в. он являлся центральным учреждением, которое собирало и популяризировало археологическое наследие городища Искер. За время существования музея (максимально широкая дата 1887–1921 гг.) его сотрудники сформировали внушительную коллекцию, которая по возможности была обработана и научно осмыслена. Основные исследовательские работы по теме были написаны также сотрудниками музея: это книга М. С. Знаменского «Искер» [1891], доклад В. Н. Пигнатти «Искер (Кучумово городище)» [1915] и его же «Каталог...» [1916]. Каждый из этих авторов имел широкий круг интересов, в котором археология столицы Сибирского ханства далеко не всегда занимала центральное место. Но для своего времени они сделали по указанной теме, наверно, даже больше, чем можно было ожидать. К примеру, последующие археологические исследования в XX в. не сформировали коллекций, сопоставимых по размерам с результатами дореволюционных поступлений. Долгое время оценка многих событий и процессов, происходивших на территории Сибирского ханства, базировалась на постулатах, изложенных М. С. Знаменским и В. Н. Пигнатти. С другой стороны, следует признать, что подавляющая часть искерской коллекции была создана в результате сборов и скупки находок. Это предъявляет особые требования к работе с таким археологическим материалом.

Список литературы / References

- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: Изд-во ИАЭТ СО РАН; ТГПИ; ТГИАМЗ, 2008. 114 с.
- Adamov A. A., Balyunov I. V., Danilov P. G. Tobol'sk town. Arkheologicheskii ocherk [The Town of Tobolsk. An Archaeological Essay]. Tobol'sk, IAE SB RAS, TSPI, TSHAMR Publ., 2008, 114p. (in Russ.)
- Белич И. В. Последняя прогулка М. С. Знаменского по историческим окрестностям г. Тобольска // Тобольский хронограф. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 309–338.
- Belich I. V. Poslednyaya progulka M. S. Znamenskogo po istoricheskim okrestnostyam g. Tobol'ska [M. S. Znamensky's Last Walk around the Historical Suburbs of the Town of Tobolsk]. In: Tobol'skii khronograf [Tobol'sk Chronograph]. Ekaterinburg, Ural'skii rabochii Publ., 2004, iss. 4, p. 309–338. (in Russ.)
- Выставка в Тобольском губернном музее в 1889 году // Сибирский вестник. 1889. № 56. С. 2.
- Vystavka v Tobol'skom gubernskom muzee v 1889 godu [An Exhibition in the Tobolsk Provincial Museum in 1889]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1889, vol. 56, p. 2. (in Russ.)

- Знаменский М. С.** Искер. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1891. 27 с.
Znamensky M. S. Isker [Isker]. Tobol'sk, Printing house of Tobolsk provincial government Publ., 1891, 27 p. (in Russ.)
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В.** Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука; Вост. лит., 2017. 559 с.
Zykov A. P., Kosincev P. A., Trepavlov V. V. Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [The Town of Sibir – Hillfort Isker (historical and archaeological research)]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ., 2017, 559 p. (in Russ.)
- Ивановский В. А.** Краткие сведения об увеличении состава коллекций Тобольского Губернского Музея в 1907 году // ЕГТМ. 1909. Вып. 17. С. 24–26.
Ivanovsky V. A. Kratkie svedeniya ob uvelichenii sostava kollektzii Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya v 1907 godu [Brief Information on the Increase in the composition of the collections of the Tobolsk Provincial Museum in 1907]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1909, iss. 17, p. 24–26. (in Russ.)
- Ивановский В. А.** Краткий путеводитель по Тобольскому Губернскому Музею // ЕГТМ. 1918. Вып. 29. С. 1–96.
Ivanovsky V. A. Kratkii putevoditel' po Tobol'skomu Gubernskomu Muzeyu [A Short Guide to the Tobolsk Provincial Museum]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1918, iss. 29, p. 1–96. (in Russ.)
- Луговской Л. Е.** Журнал заседания членов-учредителей Комитета Тобольского Губернского Музея 14-го октября 1890 г. // Тобольские губернские ведомости. 1890. № 44. С. 18.
Lugovskoi L. E. Zhurnal zasedaniya chlenov-uchreditelei Komiteta Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya 14-go oktyabrya 1890 g. [Journal of the Meeting of the Founding Members of the Committee of the Tobolsk Provincial Museum on October 14, 1890]. *Tobol'skie Gubernskie Vedomosti* [Tobol'sk Provincial Gazette], 1890, vol. 44, p. 18. (in Russ.)
- Луговской Л. Е.** Протокол заседания общего годовичного собрания (вторичного) Комитета Тобольского Губернского Музея, состоящего под Августейшим покровительством Государя Наследника Цесаревича, 26 июня 1894 года // ЕГТМ. 1894. Вып. 2. С. V–XII.
Lugovskoi L. E. Protokol zasedaniya obshchego godichnogo sobraniya (vtorichnogo) Komiteta Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya, sostoyashchego pod Avgusteishim pokrovitel'stvom Gosudarya Naslednika Tsesarevicha, 26 iyunya 1894 goda [Minutes of the General Annual Meeting of the (Secondary) Committee of the Tobolsk Provincial Museum, under the August Patronage of the Sovereign Heir to the crown Prince, on June 26, 1894]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1894, iss. 2, p. V–XII. (in Russ.)
- Лыткин Н. А.** Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1890. 17 с.
Lytkin N. A. Arkheologicheskii otdel Tobol'skogo gubernskogo muzeya [The Archaeological Department of the Tobolsk Provincial Museum]. Tobol'sk, Printing house of Tobol'sk provincial government Publ., 1890, 17 p. (in Russ.)
- Лыткин Н. А.** Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1892 году // ЕГТМ. 1893. Вып. 1. С. XXII–XXIII.
Lytkin N. A. Otchet o sostoyanii kollektzii Tobol'skogo gubernskogo muzeya v 1892 godu [A Report on the Collections of the Tobolsk Provincial Museum in 1892]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1893, iss. 1, p. XXII–XXIII. (in Russ.)
- Лыткин Н. А.** Отчет о состоянии коллекций Тобольского губернского музея в 1893 году // ЕГТМ. 1894а. вып. 2. С. XXV–XXVI.
Lytkin N. A. Otchet o sostoyanii kollektzii Tobol'skogo gubernskogo muzeya v 1893 godu [A Report on the Collections of the Tobolsk Provincial Museum in 1893]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1894, iss. 2, p. XXV–XXVI. (in Russ.)
- Лыткин Н. А.** Текущая хроника Музея // ЕГТМ. 1894б. Вып. 2. С. XLVI–LXV.
Lytkin N. A. Tekushchaya khronika Muzeya [A Current Museum Chronicle]. In: Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1894, iss. 2, p. XLVI–LXV. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1908 год // ЕТГМ. 1910. Вып. 28. С. 12–20.

Pignatti V. N. Otchet konservatora Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya o sostoyanii kollektzii za 1908 god [A Report of the Conservator of the Tobolsk Provincial Museum on Collections for 1908]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1910, iss. 28, p. 12–20. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций Музея за 1909 год // ЕТГМ. 1911. Вып. 18. С. 11–20.

Pignatti V. N. Otchet konservatora Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya o sostoyanii kollektzii za 1909 god [A Report of the Conservator of the Tobolsk Provincial Museum on Collections for 1909]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum], 1911, iss. 18, p. 11–20. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. 1915. Вып. 25. С. 1–36.

Pignatti V. N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo gorodishche)]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum], 1915, iss. 25, p. 1–36. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому Губернскому Музею // ЕТГМ. 1916а. Вып. 26. С. 1–90.

Pignatti V. N. Katalog kollektzii nakhodok na Iskere, prinadlezhashchii Tobol'skomu Gubernskomu Muzeyu [The Catalogue of Finds on Isker Belonging to the Tobolsk Provincial Museum]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum], 1916, iss. 26, p. 1–90. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций Музея за 1915 г. // ЕТГМ. 1916б. Вып. 26. С. 13–15.

Pignatti V. N. Otchet konservatora Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya o sostoyanii kollekcii Muzeya za 1915 g. [A Report of the Conservator of the Tobolsk Provincial Museum on Collections for 1915]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1916, iss. 26, p. 13–15. (in Russ.)

Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1916 год // ЕТГМ. 1917. Вып. 27. С. 9–13.

Pignatti V. N. Otchet konservatora Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya o sostoyanii kollektzii za 1916 god [A Report of the Conservator of the Tobolsk Provincial Museum on Collections for 1916]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1917, iss. 27, p. 9–13. (in Russ.)

Скалозубов Н. Л. Отчет хранителя Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций в 1894 г. // ЕТГМ. 1895–1896. Вып. 5. С. 23–31.

Skalozubov N. L. Otchet khranitelya Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya o sostoyanii kollektzii v 1894 g. [A Report of the Curator of the Tobolsk Provincial Museum on Collections for 1894]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1895–1896, iss. 5, p. 23–31. (in Russ.)

Тобольский губернский музей за 25 лет его существования. (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. 1915. Вып. 25. С. 1–131.

Tobol'skii Gubernskii Muzei za 25 let ego sushchestvovaniya (1890–1915 gg.) [The Tobolsk Provincial Museum during its 25 years of Existence. (1890–1915)]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1915, iss. 25, p. 1–131. (in Russ.)

Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Санкт-Петербург; Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1897. Т. 3. 255 с.

Ukhtomsky E. E. Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tcesarevicha, 1890–1891 [A Journey to the East by His Imperial Highness the Sovereign Heir to the Crown Prince, 1890–1891]. St. Petersburg, Leipzig, F. A. Brokgauz Publ., 1897, vol. 3, 255 p. (in Russ.)

Филлипов М. В. Рукописи библиотеки Тобольского Губернского Музея // ЕТГМ. 1907. Вып. 16. С. 1–60.

Fillipov M. V. Rukopisi biblioteki Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya [Manuscripts of the Library of the Tobolsk Provincial Museum]. In: *Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1907, iss. 16, p. 1–60. (in Russ.)

Чебаторев А. Н. Отчет секретаря Тобольского Губернского Музея за 1915 год // ЕГТМ. 1916. Вып. 26. С. 8–12.

Chebatorov A. N. Otchet sekretarya Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya za 1915 god [A Report of the Secretary of the Tobol'sk Provincial Museum for 1915]. In: Ezhegodnik Tobo'lskogo Gubernskogo Muzeya [A Yearbook of the Tobol'sk Provincial Museum], 1916, iss. 26, p. 8–12. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
23.12.2018*

Сведения об авторе / Information about Author

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Красная пл., 1, стр. 4, Тобольск, 626152, Россия)

Igor V. Balyunov, PhD in History, leading researcher at the Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve (1 Krasnaya ploshchad, build. 4, Tobolsk, 626152, Russian Federation)

balyunoff@mail.ru

ORCID 0000-0002-7733-7504

УДК 39 + 77
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-35-44

Этнокультурные сообщества Севера в этнокино «У берегов Чукотского моря» Григория Смирнитского: история съемок

И. А. Головнев

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Основанная на анализе архивных материалов, данных печатной периодики и кинохроники статья вводит в научный оборот информацию о советском этнографическом фильме «У берегов Чукотского моря» режиссера Г. И. Смирнитского как визуально-антропологическом документе. В работе рассмотрены особенности киноповествования об эволюции этнического сообщества чукчей в период культурных и экономических преобразований в СССР в начале 1930-х гг. Оно создавалось в контексте специфики советского кинопроизводства и в связи с соответствующими процессами в государственной национальной политике. Методом анализа фильма как визуально-текстового произведения явилась его исследовательская расшифровка – представление в виде кинотекста. Показан потенциал кино как формы фиксации и трансляции этнографического материала в качестве многослойного исторического источника.

Ключевые слова

Чукотка, этнографическое кино, визуальная антропология, Г. И. Смирнитский

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00076)

Для цитирования

Головнев И. А. Этнокультурные сообщества Севера в этнокино «У берегов Чукотского моря» Григория Смирнитского: история съемок // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 35–44. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-35-44

Ethnocultural Communities of the North as Shown in Ethnocinema «Coast of the Chukchi Sea» by Grigory Smirnitsky: Shooting History

I. A. Golovnev

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Purpose. History of visual anthropology in Russia is full of big names, heroic expeditions and classic films. Based on research and pursuing artistic goals, production of ethnographic films was also part of a grand Soviet experiment on creating a unique national identity. Soviet authorities used popular “cultural films” as a means of bringing together the peoples of the new Soviet Union on the screen. This article deals with exploring the film-image of the culture of the Chukchi on the example of a classic documentary film shot by Grigory Smirnitsky, a pioneer of the Soviet visual anthropology. The film was a result of the Chukotka expedition conducted by the film group of the Soyuzkino factory under the leadership of A. Litvinov, one of pioneers and icons of the national ethnographic cinema. The film “Coast of the Chukchi Sea”, the main result of the film expedition which has survived up to our days, was created by an A. Litvinov’s assistant, a young director and scriptwriter G. Smirnitsky. Due to the specifics of silent movies, this film is a kind of a cinematic text as it consists of approximately the same number of frames and text captions alternating in the narrative. In this regard, an effective method for analyzing this film applied in this article is its decoding, a «translation» into a text format.

© И. А. Головнев, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Result. The resultant film-text allows us to identify and analyze, on the one hand, the features of the screen image of the Chukchi culture of the early twentieth century. On the other hand, we analyzed the basis of the specific creative method of the director-researcher. G. Smirnitsky's creativity is a perfect example of how a film potential can be used as a form of research cognition. The method discovered by the director in the expedition helps to combine research and documentary elements into a film so that the film could convey not only some information about the events shown, but also their figurative and emotional context.

Conclusion. Based on the analysis of visual, textual and archival materials, we come to the conclusion that this documentary film phenomenon is a valuable historical source. Studying Soviet ethnographic cinema, including the film "Coast of the Chukchi Sea", enriches the source base of modern science with audiovisual ethnographic materials and equips scientists with proven scientific and creative methods that could be used in modern research practice.

Keywords

Chukotka, ethnographic cinema, visual anthropology, Smirnitsky

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-09-00076

For citation

Golovnev I. A. Ethnocultural Communities of the North as Shown in Ethnocinema «Coast of the Chukchi Sea» by Grigory Smirnitsky: Shooting History. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-35-44

Введение

С развитием визуальной антропологии в России и в мире изобразительные и звуковые ресурсы все более обогащают науку – не только как технические инструменты, но и в качестве новых форм исследовательского познания. Не последнюю роль аудиовизуальные компоненты играют и в презентации научного знания. В этой связи изучение исторического опыта создания этнографического кино актуализирует и развитие современных научно-творческих практик. Значимость заявленной темы дополняется необходимостью введения в научный оборот целого пласта информативных материалов – этнографических фильмов раннего советского периода, являющихся «документами» своего времени и, при должной исследовательской критике, служащих комплексным визуально-антропологическим источником [Разлогов, 2010]. Но эти фильмы не становились объектами полноценного историко-антропологического анализа, а имеющиеся тематические работы [Дерябин, 1999; Магидов, 1998; 2005; Шлегель, 2002; Sarkisova, 2015] в основном сосредотачивались на исторической проблематике в развитии отечественной визуальной антропологии.

Изучение междисциплинарной темы производства советского этнографического кино предполагало анализ нескольких видов источников: этнографического кино, архивных фондов, материалов периодической печати рассматриваемого периода. В частности, наиболее интересные, с исследовательской точки зрения, материалы о Чукотской киноэкспедиции содержатся в дневниковых записях членов киногоруппы, сохранившихся в архиве А. А. Литвинова в Государственном архиве Свердловской области, а также в подборке воспоминаний участников съемок, объединенных в статье А. А. Литвинова «Снежными тропами Чукотки» (опубликована в главном рупоре советской кинематографии – газете «Кино»). Дополнительно привлекалась научная литература по смежным с этой тематикой вопросам – эволюции национальной политики и идеологии в СССР в изучаемый период.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. производство этнографического кино в СССР достигло индустриального уровня: крупнейшие кинофабрики имели в тематическом плане обязательный выпуск фильмов о народностях и регионах страны, кинотеатры – обязательные места в сетке кинопроката. Рост количественный – порядка 200 фильмов в год, сопровождался развитием качественным – от кинозарисовок к полноформатным фильмам [Лебедев, 1965]. В этнокино работали ведущие режиссеры-документалисты и ученые-консультанты, составлявшие научно-творческие тандемы: В. К. Арсеньев – А. А. Литвинов, М. С. Сергеев – В. А. Ерофеев, О. Ю. Шмидт – В. А. Шнейдеров. Они создали классические образцы отечественной и миро-

вой документалистики («Лесные люди» (1928 г.), «Крыша мира (Памир)» (1929 г.), «Два океана» (1933 г.) и др.).

С одной стороны, «сверху», этому способствовал курс национальной политики «коренизации» [Красовицкая, 2012] – отработка основополагающей позиции большевистской революционной повестки «о праве наций на самоопределение». В этой связи ведомственная мода на обнаружение первобытного коммунизма у малочисленных народностей СССР отвечала поискам «опоры» официальной идеологии в реальности¹. Ленинский тезис о возможности перехода от «первобытного» строя к коммунизму, минуя капитализм, стал драйвером программы уникального советского эксперимента по нациестроительству [Тишков, 2010].

С другой стороны, «снизу», развитие направления этнографического кино подпитывалось популярностью у зрителей, поскольку для многих оно было увлекательной возможностью совершить (кино)-путешествие в отдаленные уголки огромной страны. Кроме того, этнографическое кино внедрялось в систему образования, сопутствуя переселенческим проектам государства и становясь выгодным направлением советского экспорта. Своеобразной квинт-эссенцией этих процессов был запуск по инициативе ЦК партии беспрецедентного по масштабам проекта «Киноатлас СССР», объединявшего силы профессионалов кинематографа и науки по созданию более чем 150-серийного киноальманаха о народностях и территориях страны – образной «конструкции» единого многонационального Союза на экране². Фильм «У берегов Чукотского моря», анализу которого посвящена эта статья, создававшийся в рамках проекта «Киноатлас», является характерным образцом советского этнографического фильма как комплексного визуально-антропологического источника.

Фильм снимался в ходе Чукотской экспедиции киногруппы фабрики «Союзкино» под руководством А. А. Литвинова – одного из первопроходцев и классиков отечественного этнографического кино. Экспедиция на Чукотский полуостров 1932–1933 гг. явилась первой крупной этнографической поездкой А. А. Литвинова, состоявшейся без участия постоянного его консультанта – известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева, ушедшего из жизни в 1930 г. Чукотская экспедиция планировалась как разъездной длительный кинопоход – 17 месяцев, и результатом ее должны были стать разножанровые кинокартины о жизни чукчей и эскимосов – две художественные («Чжоу» и «Хочу жить») и одна документальная («У берегов Чукотского моря»). Создание фильма «У берегов Чукотского моря» – единственного фильма киноэкспедиции, дошедшего до наших дней, было поручено ассистенту А. А. Литвинова – молодому режиссеру и сценаристу Г. И. Смирнитскому [Якимов, 1932].

Георгий (Юрий) Иванович Смирнитский (1905–1963 гг.) родился и вырос в Москве. В 1926 г. поступил на литературный факультет Московского университета, который окончил в 1931 г. После окончания МГУ работал сценаристом на фабрике «Совкино», где и познакомился с опытным режиссером экспедиционных фильмов А. А. Литвиновым. Кинопоход на Чукотку стал профессиональным крещением молодого кинематографиста – режиссерским дебютом Г. И. Смирнитского в советском кино. Создав как режиссер еще несколько экспедиционных фильмов, например «От Каспия к Памиру» (1935 г.), «Западная Сибирь» (1937 г.), он позднее сосредоточился на сценарной и писательской деятельности (рассказы «Соль», «Винчестер» (1937 г.) и др.)³. Завершил свою творческую работу в кино он на редакторской должности – в 1944 г. был принят в штат Центральной студии документальных фильмов, став впоследствии ее главным редактором, где проработал до 1963 г.

Летом 1932 г. киногруппа выехала из Москвы во Владивосток, а в начале августа того же года начался непосредственно экспедиционный маршрут – пароходом через Японию в бухту Лаврентия, где находилась культбаза Комитета Севера, которая должна была служить базой для работ киноэкспедиции. В основной состав экспедиции входили 10 человек: руководитель

¹ См.: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: ОГИЗ, 1931. 496 с.

² РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 356.

³ Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 299. Л. 1.

киногруппы А. А. Литвинов, ассистент режиссера Ю. Смирнитский, помощник режиссера В. Третьяных, директор группы Ф. Якимов, операторы А. Солодков и А. Ю. Левитан, актеры И. Быков, Б. Плотников и артисты Владивостокского китайского театра.

Междисциплинарность предмета этой статьи предполагала и применение соответствующей исследовательской методологии, объединяющей историко-антропологические и кинематографические методы. И поскольку фильм «У берегов Чукотского моря» представляет собой визуально-текстовое повествование из примерно равнозначного количества перемежающихся кинокадров и информационных титров, то эффективным методом его рассмотрения оказалась исследовательская «расшифровка» фильма и представление в формате кинотекста.

Фильм «У берегов Чукотского моря»⁴ как кинотекст

Титр. У БЕРЕГОВ ЧУКОТСКОГО МОРЯ.

Панорама побережья Чукотского моря. Низкое солнце. Льды.

«В ноябре на всю долгую зиму льды, снега, и небо охватила седая бесконечная мгла. Солнце проглядывало на несколько минут и тотчас же гасло. Снежные волны полярного урагана опеленали стены и крыши домов густым холодным саваном», – вспоминали участники киноэкспедиции [Литвинов, 1933. С. 4].

Титр. НА ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ, ПЕРЕСЕКАЯ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ...

Кадры заснеженных сопок.

Титр. ...СПУСКАЯСЬ К БЕРЕГАМ ЧУКОТСКОГО МОРЯ...

Кадры отвесных утесов на побережье. Птичий базар на сопке.

Титр. ...ПРОСТИРАЮТСЯ ВЕРШИНЫ АНАДЫРСКОГО ХРЕБТА.

Кадры заснеженных вершин Анадырского хребта.

Титр. СЕЛЕНИЕ БЕРЕГОВЫХ ЧУКЧЕЙ.

Общий план чукотского поселения на фоне сопки. Яранга.

Участник киноэкспедиции Б. Плотников так вспоминал их с Г. И. Смирнитским визит на стойбище: «Мы входим, вернее вползаем в полог. Стены, пол и потолок – все обтянуто шкурами и мехом. На полу сидят догола раздетые по обычаю жена хозяина яранги и старая чукчанка. Хозяин курит махорку. В пологе жарко. Светятся глиняные блюда – эски, наполненные моржовым жиром с фитилями из мха. Душный запах сырмятной кожи. Над огненными блюдами подвешены ведра для растапливания льда» [Там же].

Титр. КОРОТКИМ ПОЛЯРНЫМ ЛЕТОМ, КОГДА МОРЕ ОСВОБОЖДАЕТСЯ ОТО ЛЬДА...

Кадры прибрежной полосы моря, полыньи среди льдов. Чукчи спускают на воду лодки.

Титр. НА ОХОТУ...

Охотники морзверобои в лодках отчаливают от берега.

Титр. ВДАЛИ ОТ РОДНЫХ БЕРЕГОВ, В ОТКРЫТОМ МОРЕ ПО НЕСКОЛЬКО СУТОК ПРОВОДЯТ ОХОТНИКИ.

Кадры льдов в море. Среди льдов движутся лодки охотников. Охотники в лодке: рассматривают добычу в бинокль, готовят ружья и гарпуны. Голова моржа на поверхности моря. Охотники стреляют. Морж ныряет, делает кувьрки в воде. Охотники подплывают к моржу, бросают гарпуны. Добывают добычу выстрелом в упор.

Титр. НА БЛИЖАЙШЕЙ ЛЬДИНЕ...

Охотники вытаскивают тушу моржа из воды на льдину. Точат ножи. Разделяют добычу.

⁴ РГАФД. Учетный № 2687. Производственный № 1-2914. Немой, черно-белый кинофильм. 22 минуты. Москинокомбинат, 1934.

Титр. ОХОТНИК, ЗАМЕТИВШИЙ ЗВЕРЯ, ПОЛУЧАЕТ В ПРЕМИЮ ШКУРУ И КЛЫКИ.

Голова моржа с клыками. Охотники раскладывают разделанную добычу.

Старик возле полуземлянки смотрит вдаль в подзорную трубу.

Титр. С ОХОТЫ...

Вдали виднеются фигуры возвращающихся на стойбище охотников.

Мужчина и женщина растягивают и закрепляют на поверхности земли шкуры для просушки.

Группа охотников заезжает на стойбище на собачьих упряжках. Разгружают нарты с добычей.

Титр. ОБЫЧАЙ ТРЕБУЕТ ПЕРЕД РАЗДЕЛКОЙ ЗВЕРЯ...

Мужчины отпивают из кружки, затем выливают остатки жидкости на морду добытой нерпы.

Титр. ОХОТА БЫЛА УДАЧНОЙ.

Мужчина кормит собак.

Из дневника киноэкспедиции: «Однажды киноаппарату удалось запечатлеть необычайную картину: двое чукчей раскопали яму, где хранился “копальхен” – моржовое мясо, заготовленное на зиму. Запах мяса привлек несколько сот собак. Они неслись по направлению к яме со всех концов стойбища с лаем, кидаясь и кусая друг друга. Чтобы спастись от буйной собачьей своры, чукчи стали разбрасывать прелые куски мяса и, пользуясь собачьей междоусобицей и дракой из-за каждого куса, быстро засыпали яму снегом»⁵.

Титр. ДОБЫВАЯ ПИЩУ НА ДОЛГУЮ СУРОВУЮ ЗИМУ...

Птицы кружатся над высокими прибрежными хребтами. Гнездо на вершине сопки. По крутой поверхности сопки взбирается охотник. Добирается до гнезда, собирает птичьи яйца.

Сборы множества птичьих яиц рассортировываются женскими руками.

Два охотника идут к морскому побережью. Над береговой полосой – стаи птиц. Охотники целятся, стреляют, достают из воды дичь.

Титр. СТАРИННЫЙ СПОСОБ ОХОТЫ ПРАЩЕЙ СОХРАНИЛСЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Мальчик с пращей охотится на птиц. Целится, кидает, попадает.

Титр. ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ – СЫТНОЕ ВРЕМЯ.

Мальчик приносит на стойбище тушки нескольких добытых на охоте птиц.

Собрание мужчин у уранги. Один говорит, остальные слушают.

Титр. Я ВИДЕЛ ЛЕТАЮЩУЮ БАЙДАРУ, КРЫЛЬЯ ЕЕ БЛЕСТЕЛИ НА СОЛНЦЕ...

В кадре – самолет. Мужчина продолжает свой рассказ.

Титр. ПЕРЕЛЕТЕВ ЧЕРЕЗ ВЫСОКУЮ ГОРУ, ОНА СЕЛА НА ВОДУ, ГДЕ НА БЕРЕГУ ЖИВУТ РУССКИЕ...

Поселок на берегу. Ровная улица деревянных домов и хозяйственных построек.

Титр. КУЛЬТУРНАЯ БАЗА В ЗАЛИВЕ ЛАВРЕНТИЯ.

На улице культбазы. Работники ходят. Флаг больницы развевается на ветру. Санитарка выводит из помещения больницы пациента на костылях.

По воспоминаниям участников киногруппы, «интерес представляют моменты культурной перестройки и нового советского быта чукотской тундры. Тут и школа ликбеза, посещаемая старыми чукчами, которые изучают свой родной язык по новой методике, разработанной знатоком Чукотки академиком Таном-Богоразом. Каждый год культбаза выпускает новые группы чукчей-курсантов, которые являются проводниками социалистической культуры в поднимаемых к новой жизни стойбищах» [Литвинов, 1933. С. 4].

⁵ ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 51.

Титр. ЛУЧШИЙ НА ПОБЕРЕЖЬЕ СОБАЧИЙ ПИТОМНИК.

Кадры работы собачьего питомника на культбазе.

Титр. ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА НА 67-ОЙ ПАРАЛЛЕЛИ.

Дети играют в игрушки на уличной площадке.

Титр. В ДНИ ОТДЫХА...

Мужчины играют в волейбол на спортивной площадке.

Титр. КАЖДУЮ ОСЕНЬ КОЧЕВНИКИ-ОЛЕНЕВОДЫ СПУСКАЮТСЯ С ГОР НА ОБМЕННЫЙ ТОРГ С БЕРЕГОВЫМИ ОХОТНИКАМИ.

Оленеводы гонят стада оленей.

Титр. В ДОЛИНЕ РЕКИ «ВОЛЧЬЕГО ПОМЕТА».

Береговые охотники и оленеводы обмениваются товарами. Общаются. Оленеводы загоняют стадо. Ловят арканами оленей. Забивают несколько оленей – укладывают на землю и закалывают ножом в сердце.

Устраивают совместную трапезу.

Титр. ОТДЕЛЕНИЕ КООПЕРАТИВА В ДАЛЕКОЙ ТУНДРЕ.

Работник кооператива отпускает товары тундровикам.

«На культбазе чукчи приобретали в кооперативе роскошные предметы из неизвестных им стран: сахар, нитки, бумагу, ножи, спички, муку и жевательный табак», – комментировал режиссер [Литвинов, 1933. С. 4].

Титр. КОРОТКОЕ ЛЕТО СНОВА СМЕНИЛА ЗИМА...

Зимний пейзаж. Побережье скованно льдами. Заснеженная пустыня зимней тундры. По глубокому снегу на снегоступах идет охотник.

Титр. НА ПЕСЦОВ И ЛИСИЦ.

Охотник устанавливает в снегу капкан, уходит. Лисица попала в капкан. Охотник достает добычу из капкана, оценивая ошкуривает мех.

Титр. ОХОТНИЧЬИ АРТЕЛИ СДАЮТ ПУШИНУ КООПЕРАЦИИ.

Строение с надписью «колхозный склад». Чукчи достают из нарт пушнину. Работник склада развешивает шкурки на специальные вешала возле склада. Множество шкурок сушатся на ветру.

Титр. 7-ГО НОЯБРЯ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ...

Здание культбазы с советским флагом.

Титр. В ЗАЛИВЕ ЛАВРЕНТИЯ.

Собрание на улице. Работники культбазы произносят речи. Чукчи слушают.

По воспоминаниям руководителя киноэкспедиции, «работники культбазы говорили речи о цели пребывания здесь культурных работников, о жизни в далекой советской стране, о коммунистах, о Ленине и Сталине, о комсомоле и о том экономическом и культурном перевороте, который совершает революция среди народностей, ранее выброшенных за борт так называемого цивилизованного мира и ныне приобщаемых к революционной культуре» [Там же].

Титр. БЕГА НА СОБАКАХ.

Спортивные состязания – заезды на собачьих упряжках.

Титр. СТРЕЛКОВЫЕ СОСТЯЗАНИЯ.

Чукчи соревнуются в меткости, стреляют из ружей по мишеням.

Титр. В УЭЛЛЕНЕ.

Кадры жилых, хозяйственных и административных зданий в поселении Уэллен.

Музыканты играют на гармонии, балалайках. Транспарант с надписью «Вперед, за построением социализма во второй пятилетке». Выступление детей с песней. Зрители аплодируют.

Титр. В ВАНКАРЕМЕ.

Виды поселения Ванкарем. Чукчи в яранге бьют в бубны, поют. Национальный женский танец – исполняется на улице.

Титр. НА ВСЕМ ПОБЕРЕЖЬЕ...

Мужчины исполняют танец, бьют в бубны, поют, зрители подпевают.

Титр. ...ПРАЗДНУЮТ ГОДОВЩИНУ ОКТЯБРЯ.

Дети танцуют. Зрители поют и весело смеются.

Титр. КОНЕЦ.

Методология создания фильма

Исследовательская расшифровка фильма и последующее изучение кинотекста с привлечением архивных свидетельств создания фильма, позволяет проанализировать творческий метод работы режиссера Г. И. Смирнитского и его коллег над фильмом.

Известно, что экспедиционной поездке группы «Совкино» на Чукотку предшествовала тщательная подготовительная работа, в том числе знакомство с изданными научными материалами по этнографии народностей региона [Литвинов, 1982. С. 26]. Это, вместе с консультациями исследователей, вносило в будущий фильм научную составляющую. С другой стороны, в составлении сценарного эскиза будущего фильма принимали участие сотрудники Комитета Севера. Ведомственная позиция заключалась в требовании выделения хозяйства в качестве основного стержня фильма и в необходимости показа положительной роли партии в приобщении малочисленных народностей к новой жизни [Терской, 1930. С. 6].

В рамках съемочной работы группы были также специфические подходы. В частности, непосредственно съемке предшествовал ознакомительный период. С одной стороны, это помогало приезжим кинематографистам провести этнографические наблюдения на месте работ, внести поправки в составленный загодя сценарный эскиз будущего фильма. Расположилась группа на культбазе Бухты Лаврентия – комплексном учреждении, созданном Комитетом Севера для «культурного подъема, развития самодеятельности, выработки основ национального самоопределения и вовлечения туземных племен в строительство, а также оказания немедленной экономической и культурной помощи туземцам» [Аманжолова, 2012. С. 236]. Отсюда и совершались ознакомительные выезды вдоль побережья для выбора натуральных объектов, типажей и интерьеров для будущих съемок. С другой стороны, предсъемочная работа позволяла достичь определенной степени привыкания чукчей к присутствию киногруппы, аппаратуры, самой ситуации съемки фильма [Якимов, 1933].

Если анализировать съемочную методологию работ киногруппы в Чукотской экспедиции, то можно охарактеризовать ее как комплексную – с использованием приемов документального и постановочного кино. Как видно из фильма, документальная основа фильма – это его этнографическая часть, эпизоды же советизации края сняты полупостановочно. Поэтому итоговый фильм выглядит конструкцией из двух разных блоков.

С одной стороны, его украшают яркие видовые кадры природного мира Чукотского полуострова: морские пейзажи, могучие льды, птичий базар на мысе Уэллен, моржовые колонии, стада диких оленей и стаи птиц. Эти картины бережно обрамляют внимательные кинонаблюдения за миром людей разного пола и возраста – за работой и на отдыхе, в семейном быту и на промыслах, в разные сезоны года. Детально показаны селения и жилища чукчей, а также средства передвижения – лодки и собачьи упряжки. Эти этнографические эпизоды аккуратно собираются режиссером в цельный образ чукотской культуры.

С другой стороны, в продолжение повествования следует существенный блок полупостановочных «сценарных» эпизодов культурной перестройки быта чукотской тундры – выступления художественной самодеятельности; работа кооператива, куда чукчи сдают шкуры пушных зверей; организация больницы и детского сада; обеспечение работы собачьего питомника; выступления чукчей-курсантов – проводников новой социалистической культуры в отдаленных стойбищах и на культбазе. И завершается этот блок резюме о политической

переделке малочисленных народностей, идущей в русле общей идеи преобразования человека – краеугольного камня советской программы преобразований [Фицпатрик, 2008].

Как видно из вышеприведенного кинотекста, на экране была практически воплощена теоретическая ведомственная формула о пути к коммунизму, минуя капитализм: показ традиционного быта монтировался «встык» с экранизацией советских преобразований, достигая в финале искомого монтажного эффекта превращения этнокультурных сообществ в национальные по форме и социалистические по содержанию [Гурвич, 1971].

Заключение

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. был временем методологических, научно-творческих открытий, трудоемких киноэкспедиций и создания ценных с исследовательской точки зрения этнографических фильмов. Поэтому изучение советского этнографического кино, включая фильм «У берегов Чукотского моря», с одной стороны, обогащает источниковую базу современной науки аудиовизуальными этнографическими материалами, а с другой – экипирует ученых апробированными научно-творческими методами, актуальными для применения и в современной исследовательской практике. Этот фильм является важным вкладом в науку, будучи одним из самых ранних кинодокументов по этнографии чукчей. В кинокартине просматриваются свидетельства государственной национальной политики, выражавшиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых организациями Комитета Севера на Дальнем Востоке СССР на рубеже 1920–1930-х гг. (создание туземных советов, культбаз, кооперативов, школ, медпунктов и т. д.). По схожей сценарной матрице выстраивались и другие советские этнографические фильмы изучаемого периода, что можно отнести к правилам киноработ в условиях ведомственной цензуры [Головнев, 2018].

Список литературы / References

- Аманжолова Д. А.** Советская этнополитика (1929–1941 гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 207–262.
- Amanzholova D. A.** Sovetskaya etnopolitika (1929–1941 gg.) [Soviet Ethnopolitics (1929–1941)]. In: Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovani i evolyutsii Rossiiskogo gosudarstva [Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012, p. 207–262. (in Russ.)
- Головнев И. А.** Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). М.: Изд-во ИЭА РАН, 2018. 216 с.
- Golovnev I. A.** Fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino (tvorchestvo A. A. Litvinova) [The Phenomenon of a Soviet Ethnographic Film (A. A. Litvinov's Creativity)]. Moscow, IEA RAN Publ., 2018, 216 p. (in Russ.)
- Гурвич И. С.** Принципы ленинской национальной политики и применение их на крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 9–49.
- Gurvich I. S.** Printsipy leninskoi natsional'noi politiki i primeneniye ikh na krainem Severe [The Principles of Lenin's National Policy and Their Application in the Far North]. In: Osushchestvleniye leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa [Implementation of Lenin's National Policy among the Peoples of the Far North]. Moscow, Nauka, 1971, p. 9–49. (in Russ.)
- Дерябин А. С.** О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Алматы: Гермес, 1999. Вып. 11. С. 14–24.
- Deryabin A. S.** O fil'makh-puteshestviyakh i Aleksandre Litvinove [About Travel-Movies and Alexander Litvinov]. Vestnik «Zelenoe spasenie» [Bulletin «Green salvation»], 1999, no. 11, p. 14–23. (in Russ.)
- Красовицкая Т. Ю.** Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929) // Этнический и религиоз-

- ный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 151–206.
- Krasovitskaya T. Yu.** Konflikt idealov i praktik rannei sovetskoi gosudarstvennosti. Mekhanizmy i praktiki etnopoliticheskikh protsessov (1917–1929) [Conflict of Ideals and Practices of the Early Soviet Statehood. Mechanisms and Practices of Ethnopolitical Processes (1917–1929)]. In: Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evolyutsii Rossiskogo gosudarstva [Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012, p. 151–206. (in Russ.)
- Лебедев Н. А.** Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 гг. М.: Искусство, 1965. 373 с.
- Lebedev N. A.** Ocherki istorii kino SSSR. Nemoe kino: 1918–1934 [Sketches of the History of Cinema in the USSR. Silent Cinema: 1918–1934]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 373 p. (in Russ.)
- Литвинов А. А.** Снежными тропами Чукотки // Кино. 1933. 29 нояб. С. 4.
- Litvinov A. A.** Snezhnymi tropami Chukotki [On Snow Paths of Chukotka]. *Kino [Cinema]*, 1933, November, 29, p. 4. (in Russ.)
- Литвинов А. А.** Путешествия с кинокамерой. М.: Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1982. 54 с.
- Litvinov A. A.** Puteshestviya s kinokameroi [Travels with Movie-camera]. Moscow, Vsesoyuznoe byuro propagandy kinoiskusstva Publ., 1982, 54 p. (in Russ.)
- Магидов В. М.** Кинодокументы по визуальной антропологии России // Материальная база сферы культуры. М.: Изд-во РГБ, 1998. Вып. 2. 100 с.
- Magidov V. M.** Kinodokumenty po vizual'noi antropologii Rossii [Film Documents on Visual Anthropology of Russia]. Moscow, RGB Publ., 1998, 100 p. (in Russ.)
- Магидов В. М.** Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 254 с.
- Magidov V. M.** Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya [Film-photo-phono-documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow, RGGU Publ., 2005, 254 p. (in Russ.)
- Разлогов К. Э.** Искусство экрана: от синематографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287 с.
- Razlogov K. E.** Iskusstvo ekrana: ot sinematografa do Interneta [The Art of Screen: from Cinematography to the Internet]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 287 p. (in Russ.)
- Терской А. Н.** Этнографическая фильма. Л.; М.: Теакинопечать, 1930. 187 с.
- Terskoi A. N.** Etnograficheskaya fil'ma [An Ethnographic Movie]. Leningrad, Moscow, Teakinopechat Publ., 1930, 187 p. (in Russ.)
- Тишков В. А.** Российский народ. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
- Tishkov V. A.** Rossiiskii narod [Russian people]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2010, 192 p. (in Russ.)
- Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 333 с.
- Fitzpatrick Sh.** Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Daily Stalinism. Social History of the Soviet Russia in the 30s: Urban Life]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 333 p. (in Russ.)
- Шлегель Х. Й.** Немецкие импульсы для советских культурфильмов 20-х годов // Киноведческие записки. 2002. № 58. С. 368–380.
- Schlegel H. Ioa.** Nemetskie impul'sy dlya sovetskikh kul'turfil'mov 20-kh godov [German Impulses for Soviet Cultural Movies in the 20s]. [Cinematography Notes], 2002, no. 58, p. 368–380. (in Russ.)
- Якимов Ф.** Выхала чукотская экспедиция // Кино. 1932. 30 июня. С. 4.
- Yakimov F.** Vyekhala chukotskaya expeditiya [The Chukchi Expedition has Set off]. *Kino [Cinema]*, 1932, June, 30, p. 4. (in Russ.)
- Якимов Ф.** Вернулась полярная экспедиция // Кино. 1933. 22 нояб. С. 3.
- Yakimov F.** Vernulas' polyarnaya expeditiya [The Polar Expedition has Returned]. *Kino [Cinema]*, 1933, November, 22, p. 3. (in Russ.)

Sarkisova Oksana. Taming the frontier: Aleksandr Litvinov's expedition films and representations of indigenous minorities in the Far East. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. London, Routledge, 2015, p. 2–23.

Список источников / List of Sources

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 51.
Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region (SASR)]. Fond R-2581, series 1, file 93, p. 17. (in Russ.)
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 620. Оп. 1. Д. 299. Л. 1.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [State Archive of Literature and Art (SALA)]. Fond 620, series 1, file 1, p. 1. (in Russ.)
- Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАФД). Учетный № 2687. Производственный № 1-2914.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv kinofotodokumentov [Russian State Archive of Cinema-Photo Documents (RSAPD)]. Registration no. 2687, production no. 1–2914. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, сотрудник Петербургского музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ivan A. Golovnev, PhD, researcher at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (3 Universitetskaya nab. Str., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

golovnev.ivan@gmail.com
ORCID 0000-0003-4866-7122

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-45-52

Ранняя стадия среднего палеолита Алтая: новые данные

М. Б. Козликин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты анализа каменной индустрии из отложений слоев 15 и 14 в восточной галерее археологического памятника Денисова Пещера (Горный Алтай) и корреляция этих материалов с синхронными комплексами с других участков стоянки. Согласно данным биостратиграфии и результатам абсолютного датирования, слои 15 и 14 накапливались в период МИС-7. Каменная индустрия из этой части разреза, относящаяся к ранней стадии среднего палеолита, характеризуется использованием радиальных, реже параллельных плоскостных нуклеусов. Основу орудийного набора здесь составляют различные типы зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел. Специфическими изделиями в этом комплексе являются сколы с вентральной оббивкой продольных краев и отщепы с удаленной ударной площадкой. В центральном зале пещеры этому культурно-хронологическому этапу соответствуют коллекции из слоев 21 и 20. Палеолитические комплексы из нижней части плейстоценовой толщи Денисовой Пещеры являются наиболее древними в регионе после галечных индустрий стоянки Карамы.

Ключевые слова

Горный Алтай, Денисова Пещера, ранняя стадия среднего палеолита, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00073)

Для цитирования

Козликин М. Б. Ранняя стадия среднего палеолита Алтая: новые данные // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 45–52. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-45-52

The Early Middle Paleolithic in Altai: New Data

M. B. Kozlikin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Until recently, the earliest assemblages from Denisova Peshchera (cave) in the Altai mountains included a small collection of stone artifacts recovered from layers 22 and 21 in the Main Chamber of the cave. Comprehensive archaeological research carried out over the past decade has made it possible to study deposits recognized at the base of the stratigraphic section in the East Chamber. The oldest archaeological evidence documented in this area was found within lithological layers 15 and 14. Based on data from biostratigraphic studies and absolute dating, accumulation of sediments from layers 15 and 14 appears to have occurred in favorable environmental conditions of MIS-7. This paper presents the results of our analysis undertaken for a stone tool industry associated with these layers and correlation of these materials with contemporaneous assemblages from the other sections of the site.

Results. The collection of stone artifacts from layers 15 and 14 includes more than 35 000 specimens. Primary flaking in this industry can be generally characterized by the use of both unifacial and bifacial cores utilized in a radial system. The analysis shows that small cobbles or large flakes with a massive cross-section were used as blanks for manufacturing such cores. Flake blanks include primarily truncated or short flakes with a smooth or natural platform showing no rejuvenation of overhang. Flakes mainly demonstrate longitudinal, unidirectional or orthogonal faceting of the dorsal surface. Blades were found in small numbers. Large, rare medium-size flakes, as well as fragments from massive flakes were used as tool blanks. The tool assemblage is dominated by denticulate, notch, spur-like tools and

scrapers of different types. Flakes showing the ventral thinning of lateral edges, as well as flakes with removed striking platform, constitute a group of specific artifacts. Both geochronological data, which were obtained for the Pleistocene deposits in the cave, and technical-typological characteristics of the stone tool industry show that the closest cultural and chronological counterpart to the Early Middle Paleolithic assemblage from layers 15 and 14 in the East Chamber is evidences recovered from layers 21 (363 specimens) and 20 (1 039 specimens) in the Main Chamber.

Conclusion. Geochronology of the lower deposits from Denisova Peshchera, which is based on the lithological and biostratigraphic record, as well as on the absolute age determinations, makes it possible to recognize this cave as the earliest stratified Middle Paleolithic site in Siberia. Data resulted from the analysis of new archaeological evidences found in the East Chamber have significantly contributed to the knowledge of the Early Middle Paleolithic in the region, thus enabling further determination of the position of this complex among contemporaneous sites in North Asia.

Keywords

Altai Mountains, Denisova Peshchera, Early Middle Paleolithic, stone tool industry, primary flaking, tool assemblage

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-39-00073

For citation

Kozlikin M. B. The Early Middle Paleolithic in Altai: New Data. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 45–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-45-52

Введение

Наиболее древний этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия из отложений первой половины среднего плейстоцена стоянки Карама в долине р. Ануй. Каменные артефакты стоянки, представленные в основном нуклеидно отколотыми гальками, скреблами и чопперами, зубчатыми и зубчато-выемчатыми орудиями, связаны с отложениями возрастом 600–800 тыс. лет [Деревянко и др., 2005; Bolikhovskaya et al., 2006; Деревянко, 2017]. Достоверных свидетельств пребывания человека на Алтае в период кислородно-изотопных стадий 14–9 пока не обнаружено.

Следующий эпизод проникновения в регион древних популяций с принципиально иной индустрией отражают материалы ранней стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовой толщи Денисовой Пещеры. До недавнего времени древнейшие комплексы стоянки были представлены немногочисленной коллекцией каменных артефактов из слоев 22 и 21 в центральном зале пещеры [Деревянко и др., 2003]. В ходе комплексных археологических работ последнего десятилетия изучены отложения в основании разреза восточной галереи пещеры. Наиболее древние археологические материалы на этом участке обнаружены в пределах литологических слоев 15 и 14.

Геохронология плейстоценовой толщи в восточной галерее в настоящее время опирается главным образом на данные биостратиграфии и результаты абсолютного датирования, полученные с использованием последних методических разработок [Болиховская, 1995; Агаджанян, 2008; Roberts et al., 2015; Jacobs et al., 2019]. Согласно этим данным, отложения слоев 15 и 14 накапливались в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского времени (МИС-7).

Основной целью данного исследования является реконструкция технико-типологического облика каменной индустрии ранней стадии среднего палеолита Алтая на основе материалов из Денисовой Пещеры. Для достижения цели необходимо проведение технико-типологического (с элементами атрибутивного) анализа каменных артефактов из слоев 15 и 14 восточной галереи и слоев 22 и 21 центрального зала пещеры на базе данных по геохронологии, литологии, стратиграфии, палеонтологии, палинологии плейстоценовых отложений памятника. Работа актуальна в контексте выяснения хронологии и палеоэкологического контекста бытования изучаемых индустрий, т. е. решения проблемы истории первоначального заселения человеком территории Северной и Центральной Азии и дальнейшего развития палеолитических традиций в этом регионе.

Результаты исследований и обсуждение

Коллекция каменных артефактов из слоев 15 и 14 Денисовой Пещеры насчитывает более 35 тыс. экз. (рис. 1; 2). Первичное расщепление в этой индустрии в целом характеризуется использованием нуклеусов, утилизируемых в радиальной системе, как в моно-, так и в бифронтальном варианте. Заготовками для ядрищ служили небольшие валуны или крупные массивные в поперечном сечении сколы. Последний тип заготовки преобладает. Изделия демонстрируют разную степень утилизации – от оббивки на половину периметра (рис. 1, 2) до полной сработанности ядрища (рис. 1, 1, 3). В коллекции из слоя 14 отмечено несколько экземпляров параллельных одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Негативы последних снятий на фронтах всех типов нуклеусов демонстрируют получение укороченных или коротких сколов, преимущественно мелких и средних.

Индустрия сколов, представленная главным образом отщепами, в полной мере соответствует сопутствующему набору ядрищ. Более половины целых отщепов составляют мелкие экземпляры, далее по количеству следуют крупные и средние заготовки. Большинство отщепов укороченные или короткие, доля удлиненных сколов незначительна. Анализ остаточных ударных площадок отщепов показал, что преобладают экземпляры с гладкой или с естественной площадкой без подправки карниза. Огранка дорсальной поверхности отщепов преимущественно продольная однонаправленная или ортогональная. Распространены первичные сколы. Немногочисленные пластины имеют гладкую остаточную ударную площадку и продольную однонаправленную или ортогональную дорсальную огранку.

В качестве заготовок для орудий в данном комплексе использовались крупные, реже средние отщепы, а также фрагменты крупных сколов. Более половины целых заготовок короткие, менее распространены укороченные или удлиненные основы. Чаще всего при оформлении орудий использовалась дорсальная краевая крутая или полукрутая чешуйчатая крупнофасеточная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Основу орудийного набора составляют различные типы зубчатых (рис. 1, 8–11, 13; 2, 5, 6, 8, 9, 11, 13), выемчатых (рис. 2, 7, 10), шиповидных (рис. 1, 12; 2, 3, 4) орудий, реже скребел (рис. 1, 4–7). Отдельного внимания заслуживает устойчивая и многочисленная серия изделий, представляющих собой крупные массивные отщепы с интенсивной обработкой обоих продольных краев крупными вентральными снятиями (рис. 2, 15–21). Такие снятия (фактически оббивка) покрывают значительную часть вентральной поверхности заготовки и формируют край с редкими, но крупными зубцами.

Другим специфическим типом изделий в индустрии являются крупные сколы с удаленной остаточной ударной площадкой вместе с ударным бугорком при помощи серии (реже одного) крупных вентральных снятий (рис. 2, 1, 2, 12, 14). Изделия такого типа, как и сколы с вентральной оббивкой продольных краев, ранее рассматривались в контексте нуклевидных форм по аналогии с техникой комбева. Однако полное отсутствие орудий на мелких сколах все же подвергает сомнению целесообразность такого расщепления для получения заготовок. В связи со значительным расширением коллекции слоев 15 и 14 в последние годы очевидной стала морфологическая устойчивость данных изделий и необходимость пересмотра их атрибуции.

Согласно новым данным по геохронологии плейстоценовых отложений Денисовой Пещеры и основным технико-типологическим показателям каменной индустрии, наиболее близкое культурно-хронологическое соответствие с комплексом ранней стадии среднего палеолита из слоев 15 и 14 восточной галереи имеют материалы из слоев 21 (363 экз.) и 20 (1 039 экз.) центрального зала пещеры [Деревянко и др., 2003; Jacobs et al., 2019]. Индустрия из этих слоев характеризуется использованием бессистемных нуклеусов и радиальных бифронтальных ядрищ. Параллельное раскалывание представлено образцами одно- или двухплощадочных монофронтальных нуклеусов. Основу индустрии сколов составляют укороченные отщепы с гладкой или естественной остаточной ударной площадкой без подправки

карниза и с неопределимой огранкой или гладкой дорсальной стороной. Отмечено несколько экземпляров пластин. Судя по немногочисленным изделиям с вторичной обработкой, основу набора типологически значимых орудий в индустрии составляет зубчато-выемчатый компонент (рис. 3, 1–3, 6), скребла и шиповидные орудия (рис. 3, 5).

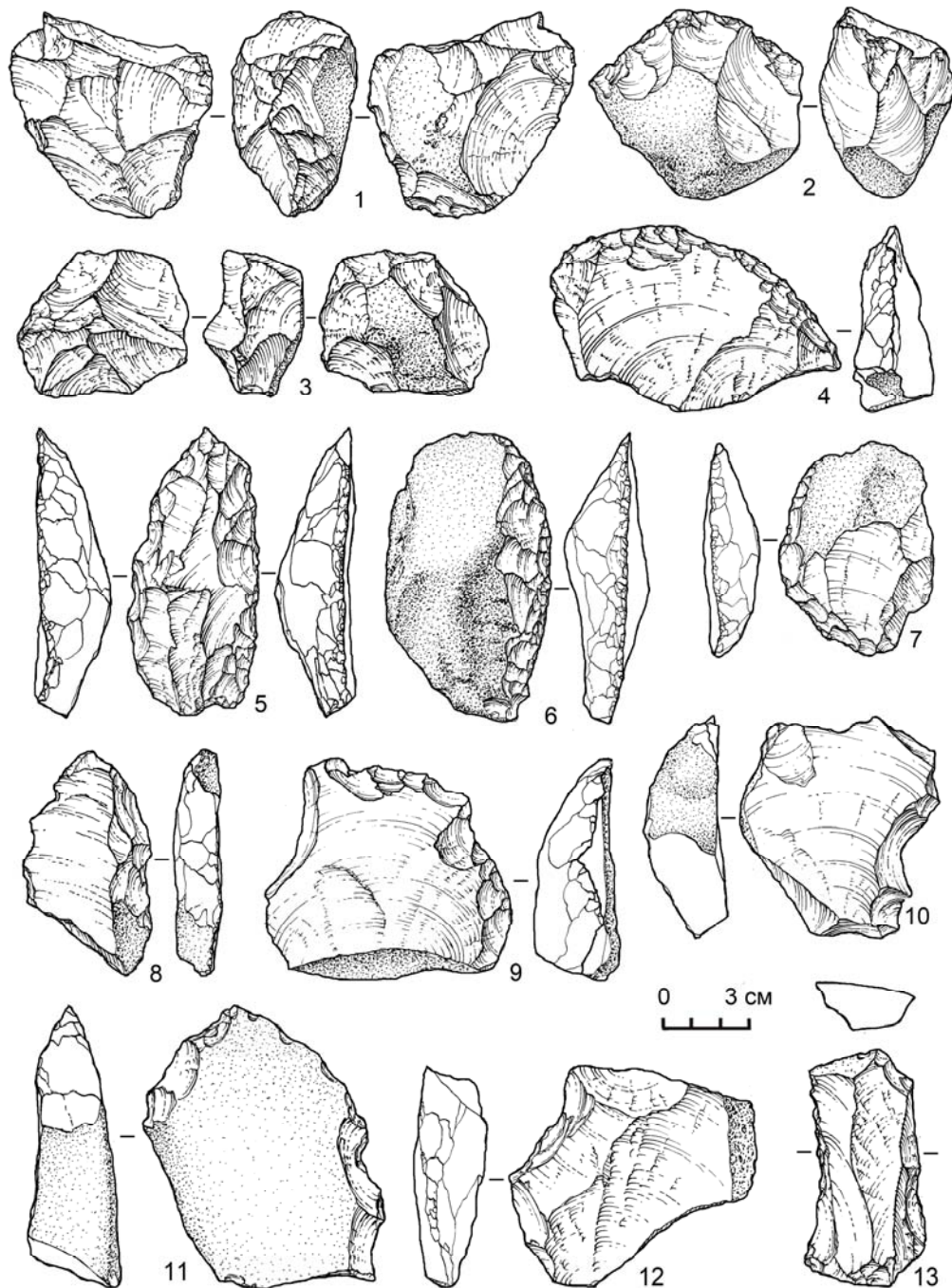

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 15 и 14 восточной галереи Денисовой Пещеры (с включением нуклеусов): 1–3 – нуклеусы; 4–7 – скребла; 8–11, 13 – зубчатые орудия; 12 – шиповидное орудие

Fig. 1. Stone inventory from layers 15 and 14 of the eastern gallery of Denisova Peshchera (with the inclusion of cores): 1–3 – cores; 4–7 – side scrapers; 8–11, 13 – denticulate tools; 12 – spur-like tool

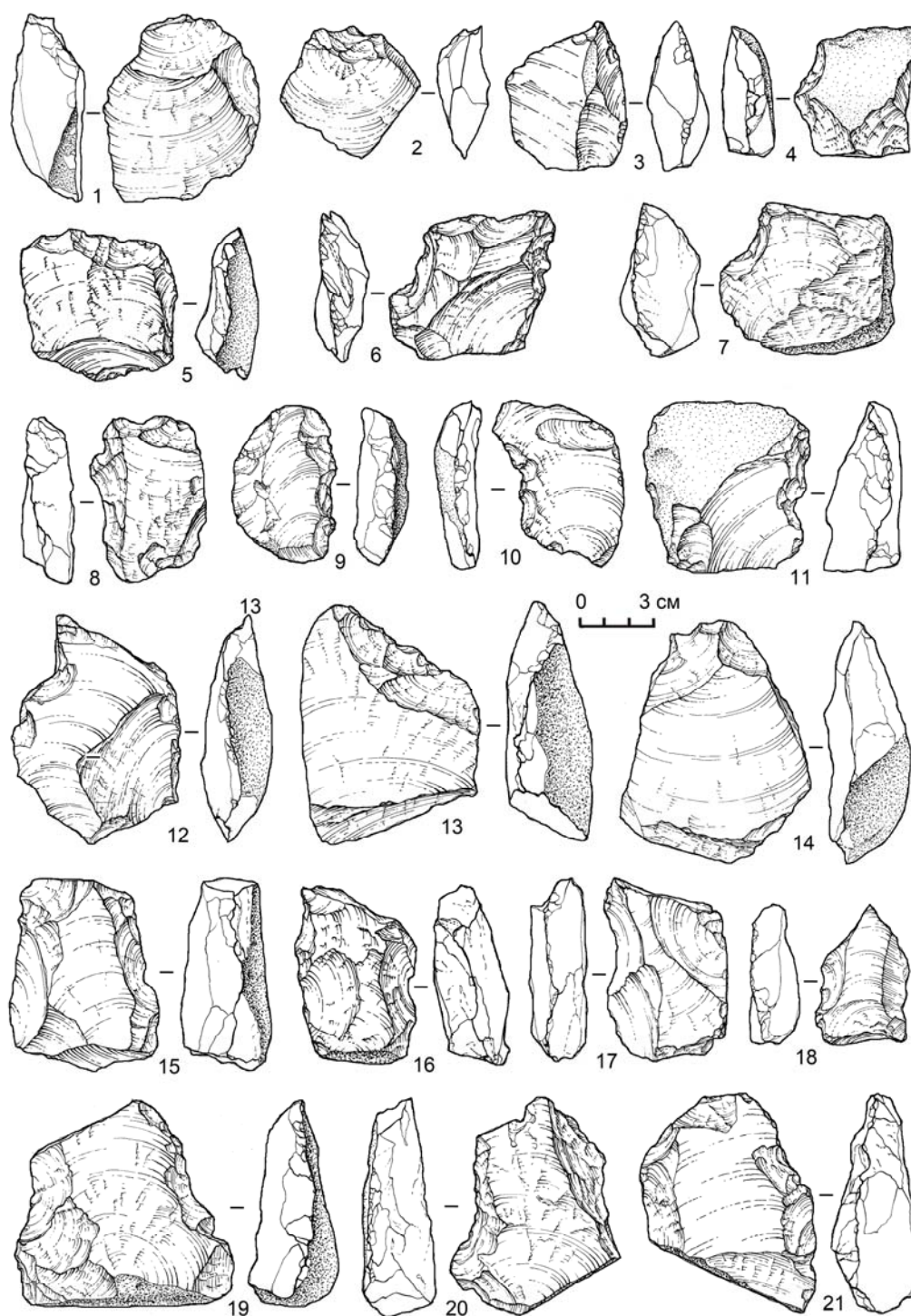

Рис. 2. Каменные орудия и сколы из слоев 15 и 14 восточной галереи Денисовой Пещеры:
1, 2, 12, 14 – сколы с удаленной остаточной ударной площадкой; 3, 4 – шиповидные орудия; 5, 6, 8, 9, 11, 13 –
зубчатые орудия; 7, 10 – выемчатые орудия; 15–21 – сколы с вентральной оббивкой продольных краев

Fig. 2. Stone tools and chips from layers 15 and 14 of the eastern gallery of Denisova Peshchera:
1, 2, 12, 14 – flakes with removed striking platform; 3, 4 – spur-like tools; 5, 6, 8, 9, 11, 13 –
denticulate tools; 7, 10 – notched tools; 15–21 – flakes showing the ventral thinning of lateral edges

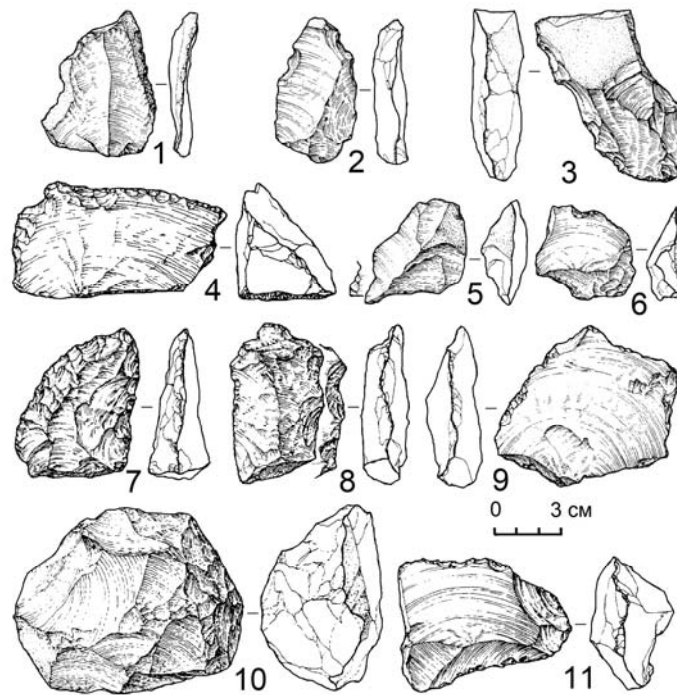

Рис. 3. Каменный инвентарь из слоев 21 (1–3, 5, 6) и 22 (4, 7–11) в центральном зале Денисовой Пещеры (по: [Деревянко и др., 2003]):
1–3, 8, 9, 11 – зубчатые орудия; 4, 5 – шиповидные орудия;
6 – выемчатое орудие; 7 – скребло; 10 – нуклеус

Fig. 3. Lithic artifacts from layers 21 (1–3, 5, 6) and 22 (4, 7–11) in the Main Chamber of Denisova Peshchera (by: [Derevianko et al., 2003]):
1–3, 8, 9, 11 – denticulate tools; 4, 5 – spur-like tools; 6 – notched tool; 7 – side scraper; 10 – core

Более древние археологические материалы зафиксированы в центральном зале в верхней части слоя 22, который накапливался в период кислородно-изотопной стадии 8 [Jacobs et al., 2019]. Коллекция каменных артефактов из этой части разреза насчитывает 360 экз. Небольшая серия ядрищ представлена плоскостными параллельными, леваллуазскими (для отщепов), радиальными (рис. 3, 10) и бессистемными нуклеусами. Большинство среди сколов составляют средние и крупные отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной огранкой или гладкой дорсальной стороной. В наборе типологически значимых орудий преобладают скребла (рис. 3, 7), зубчатые (рис. 3, 8, 9, 11), выемчатые и шиповидные (рис. 3, 4) орудия. Отдельными экземплярами представлены продукты леваллуазского расщепления – отщепы, фрагменты пластин и острие. Синхронные слою 22 осадки верхней части слоя 17 в восточной галерее не содержали археологических материалов.

Отложения средней части плейстоценовой толщи восточной галереи (слои 13–11.3) и центрального зала (слои 19–12) накапливались на протяжении кислородно-изотопных стадий 6–4 [Там же]. На предвходовой площадке Денисовой Пещеры находки этого времени зафиксированы в слоях 10 и 9. Каменная индустрия из этих слоев отражает дальнейшее развитие среднепалеолитического комплекса пещеры [Derevianko, Shunkov, 2002; Деревянко и др., 2003; Деревянко и др., 2014]. В наборах ядрищ распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В индустрии сколов здесь по сравнению с предшествующим комплексом ранней стадии среднего палео-

лита увеличивается доля удлиненных отщепов, появляются регулярные пластины. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент, присутствуют сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой. В небольшом количестве представлены леваллуазские острья. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и тронкированные сколы.

Заключение

Геохронология нижней части отложений Денисовой Пещеры, основанная на данных литологии, биостратиграфии и результатах абсолютного датирования, позволяет признать ее древнейшей в Сибири стратифицированной стоянкой среднего палеолита. Результаты исследований археологических материалов из нижней части плейстоценовой толщи восточной галереи существенно дополнили имеющиеся представления о ранней стадии среднего палеолита региона. Каменная индустрия из этой части разреза возрастом 217–173 тыс. л. н. характеризуется радиальным раскалыванием, различными типами зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел. Выявлены культурно-идентифицирующие изделия-маркеры, такие как сколы с вентральной оббивкой продольных краев и с удаленной ударной площадкой. Развернутая технико-типологическая характеристика индустрии ранней стадии среднего палеолита из Денисовой Пещеры позволит в дальнейшем установить место этого комплекса среди синхронных памятников Северной Евразии.

Список литературы / References

- Агаджанян А. К.** Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 61 с.
Agadjanian A. K. Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya noveishikh otlozhenii [Complex Biostratigraphic Studies of Recent Deposits]. Novosibirsk, NSU Publ., 2008, 61 p. (in Russ.)
- Болиховская Н. С.** Эволюция лёссово-почвенной формации Северной Евразии. М.: Изд-во МГУ, 1995. 270 с.
Bolikhovskaya N. S. Evolyutsiya lessovo-pochvennoi formatsii Severnoi Evrazii [Evolution of the Loess-Soil Formation of Northern Eurasia]. Moscow, MSU Publ., 1995, 270 p. (in Russ.)
- Деревянко А. П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 2: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. 884 с.
Derevianko A. P. Tri global'nye migratsii v Evrazii [Three Global Human Migrations in Eurasia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 2: Original Settling of Northern, Central and Western Asia, 884 p. (in Russ.)
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Маркин С. В.** Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo Sapiens*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
Derevianko A. P., Shunkov M. V., Markin S. V. Dinamika paleoliticheskikh industrii v Afrike i Evrazii v pozdnem pleistotsene i problema formirovaniya *Homo Sapiens* [Dynamics of Paleolithic Industries in Africa and Eurasia in the Late Pleistocene and the Issue of the *Homo Sapiens* Origin]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2014, 228 p. (in Russ.)
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А.** Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
Derevianko A. P., Shunkov M. V., Agadjanian A. K., Baryshnikov G. F., Malaeva E. M., Uliyanov V. A., Kulik N. A., Postnov A. V., Anoin A. A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya [Paleoenvironment and Palaeolithic Human Occupation of Gornyy Altai]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.)

- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Ульянов В. А., Чиркин К. А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 88 с.
- Derevianko A. P., Shunkov M. V., Bolikhovskaya N. S., Zykin V. S., Zykina V. S., Kulik N. A., Uliyanov V. A., Chirkin K. A. Stoyanka rannego paleolita Karama na Altae [Early Paleolithic Karama Site in the Altai Mountains]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, 88 p. (in Russ.)
- Bolikhovskaya N. S., Derevianko A. P., Shunkov M. V. The Fossil Palynological Flora, Geological Age, and Climatic Stratigraphy of the Earliest Deposits of the Karama Site (Early Paleolithic, Altai Mountains). *Paleontological Journal*, 2006, vol. 40, iss. 5, p. 558–566.
- Derevianko A. P., Shunkov M. V. Middle Paleolithic industries with foliate bifaces in Gornyy Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, no. 1 (9), p. 16–41.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, no. 7741, p. 594–599.
- Roberts R. G., Jacobs Z., Li B., Jankowski N. R., Cunningham A. C., Rosenfeld A. B. Optical dating in archaeology: thirty years in retrospect and grand challenges for the future. *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 56, p. 41–60.

Материал поступил в редколлегию
Received
01.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Козликин Максим Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Maxim B. Kozlikin, PhD in History, researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kmb777@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5082-3345

Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагырской Пещеры

К. А. Колобова¹, С. В. Маркин¹, А. В. Шалагина^{1,2}
С. В. Шнайдер^{1,2}, А. И. Кривошапкин^{1,2}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

² Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

Аннотация

Исследование неандертальских адаптационных стратегий становится все более актуальным в последние годы. В результате новых открытий, свидетельствующих о расширении когнитивных способностей неандертальцев, меняется восприятие этого подвида древних гоминин и представление об их трудовых навыках. Комплексы сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая, которые напрямую ассоциируются с популяцией неандертальцев, технико-типологически существенно выделяются на фоне других синхронных комплексов региона. Предлагаемая статья посвящена исследованию основных трендов в изготовлении каменных орудий неандертальцами Горного Алтая в рамках сибирячихинского индустриального варианта. В ней представлены результаты технико-типологического анализа коллекции каменных артефактов из Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай), сопоставленные с результатами петрографического анализа первичного сырья. Проведенное исследование позволило зафиксировать избирательность неандертальцев в использовании каменного сырья для изготовления модифицированных орудий.

Ключевые слова

Северо-Западный Алтай, Чагырская Пещера, неандертальцы, каменная индустрия, петрографический анализ, каменное сырье

Благодарности

Аналитическая работа и анализ каменных материалов выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 18-09-00041 и 18-09-40070)

Для цитирования

Колобова К. А., Маркин С. В., Шалагина А. В., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И. Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагырской Пещеры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 53–61. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-53-61

Basic Principles of Selecting Stone Raw Materials in Tool Production in the Industry of Chagyrskaya Peshchera

K. A. Kolobova¹, S. V. Markin¹, A. V. Shalagina^{1,2}
S. V. Schnaider^{1,2}, A. I. Krivoshapkin^{1,2}

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

² Altai State University
Barnaul, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to Neanderthal adaptation strategies, whose study is becoming more and more relevant in recent years as a result of new discoveries demonstrating Neanderthal cognitive capabilities. Our perception of this subspecies of ancient hominins and of their work skills is changing in view of these discoveries. In this connection, investigation of easternmost Eurasian Neanderthals' tool manufacturing processes, who produced stone tools in the absence

of flint and with the raw materials available, is supposed to clarify researchers' ideas about the strategies ensuring the Neanderthal subsistence.

Purpose. We focus on main trends in manufacturing stone tools developed by the Gorny Altai Neanderthals within the framework of the Sibiriyachikha industry. Our research is based on attributive analysis within a technical-typological method. We aimed at identifying technologically significant morphological and metric features of each item from the collection of stone tools found in Chagyrskaya Peshchera (Cave). In the article, we provide typological definitions for the stone tool blanks, identify variants of the tools' secondary treatment and the number of such traces on the tool, describe the tools' edges with retouch and give detailed information on the metric parameters of the tools and blanks. The results of the previously published petrographic analysis, which was conducted by N. A. Kulik, in combination with the attributive analysis of stone artifacts from the 6C/1, 2008 assemblage, indicate that there are four main types of raw materials which were mainly used by the Gorny Altai Neanderthals.

Results. The greatest variety of raw materials was recorded in the category of blanks without secondary treatment. Among the tools, the greatest variety is demonstrated by tools that have minimal traces of secondary treatment, namely single scrapers and retouched flakes. There seems to be little diversity among double and convergent scrapers, for which zasuryan jasper were predominantly used. As for bifaces, we observe domination of the blanks made of the zasuryan jasper.

Conclusion. Our research has confirmed that the basic principles of using raw materials by the Gorny Altai Neanderthals were the quality and availability of these materials. In general, high-quality stone raw materials were used for the production of well-modified tools, such as bifaces, convergent scrapers and retouched points. Such a selectivity of raw material identified for the items from our collection supports the hypothesis that explains a high degree of Neanderthal adaptation to the paleo-environment.

Keywords

North-Western Altai, Chagyrskaya Peshchera (Cave), Neanderthals, stone assemblage, petrographic analysis, stone raw material

Acknowledgements

The analytical work and analysis of stone materials was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, projects 18-09-00041 and 18-09-40070

For citation

Kolobova K. A., Markin S. V., Shalagina A. V., Schnaider S. V., Krivoschapkin A. I. Basic Principles of Selecting Stone Raw Materials in Tool Production in the Industry of Chagyrskaya Peshchera. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 53–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-53-61

Введение

Спецификой палеолитических комплексов Алтайского региона, которая отличает их от многих памятников каменного века Европы, Ближнего и Среднего Востока, является широкое разнообразие сырьевой базы, использовавшейся для изготовления каменного инвентаря. В условиях доступности разных видов каменного сырья людям при изготовлении орудий приходилось учитывать технологические возможности породы и ее потребительские свойства (регулярность режущего края, его прочность, необходимость подработки). В связи с этим при исследовании палеолитических комплексов Горного Алтая изучение основных принципов отбора каменного сырья древним человеком является важным аспектом археологических исследований.

Чагырская Пещера является опорным памятником сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая. Она известна по причине ее многократного посещения (с целью охоты на бизонов?) малочисленной группой географически наиболее восточных неандертальцев в период конца MIS-4 – начала MIS-3 [Деревянко и др., 2015; Васильев, 2013]. Каменная индустрия стоянки характеризуется нуклеусным расщеплением в рамках радиальной и ортогональной операционных цепочек, наряду с производством плосковыпуклых бифасиальных изделий. В орудийных наборах, составляющих до трети определенных категорий, доминируют простые и угловатые скребла, мустьерские остроконечники, бифасиальные скребла и остроконечники. Основу сырьевой базы данной индустрии составляет разнообразный галечный материал р. Чарыш, в русле которой расположена пещера.

Широкое разнообразие первичного материала стало причиной проведения предварительного петрографического анализа для определения основных принципов отбора каменного

сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая (пещеры Чагырская и Окладникова) [Деревянко и др., 2015]. Для подтверждения выводов предварительного исследования и с целью определения основных трендов в изготовлении каменных орудий неандертальцами Горного Алтая настоящая работа направлена на осуществление детального технико-типологического анализа орудийной коллекции Чагырской Пещеры с обозначением основных закономерностей в отборе каменных пород при изготовлении тех или иных категорий орудий. В таком виде исследование проводится впервые.

Основным инструментом исследования стал атрибутивный подход в рамках технико-типологического метода. Он базируется на выявлении технологически значимых морфологических и метрических признаков каждого артефакта, участвующего в анализе, и исследовании их устойчивых сочетаний. Главными признаками выступали типологическая принадлежность продуктов расщепления и ретушированных орудий, количество элементов вторичной обработки, наличие участка ретуши и его протяженность, метрические параметры сколов и тип каменного сырья.

Памятник локализован в блоке известняков, пораженном разновозрастными тектоническими нарушениями [Елович, Перфильева, 1956]. Главным галечным материалом выступают девонские эффузивы и их измененные разности, чье содержание в современном аллювии превышает 80 %. С Чарышско-Инского блока левые притоки Чарыша поставляют девонские риолитовые и кварцевые порфиры и плагиоклазовые порфириты. Из остальных пород значимая доля приходится на гранитоиды, осадочные породы и роговики – Чарыш пересекает Талицкий гранитоидный массив и вмещающие его ороговикованные терригенные толщи [Кузнецов, 1963; Елкин и др., 1994]. Над пещерой, на 20 м выше входа в нее, на вмещающем ее известняке, под слоем современной почвы обнаружена галька эрозионно-цокольной террасы Чарыша, аналогичная по петрографическому составу его современному аллювию. Это свидетельствует о том, что состав галечника оставался практически одинаковым на протяжении всего времени протекания здесь Чарыша, в том числе в период обитания человека в пещере.

В ходе работы анализировалась коллекция слоя 6в/1 (раскопки 2008 г.) в общем количестве 3021 экз. Использовались также результаты петрографического анализа сырьевых ресурсов памятника, проведенного канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик [Деревянко и др., 2015]¹.

Результаты исследований и обсуждение

Практически всё сырье в комплексах Чагырской пещеры происходит из источников, располагающихся в непосредственной близости от пещеры – из галечника р. Чарыш, в русле которой она расположена, и с поверхности цокольной террасы. Результаты анализа каменной индустрии показали, что в основном использовались четыре типа пород: эффузивы и их измененные разности (мелкопорфировые эффузивы измененные, афировые эффузивы, порфириты измененные, яшмоиды по эффузивам), яшмоиды засурийской свиты, осадочные породы (крупно-, средне- и мелкозернистые песчаники, ороговикованные песчаники, алевролитопесчаники, алевролиты песчанистые, алевролиты однородные) и роговики. В небольшом количестве представлены артефакты из жильного кварца, гранитоидов и других пород (рис. 1).

Обращает на себя внимание избирательность, направленная на применение засурийских яшмоидов, некоторых видов эффузивов (прежде всего, измененных порфиритов), роговиков (особенно, мелкопятнистых роговиков) и осадочных пород (средне- и мелкозернистых песчаников) (рис. 2).

¹ Авторы выражают благодарность канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик за проведенный петрографический анализ сырьевых ресурсов Чагырской Пещеры.

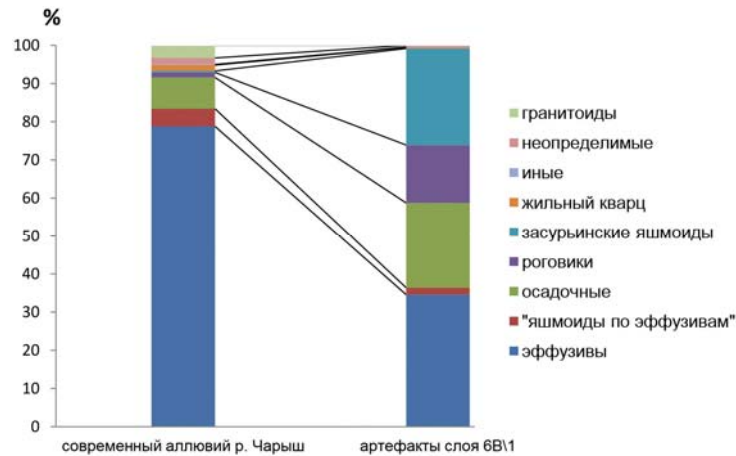

Рис. 1. Петрографический состав современного галечного материала р. Чарыш и комплекса слоя 6B/1 Чагырской Пещеры

Fig. 1. Petrographic composition of the current pebble material of the Charysh river and the 6B/1 layer complex of Chagyrskaya Peshchera

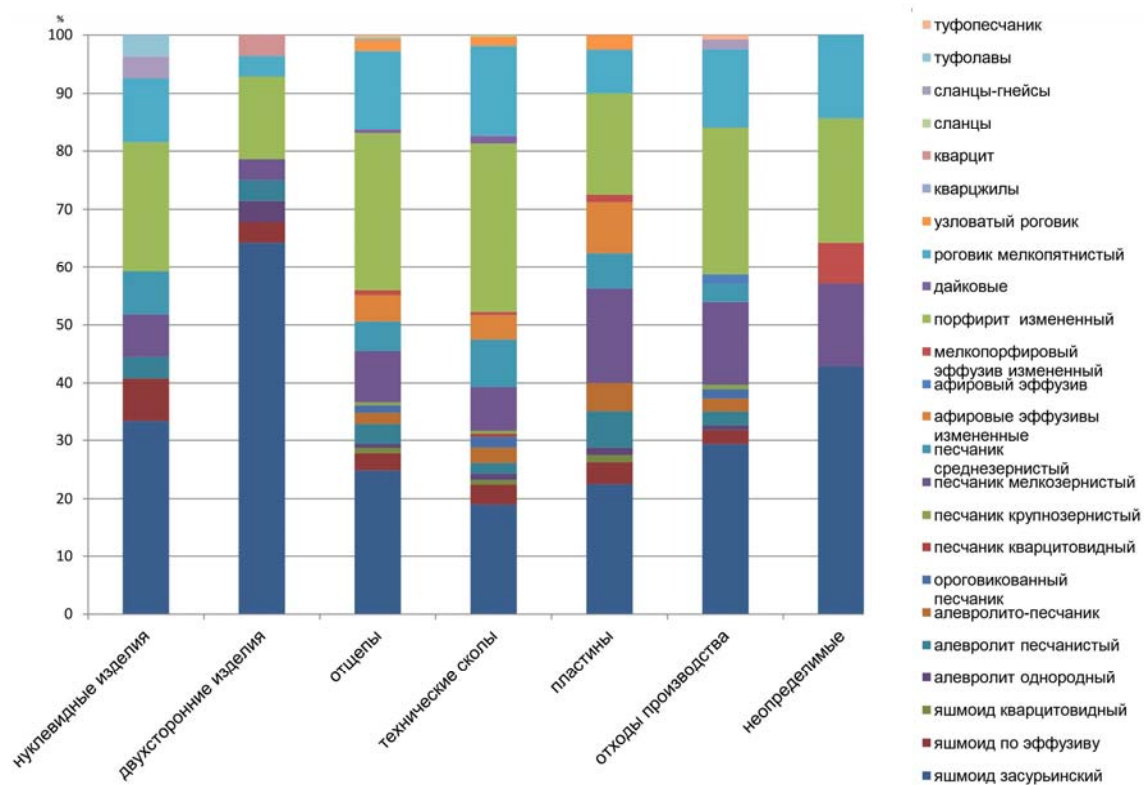

Рис. 2. Распределение артефактов различных категорий по типам сырья в индустрии слоя 6B/1 Чагырской Пещеры

Fig. 2. Distribution of artifacts of various categories by type of raw materials in the industry of the 6B/1 layer of Chagyrskaya Peshchera

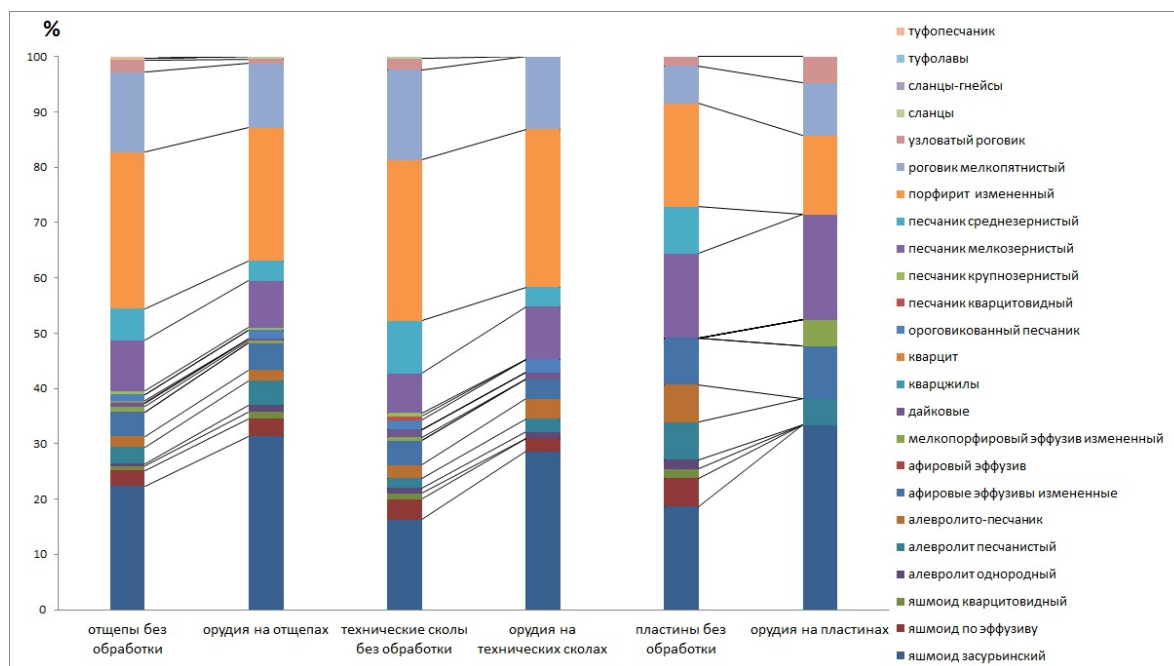

Рис. 3. Петрографический состав сколов и орудий в комплексе слоя 6B/1 Чагырской Пещеры

Fig. 3. Petrographic composition of chips and tools in the complex of the 6B/1 layer of Chagyrskaya Peshchera

Яшмоиды засурьинской свиты [Ивата и др., 1997] в аллювии р. Чарыш составляют 0,4 %, а в коллекции каменных артефактов – от 18 до 64 % в различных категориях артефактов (см. рис. 1; 2). Они представляют собой тонкозернистые, реже мелкозернистые, кварцитовидные породы с твердостью около 7 по шкале Мооса, преимущественно сургучно-коричневого и сургучно-красно-коричневого цвета, а также темные коричневато-серые или коричневаточерные до серых и черных разностей, со слабым восковым, до шелковистого, блеском. Доминирующие в аллювии эффузивы (78,8 %) и, прежде всего, порфириды измененные составляют значительную долю в коллекции каменных предметов – от 14 до 29 % в различных категориях орудий (см. рис. 1; 2). В комплексе слоя 6B/1 наиболее распространенный среди осадочных пород мелкозернистый песчаник – от 3,5 до 16 % в различных категориях изделий (см. рис. 2). Использование роговиков, доля которых в аллювии составляла 1,3 % (см. рис. 1), может объясняться высоким качеством породы: это плотные, однородные мелкозернистые биотит-кордиеритовые разности, в которых метабластовый свежий кордиерит обеспечивал вязкость породы при общей твердости 5,5 по шкале Мооса. При этом роговики мало трещиноваты и хорошо колются. Содержание мелкопятнистых роговиков в коллекции колеблется от 3,5 до 15,5 % (см. рис. 2).

Среди всех категорий артефактов обращает на себя внимание значительная доля двусторонне обработанных орудий, изготовленных на засурьинских яшмоидах, – до 64 % (см. рис. 2). Учитывая, что данное обстоятельство могло быть частным проявлением отбора орудийных основ, нами были сопоставлены сколы, не несущие следов обработки, и сколы с обработкой (рис. 3). В результате зафиксировано несколько тенденций:

- наибольшее разнообразие сырья фиксируется в группах сколов без обработки;
- во всех категориях орудийных основ значительно возрастает доля изделий из засурьинских яшмоидов по сравнению с необработанными сколами;
- во всех категориях орудийных основ сокращается доля среднезернистых песчаников по сравнению с необработанными сколами.

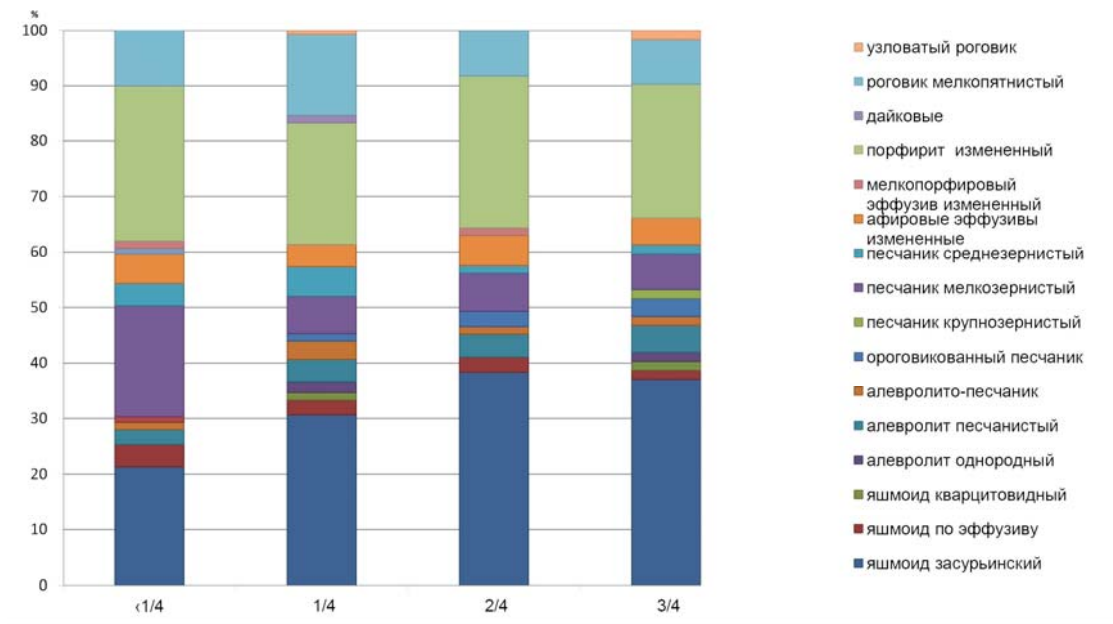

Рис. 4. Распределение орудий из различных типов сырья в зависимости от части периметра, занятого ретушью, в индустрии слоя 6B/1 Чагырской Пещеры

Fig. 4. Distribution of tools from various types of raw materials, depending on the part of the perimeter involved in retouching, in the industry of the 6B/1 layer of Chagyrskaya Peshchera

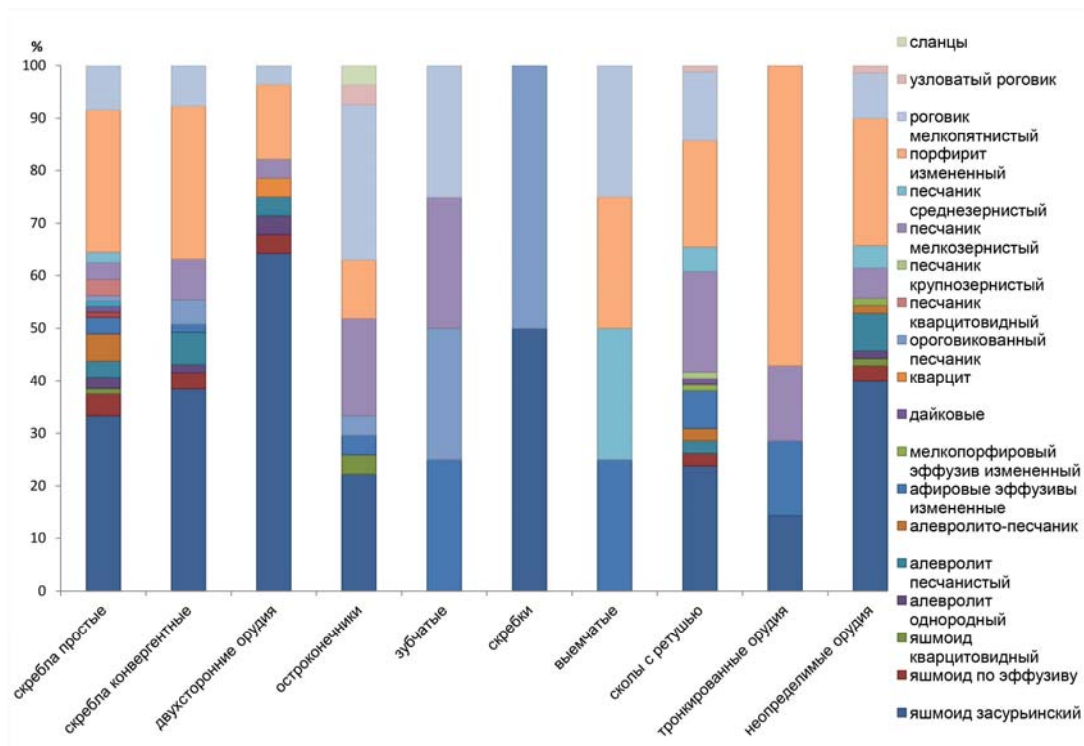

Рис. 5. Распределение орудий в индустрии слоя 6B/1 Чагырской пещеры в зависимости от типа сырья

Fig. 5. Distribution of tools in the industry of the 6B/1 layer of Chagyrskaya Peshchera, depending on the type of raw materials

При анализе метрических параметров изделий со вторичной обработкой, изготовленных из различного сырья, не было выявлено ярко выраженных трендов. Основная масса орудий имела длину от 30 до 70 мм, ширину от 22 до 40 мм и толщину от 5 до 20 мм. Но следует отметить, что в большем количестве использовались более мелкие заготовки засурынских яшмоидов (по сравнению со сколами из других типов сырья).

В ходе анализа орудийных заготовок при сопоставлении петрографических данных с данными по частям периметра орудий, на которых была зафиксирована вторичная обработка, стала видна определенная зависимость. Доля ретушированных изделий на засурынских яшмоидах возрастала прямо пропорционально увеличению доли предметов с ретушью, занимающей большую часть периметра. Таким образом, если среди орудий, ретушь на которых занимала $\frac{1}{4}$ часть периметра и менее, доля заготовок из засурынских яшмоидов составляла 21,3 %, то на артефактах, ретушированных на $\frac{3}{4}$ периметра заготовки, доля засурынских яшмоидов достигала 37 % (рис. 4). Из анализа были исключены предметы, ретушированные по всему периметру (в силу их малочисленности).

При изучении распределения заготовок отдельных типов орудий по первичному сырью указанные тенденции в целом подтверждаются, а также отмечаются новые. Наибольшее разнообразие пород фиксировалось среди одинарных скребел и сколов с ретушью (13 видов сырья). В остальных группах для заготовок использовались сколы, выполненные на менее разнообразном сырье. Среди многочисленных категорий изделий со вторичной обработкой очевидна избирательность, направленная на засурынские яшмоиды и порфирит измененный (рис. 5). Засурынские яшмоиды предпочтительно использовались для изготовления скребел, особенно в категориях двойных и конвергентных изделий. В этих категориях доля основ из засурынских яшмоидов составляла 40 и 38,5 % соответственно. Обращает на себя внимание несколько отличный от скребел сырьевой состав различных типов остроконечников, в котором доминируют заготовки на рогоvice мелкопятнистом, засурынских яшмоидах и мелкозернистом песчанике.

Некоторые категории орудий, приведенные на рис. 5, являются малочисленными: это зубчатые, скребки, выемчатые, тронкированные. Их количество в отдельных категориях не превышает 9 экз.

Наибольшее разнообразие сырья было зафиксировано в категории сколов, не несущих следов вторичной обработки на своих поверхностях (см. рис. 3). Среди орудий самое большое сырьевое разнообразие демонстрируют экземпляры, подвергшиеся вторичной обработке в наименьшей степени (одинарные скребла и сколы с ретушью), ретушь на которых распространяется не более чем на $\frac{1}{4}$ часть периметра заготовки (см. рис. 4; 5). С другой стороны, наименьшее сырьевое разнообразие демонстрируют двойные и конвергентные скребла, с ретушью, распространявшейся на $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ периметра. Для их изготовления использовались преимущественно засурынские яшмоиды (см. рис. 4; 5). Среди двусторонне обработанных форм доминировали заготовки из засурынских яшмоидов (до 64 %) (см. рис. 5).

Заключение

В целом, в ходе технико-типологического анализа коллекции каменных артефактов из слоя 6в/1 Чагырской Пещеры (неандертальцы Горного Алтая в рамках сибирячихинского индустриального варианта), сопоставленного с результатами петрографического анализа первичного сырья из этого памятника, была зафиксирована избирательность неандертальцев в использовании каменного сырья, в результате которого для изготовления формальных интенсивно модифицированных орудий, прежде всего для многолезвийных скребел и двухсторонних форм, использовалось ограниченное количество типов каменного сырья, где преобладали засурынские яшмоиды.

Список литературы / References

- Васильев С. К.** Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской Пещеры (северо-западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 28–44. DOI 10.1016/j.aeae.2013.07.003
- Vasiliev S. K.** Fauna krupnykh mlekopitayushchikh iz pleistotsenovykh otlozhenii Chagyrskoi peshchery (Severo-Zapadnyi Altai) po materialam raskopok 2007–2011 godov [Large Mammal Fauna from the Pleistocene Deposits of Chagyrskaya Cave in Northwestern Altai (Based on Excavations in 2007–2011)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2013, no. 1 (53), p. 28–44. (in Russ.) DOI 10.1016/j.aeae.2013.07.003
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Кулик Н. А., Колобова К. А.** Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 3 (43). С. 3–16. DOI 10.17746/1563-0102.2015.43.3.003-016
- Derevianko A. P., Markin S. V., Kulik N. A., Kolobova K. A.** Ekspluatatsiya kamennogo syr'ya predstavitelyami sibiryachikhinskogo varianta srednego paleolita Altaya [Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies of the Middle Palaeolithic in Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2015, no. 3 (43), p. 3–16. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2015.43.3.003-016
- Елкин Е. А., Сенников Н. В., Буслов М. М., Языков А. Ю., Грацианова Р. Т., Бахарев Н. К.** Палеогеографические реконструкции западной части Алтае-Саянской области в ордовике, силуре и девоне и их геодинамическая интерпретация // Геология и геофизика. 1994. № 7–8. С. 118–143.
- Elkin E. A., Sennikov N. V., Buslov M. M., Yazykov A. Yu., Gratsianova R. T., Bakharev N. K.** Paleogeograficheskie rekonstruktsii zapadnoi chasti Altae-Sayanskoi oblasti v ordovike, silure i devone i ikh geodinamicheskaya interpretatsiya [Paleogeographic Reconstructions of the Western Altai-Sayan Region in the Ordovician, Silurian, and Devonian and their Geodynamic Interpretation]. *Geologiya i geofizika* [Geology and Geophysics], 1994, no. 7–8, p. 118–143. (in Russ.)
- Елович Е. Л., Перфильева Ю. С.** Объяснительная записка к Геологической карте СССР масштаба 1 : 200 000. Сер. Алтайская, л. М-44-VI. М.: Госгеолтехиздат, 1956. 84 с.
- Elovich E. L., Perfil'yev Yu. S.** Obyasnitel'naya zapiska k Geologicheskoi karte SSSR mashtaba 1: 200 000; Ser. Altaiskaya, l. M-44-VI [Explanatory Note to the Geological Map of the USSR, Scale 1 : 200 000]. Moscow, Gosgeoltekhizdat, 1956, 84 p. (in Russ.)
- Ивата К., Сенников Н. В., Буслов М. М., Обут О. Т., Шокальский С. Д., Кузнецов С. А., Ермиков В. Д.** Позднекембрийско-раннеордовикский возраст базальтово-кремнисто-терригенной засурьинской свиты // Геология и геофизика. 1997. Т. 38, № 9. С. 1427–1444.
- Ivata K., Sennikov N. V., Buslov M. M., Obut O. T., Shokal'skii S. D., Kuznetsov S. A., Ermikov V. D.** Pozdnekembriisko-ranneordovikskii vozrast bazal'tovo-kremnisto-terrigennoi Zasur'inskoi svity [Late Precambrian-Early Ordovician Age of the Basalt-Siliceous-Terrigenous Zasurinskaya Suite]. *Geologiya i geofizika* [Geology and Geophysics], 1997, vol. 38, no. 9, p. 1427–1444. (in Russ.)
- Кузнецов В. А.** Тектоническое районирование и основные черты эндогенной металлогении Горного Алтая // Вопросы геологии и металлогении Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. С. 7–66.
- Kuznetsov V. A.** Tektonicheskoe raionirovanie i osnovnye cherty endogennoi metallogenii Gornogo Altaya [Tectonic Zoning and Main Features of Endogenous Metallogeny of Gorny Altai]. *Voprosy geologii i metallogenii Gornogo Altaya* [Issues of Geology and Metallogeny of the Altai Mountains]. Novosibirsk, SB AS USSR Publ., 1963, p. 7–66. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Ksenia A. Kolobova, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kolobovak@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5757-3251

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); ведущий научный сотрудник Алтайского государственного университета (ул. Ленина, 61, Барнаул, 65049, Россия)

Andrey I. Krivoshapkin, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Leading Researcher, Altai State University (61 Lenin Str., Barnaul, 65049, Russian Federation)

krivoshapkin@mail.ru

ORCID 0000-0002-5327-3438

Маркин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Sergey V. Markin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

markin@archaeology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-4528-8613

Шалагина Алена Владимировна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); младший научный сотрудник Алтайского государственного университета (ул. Ленина, 61, Барнаул, 65049, Россия)

Alena V. Shalagina, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Junior Researcher, Altai State University (61 Lenin Str., Barnaul, 65049, Russian Federation)

aliona.shalagina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2267-2452

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия); младший научный сотрудник Алтайского государственного университета (ул. Ленина, 61, Барнаул, 65049, Россия)

Svetlana V. Schneider, PhD in History, Research Associate, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Junior Researcher, Altai State University (61 Lenin Str., Barnaul, 65049, Russian Federation)

sveta.shnayder@gmail.com

ORCID 0000-0003-2230-4286

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-62-73

Каменная индустрия слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье)

А. Н. Чеха

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рамках спасательных археологических работ 2010–2011 гг. на памятниках в устье р. Кутарей – Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Гора Кутарей, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, была получена значительная коллекция археологического материала. Он может существенно дополнить базу источников по изучению эпохи неолита и палеометалла региона, но потребует осмысления и согласования с уже имеющимися данными. В ситуации компрессионного характера отложений на большей части стоянок данного района особенно важно детальное изучение планиграфии и полный анализ археологических материалов памятников. В работе представлены результаты технико-типологического анализа каменной индустрии слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей. Они соотнесены с ранее изученной и опубликованной коллекцией слоя 3 этого же памятника. Выявлены ближайшие аналогии с полученными материалами на соседних территориях. Особое внимание обращают на себя пластинчатые наконечники, близкие к материалам уолбинской культурной традиции. Учтены основная проблематика и особенности истории археологического изучения региона.

Ключевые слова

Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, спасательные археологические работы

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН А. В. Абдульмановой за выполненные рисунки

Для цитирования

Чеха А. Н. Каменная индустрия слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 62–73. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-62-73

Stone Industry of Layer 2 at Ust'-Kutarey Site (North Angara Region)

A. N. Chekha

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. There are many archaeological sites located in the North Angara region. Although this territory has been investigated since 18th century, most intensive work was done during rescue archaeological works on Boguchany hydroelectric power station in 2008–2011. One of the valuable sources of artifacts is the Kutarey site. Our work contains a brief analysis of stone industries of the Kutarey River Mouth site. The main goal of this work is to apply technical and typological analysis to mark the specificity of the stone industries of layer 2 of the Kutarey River Mouth site in comparison with the results that had been previously published on layer 3 in the context of new data of this region in terms of ceramics complexes. We introduce a previously unpublished collection of stone artifacts of layer 2 of the Kutarey River Mouth site, which significantly extends the source base of the Neolithic and Bronze Age in this region. **Results.** The Kutarey River Mouth site is located on the left bank of the Angara River, 15 km down from the Kezhma village, on the right bank of the Kutarey River. The location was found in 1974 by N. I. Drozdov and his squad. The site was further investigated in 2008 and in 2010 by an IAE SB RAS squad (guided by A. N. Savin). Firstly, the site was determined as a Neolithic location, but as result of 2010 excavations three Neolithic-Middle Age cultural horizons

© А. Н. Чеха, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

were discovered. In the context of the difficulties connected with conducting investigations in this region, namely an open location, a low stratigraphy situation, a high extend of technogenic interruption, the materials of layer 3 are most perspective due to a high grade of saturation of the artifacts and minimal technogenic interruptions. These materials belong to the Neolithic and Paleometal Era. In order to clarify cultural and chronological specificity of this complex, it is necessary to analyze materials from layer 2. The stone industry of layer 2 is represented by retouching microblades, bladelets, tools for blades, flakes, scrapers including one microscraper, bifaces, several adzes, axes, and one piercing tool. Of special interest are blade points and trihedral and tetrahedral points.

Conclusion. Our technical and typological analyses show that in comparison to layer 3, layer 2 is characterized by a small number of massive axes and adzes, no flints, few double scrapers, and only volume splitting tools aimed mainly at obtaining a small blade. Also, despite the fact that the core of the collection is the product of the hornstones of local origin, we observe a significant increase in the percentage of artifacts made of flint (13 %), which may indicate some new commodity strategies. The most interesting analogy can be traced with the dedicated Upper Kolyma Early Holocene complex, which contained blade points widely distributed in Northeast Asia and was present directly or indirectly in the materials from Chukotka (Verkhnetirsky IV and Nizhnechutinsky IV), Yakutia (Olbinski burial ground, Jubilee), Kamchatka (the Ushki I–IV layer, Avacha 1,9). This complex is believed to belong to specific Volbinsky traditions, which formed in the first half of the Holocene, about 8800–6000 years ago. It is also worth comparing these materials with other Kutarey sites – Sen'kin (Siniy) Kamen', Ruchei Povarny, Gora Kutarey and adjacent territories.

Keywords

North Angara region, Neolithic, Metal Age, stone tools, layers with «compression» character, rescue archaeological excavations

Acknowledgements

The authors would like to thank the leading artist at the IAET SB RAS A. V. Abdulmanova for the drawings

For citation

Chekha A. N. Stone Industry of Layer 2 at Ust'-Kutarey Site (North Angara Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-62-73

Введение

Природно-географические условия Северного Приангарья характерны бореальными, резко-континентальными южно-таежными ландшафтами и сильно расчлененным рельефом. Наличие естественных физико-географических границ в виде оз. Байкал, Приморского и Байкальского хребтов, Восточного Саяна, а также условной ландшафтно-климатической границы в виде Тунгусской провинции создают некоторую географическую, климатическую и орографическую обособленность региона, что способствовало формированию в раннем неолите благоприятных условий для развития на юге Средней Сибири самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне [Бердников, 2016. С. 134]. Изучение региона в археологическом плане также имеет свою специфику и проблематику: памятники носят преимущественно стояночный характер, с отсутствием закрытых комплексов; отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы, т. е. имеют компрессионный характер отложений (макрослоистость) [Гришин и др., 2011. С. 128] Это существенно затрудняет периодизацию и культурно-хронологическую интерпретацию археологических материалов. На памятниках в устье р. Кутарей проводился тщательный мониторинг территории на предмет подъемного материала, техногенных и естественных нарушений, что позволило выявить обширные участки (до 200 кв. м) с четким разделением стратиграфических слоев. В контексте представленной проблематики данное обстоятельство представляется особенно важным.

Стоянка Устье Реки Кутарей располагалась на левом берегу Ангары в 15 км ниже по течению от с. Кежма (Кежемский район Красноярского края), на правом берегу устья Кутарея (рис. 1).

После того, как памятник был открыт в 1974 г. Кежемским отрядом СААЭ КГПИ под руководством Н. И. Дроздова, дальнейшее исследование стоянки проводилось в 2008 г. отрядом ИАЭТ СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления Богучанской ГЭС. В 2010 г. Партинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические

Рис. 1. Местоположение памятника Устье Реки Кутарей

Fig. 1. Geographic location of the Ust'-Kutarey site

работы под руководством А. Н. Савина, в результате которых получена значительная коллекция археологических материалов – 30 387 предметов¹.

Цель настоящей работы – установление особенностей каменной индустрии слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей с помощью технико-типологического анализа. Научная новизна заключается во введении в научный оборот неопубликованной ранее коллекции каменных артефактов из указанного слоя и в сопоставлении с ранее изученными и опубликованными каменными индустриями из слоя 3 той же стоянки, что позволит более аргументированно установить культурно-хронологическую принадлежность данных материалов.

Результаты исследований и обсуждение

По степени насыщенности артефактами, наличию обширных участков без техногенных повреждений наиболее информативным можно считать слой 3 стоянки. Он представлял собой светло-желтую слабо увлажненную супесь мощностью 0,43 м. Слой 1 являлся почвенным горизонтом, а слой 2 был мало насыщен – он содержал археологический материал, относящийся к эпохе палеометалла. Нижележащий слой 4 являлся материковым основанием (рис. 2). Техничко-типологический, планиграфический анализ, рассмотрение керамического материала позволили отнести большую часть артефактов слоя 3 к эпохе неолита. По характеру залегания материала и его содержанию еще на этапе раскопок в этом слое выделено два горизонта (далее – комплексы). В комплексе 1 выявлен керамический материал, характерный

¹ НА ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. 2011 г. Д. 472. Л. 9.

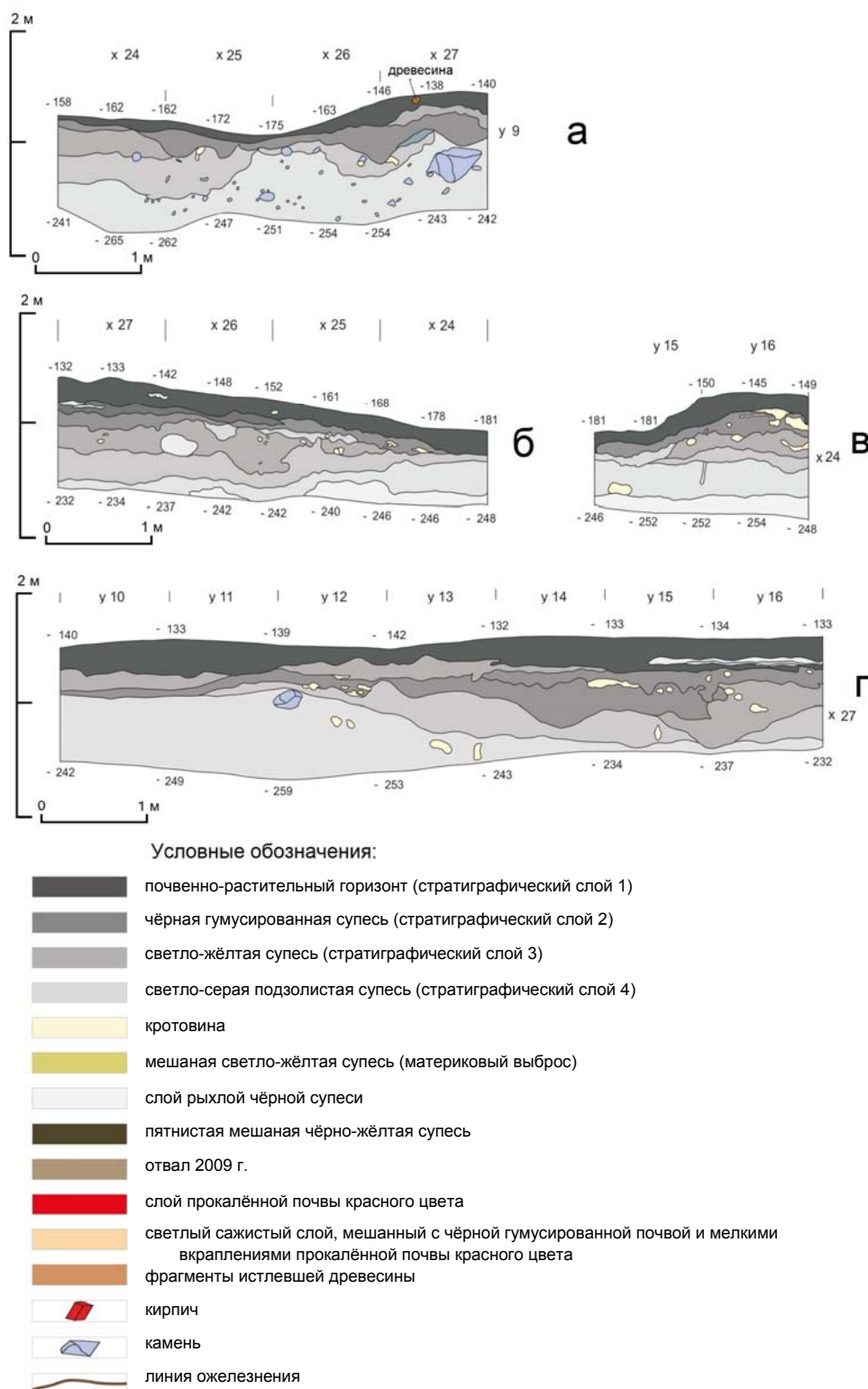

Рис. 2. Стратиграфический разрез на участке п. 20:
а – по линии у-9, х-24-27; б – по линии у-16, х-27-24; в – по линии у-15-16, х-24; г – по линии х-27, у-10-16

Fig. 2. Stratigraphical section at p. 20:
а – line у-9, х-24-27; б – line у-16, х-27-24; в – line у-15-16, х-24; г – line х-27, у-10-16

для эпохи неолита (усть-бельская, посольского типа, текстильная керамика), на некоторых участках с примесью более поздней керамики (тонковаликовой раннего железного века, цэпаньской культуры). В комплексе 2 выделялась только неолитическая посуда (преимущественно текстильная – сетчатая, и посольского типа) [Чеха, 2017]. В результате сопоставления керамического и каменного материала комплекс 1 удалось разделить на «смешанный» (содержавший участки, где неолитическая керамика соседствовала с более поздней тонковаликовой и цэпаньской культуры) и условно «чистый» (содержавший только неолитические экземпляры – усть-бельская, посольская, текстильная (сетчатая) керамика). К сожалению, более четко соотнести каменную индустрию с культурно-хронологическими группами керамики не позволяет характер отложений и залегания археологического материала. Для орудийного набора комплекса 1 (188 экз., соотносимы с комплексом керамики неолита) характерно наличие таких типов, как ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла). В индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. В целом состав каменной индустрии слоя 3 характерен для эпохи неолита – палеометалла региона. Отмечено преобладание объемного принципа расщепления, направленного на получение микропластин и пластинок. Однако, согласно анализу ширины пластинчатых сколов, в комплексе 1 преобладают заготовки шириной 5–6 и 8–9 мм, а в комплексе 2 – шириной 4–5 и 6–7 мм. К более поздним, соотносимым с керамическими материалами эпохи палеометалла (комплекс 1, смешанный), можно отнести лишь небольшое количество орудийных форм, среди которых цапфенный топор с пришлифованным рабочим краем, наконечник цэпаньского типа, долотовидное орудие, 10 экз. заготовок листовидных бифасов, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников стрел. Керамический материал позволяет условно отнести этот комплекс к 5,5–6,7 тыс. л. н.

Однако с учетом того, что отложения носят «компрессионный» характер и материал мог быть частично перемешан из-за техногенных нарушений, имеет смысл подробно рассмотреть материалы вышележащего слоя 2. Он представлял собой темно-гумусированную супесь, равномерно подстилавшую стратиграфический слой 1 (почвенно-растительный горизонт) на всей исследованной площади памятника. Этот слой относится ко времени существования поселения в XX в., на что указывают находки инструментария кузнечного производства, изделия из железа, гончарная керамика. Слой слабо увлажнен, он рыхлый, пылеватый, бесструктурный с неоднородной пятнистой текстурой, содержал археологические материалы (фрагменты керамики, изделия из камня). На отдельных участках слой 2 перерезал нижележащие культурные напластования и достигал мощности 0,2 м. Нижняя граница слоя нечеткая, волнистая, с переходом до 0,07 м. (см. рис. 2).

Коллекция каменных артефактов слоя 2 насчитывает 4 345 экз.

Петрографический анализ² по аналогии со слоем 3 установил, что в индустрии слоя 2 основу сырьевой базы составляли алевролиты (роговики) местного происхождения – 55 % (68 % для слоя 3), кремни – до 13,7 % (в том числе сургучный 0,3 % и халцедоновый 1,4 %); остальная часть представлена туфоалевролитами – 3,4 %, песчаниками (среднезернистый – 4,4 %, крупнозернистый – 1,9 %), окремненными осадочными и обломочными породами – соответственно 1,9 и 3,7 %, окремненной древесиной – 0,4 %. Однако в районе устья р. Кутарей и вверх по ее течению предпосылок к выходам кремнистых пород не отмечалось. Таким образом, этот тип материала, вероятнее всего, являлся привнесенным. Предположительно, его источником могли оказаться осадочные толщи Ангара-Илимского междуречья.

Технически значимые продукты расщепления слоя 2 составляют 924 экз. (21,2 %) ³. В индустрии сколов преобладают отщепы (455 экз., 49,2 %), большинство которых обладает трапещевидной, овальной, прямоугольной формой с продольной, радиальной, реже ортого-

² Для слоя 3 петрографический анализ был проведен научным сотрудником Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева, канд. геол.-минер. наук А. В. Вишневым.

³ Процентное соотношение приведено относительно общего количества каменных артефактов коллекции.

нальной огранкой, с гладкой линейной, линзовидной или сегментовидной площадкой. Остальную часть коллекции составляют пластинчатые сколы, ширина которых не превышает 12 мм (пластинки – 223 экз., 24,1 %; микропластины – 78 экз., 8,4 %). Большинство предметов представлено проксимальными, проксимально-медиальными и медиальными фрагментами прямоугольной формы с прямым профилем, треугольным, трапециевидным, реже многогранным сечением, а также пластинами (84 экз., 9 %). Целых предметов из этой категории 31 экз., остальные представлены проксимальными и медиальными фрагментами с прямым, реже медиально изогнутым профилем, треугольной или трапециевидной огранкой, а также технические сколы (56 экз., 6 %) ⁴. Среди последних преобладают полуреберчатые снятия (29 экз.), сколы подправки фронта (10 экз.), реберчатые снятия (9 экз.); редко встречаются полутаблетки (5 экз.) и таблетки (2 экз.), занывающий скол (1 экз.). У большинства сколов отмечается редукция ударной площадки в виде снятия карниза (90 %), абразивной обработки (7 %), редко обратной редукции (1 %).

Следует отметить, что первичное расщепление представлено только объемными формами. Среди нуклеусов (28 экз., 3 %) ⁵ (рис. 3, 1, 2) преобладают ядрища для пластинок и микропластин, выполненные в отжимной технике: карандашевидные (5 целых экземпляров и 3 фрагмента), конические (4 экз.), торцово-клиновидные (6 экз.), клиновидные (2 экз.); единичными экземплярами представлены торцовый и призматический. В основном ядрища истощены. Немногочисленны нуклеусы для отщепов (5 экз.): три подпризматических, два из которых сильно сработаны, один торцовый и один одноплощадочный объемный нуклеус, снятия с которого носят бессистемный характер.

Нуклеидные обломки составляют 45 экз. (4,8 %) ⁶.

Орудийный набор насчитывает 173 экз. (3,9 %) ⁷. Небольшая его часть представлена ретушированными микропластинами (6 экз.), пластинками (4 экз.; рис. 3, 3) и пластинами (4 экз.; рис. 3, 4). Среди микропластинчатых заготовок обрабатывались в основном медиальные фрагменты с трапециевидным или треугольным сечением, как правило, на одном или двух продольных краях вентральной крутой чешуйчатой одно-, реже двурядной краевой ретушью. Еще на 5 микропластинчатых заготовках отмечалась ретушь утилизации (также на продольных краях). Заготовки шириной 6–12 мм имеют обработку краевой чешуйчатой одно- или многорядной крутой ретушью – как на дорсале, так и на вентрале, на медиальных и проксимально-медиальных фрагментах. На одном экземпляре выявлена субпараллельная плоская ретушь. На двух других отмечена ретушь утилизации. На пластинах (двух целых, одном медиальном и одном проксимально-медиальном фрагментах) отмечалась полукрутая, крутая субпараллельная краевая, отвесная чешуйчатая многорядная вентральная и дорсальная ретушь, как правило, на продольных краях. На одном предмете зафиксирована выемка на левой латерали, еще на двух – ретушь утилизации. Следует отметить, что обрабатывались пластинчатые заготовки только с прямым или слабо закрученным профилем.

Представительную серию составляют скребки (27 экз.).

Вся категория представлена концевыми скребками: на пластине (1 экз.), отщепах (6 экз.), технических сколах (на сколе подправки фронта – 2 экз., на реберчатом – 2 экз.). Присутствуют двойные концевые скребки на отщепах (4 экз.), 1 экз. с «носиком», а также микроскребок (21,5 мм; рис. 3, 5). Для всех орудий этой категории характерен широкий слабовыпуклый или прямой рабочий край, низкая или средняя форма, редко отмечаются следы активного использования в виде заполировки (1 экз.). Однако большинство орудий неоднократно под-

⁴ Процентное соотношение приведено относительно общего количества технически значимых продуктов расщепления, а количество сколов – с учетом заготовок, на которых были выполнены орудия, и сколов с ретушью утилизации.

⁵ Процентное соотношение приведено относительно общего количества технически значимых продуктов расщепления.

⁶ Процентное соотношение приведено относительно общего количества технически значимых продуктов расщепления.

⁷ Процентное соотношение приведено относительно общего количества каменных артефактов коллекции.

рабатывалось многоярядной отвесной чешуйчатой ретушью. На микроскребке фиксируется остаточная заполировка по краям рабочего участка (вместе с подработкой основного рабочего края).

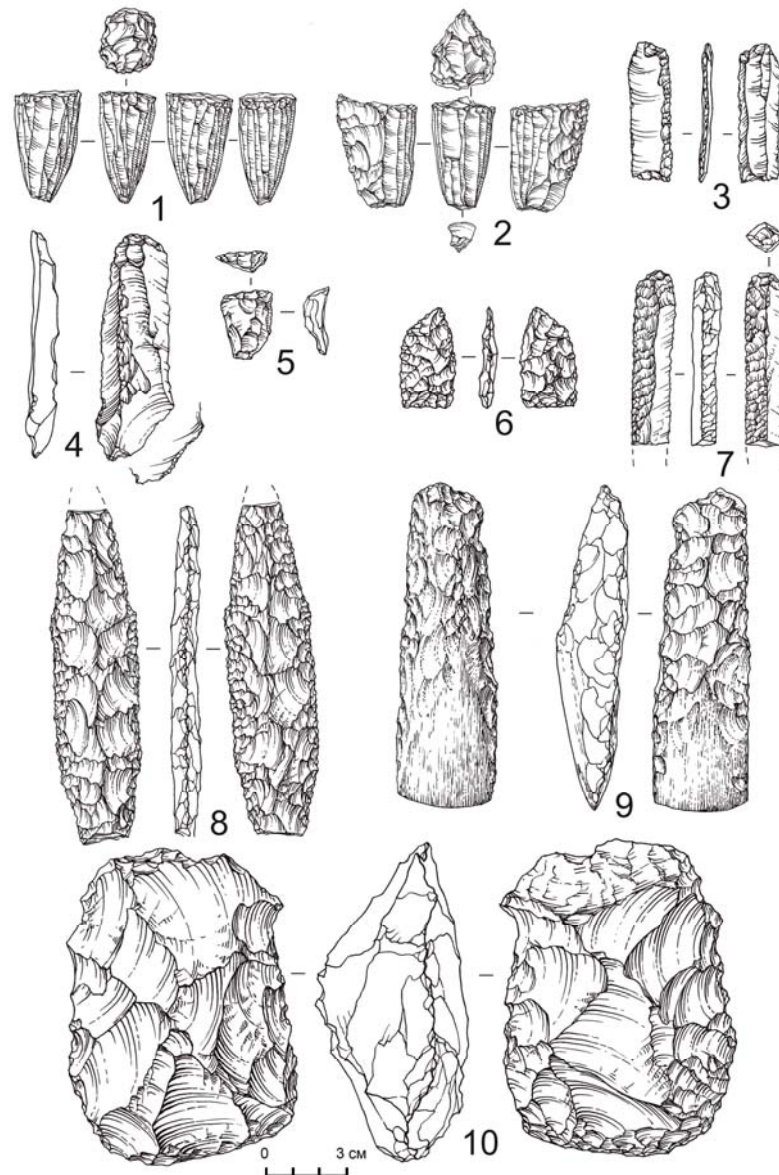

Рис. 3. Каменный инвентарь слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей:

1, 2 – нуклеусы; 3 – пластинка с ретушью; 4 – орудие на пластине; 5 – микроскребок; 6 – фрагмент наконечника стрелы; 7 – заготовка четырехгранного пластинчатого наконечника стрелы; 8 – листовидный бифас (наконечник копья); 9 – тесло; 10 – заготовка топора с ушками

Fig. 3. Stone industry of layer 2 at the Ust' Kutarey Site:

1, 2 – cores; 3 – retouched bladelet; 4 – tool for blade; 5 – microscraper; 6 – fragment of a point; 7 – blank of a tetrahedral blade point; 8 – leaflike biface; 9 – adze; 10 – blank of axe (with "ears")

Значительную серию составляют наконечники стрел (3 целых экз., 17 фрагментов, 13 заготовок). Два целых экземпляра представляют собой листовидные наконечники с прямым насадом, один длиной 31,5 мм и 10,8 мм в наибольшем расширении пера; оформлен бифасиальной отжимной диагональной крутой ретушью. Другой 56 мм в длину и 17,7 мм в наибольшем расширении пера, окаймлен бифасиальной разнофасеточной крутой чешуйчатой ретушью (как мелкими, так и средними фасетками). Еще один экземпляр треугольной формы с прямым насадом оформлен плоской параллельной бифасиальной ретушью. Жальце было фрагментировано и затем переработано мелкой чешуйчатой ретушью в проколку (рис. 3, 6). Следует отметить фрагмент трехгранного пластинчатого наконечника, оформленного диагональной отжимной ретушью (грани – крутой, спинка – плоской), и заготовку четырехгранного пластинчатого наконечника (рис. 3, 7), оформленную альтернативной диагональной крутой ретушью. Технология изготовления подобных изделий подробно описана в работе Е. Ю. Гири и В. М. Лозовского [2014. С. 71–72]. Фрагменты представлены перьями (8 экз.), насадами (вогнутые – 2 экз., прямые – 6 экз.). Обращают на себя внимание два изготовленных из кремня фрагмента «тела» пластинчатых наконечников 15,6 и 13,6 мм в ширину, оформленные плоской диагональной отжимной ретушью (рис. 4).

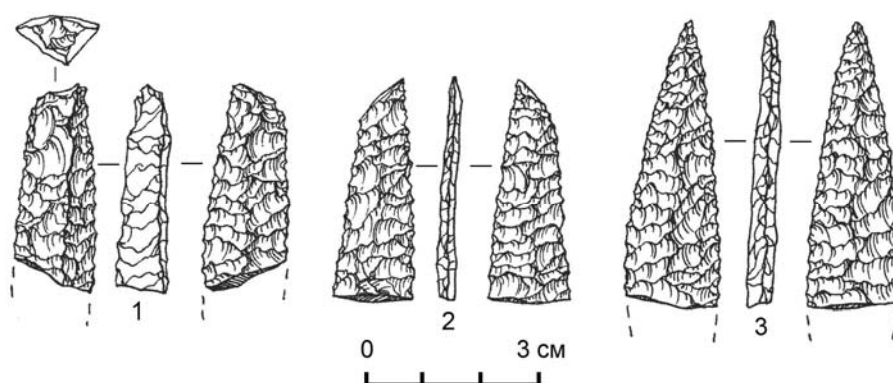

Рис. 4. Пластинчатые наконечники (1–3) слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей

Fig. 4. Blade points (1–3) from layer 2 of the Ust' Kutarey Site

Наряду с наконечниками в коллекции представлены листовидные бифасы (2 целых экз., 18 фрагментов, 5 заготовок). Для большинства орудий этой категории характерно оформление ретушью уплощения (фасонаж), плоскими, полукруглыми, реже крутыми разнофасеточными, чаще среднего размера, снятиями, а по краям – мелкими фасетками листовидной или овальной формы, насад прямой. Только на двух фрагментах отмечается параллельная полукруглая бифасиальная ретушь. Целые орудия (2 экз.) составляют 121 мм (рис. 3, 8) и 88,6 мм в длину, в наибольшем расширении пера – 24–35 мм. Следует отметить, что орудия данного типа изготавливались как на пластинах, так и на отщепе.

Немногочисленны тесла (1 целый экз., 1 фрагмент, 1 заготовка; рис. 3, 9) и топоры (2 заготовки) (рис. 3, 10). Для первой категории характерна шлифовка, оформление мелкими сколами (фасонаж), прямоугольное или односторонне выпуклое сечение. Заготовки топоров изготовлены на плитке и отщепе. Для данной категории характерен фасонаж и массивность, у одной заготовки оформлены ушки.

Единичными экземплярами представлены трехгранный фрагмент орудия (часть многофасеточного трансверсального резца-дриля?), проколка (оформлена бифасиальной плоской ретушью), колотая галька и орудие на техническом полуреберчатом сколе, в проксимальной части оформленное плоской параллельной ретушью.

Рис. 5 (фото). Следы краски и долбления, растирания на терочнике из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей: а – курант; б – наковальня

Fig 5 (photo). Traces of pigment and hollowing, pounding in huller from layer 2 of the Ust' Kutarey Site: а – courant; б – anvil

Отдельно следует отметить три терочника (куранта) (рис. 5, а) с наковальней (рис. 5, б), изготовленные из среднезернистого песчаника. У двух терочников фиксируются следы заботности (долбления), еще на одном экземпляре выявлены следы стертости (растирания) и возможно красящего вещества. На наковальне также отмечен участок со следами краски.

Остальную часть орудийного набора составляют заготовки бифасиальных орудий (10 экз.), отщепы с ретушью (18 экз., из них 1 пластинчатый отщеп), неопределимые фрагменты орудий (17 экз.). На двух отщепах отмечена ретушь утилизации.

Большая часть каменных артефактов представлена мелкими отщепами (1911 экз.), чешуйками (273 экз.), отходами производства (1 101 экз.).

На более позднюю культурную принадлежность материалов слоя 2 указывает наличие изделий из металла (железные рыболовные крючки, бронзовое блюдо, шлак); по предварительным данным основной керамический материал также относится к эпохе палеометалла и Средневековью.

В целом индустрия слоя 2 демонстрирует черты, близкие неолитическим комплексам Северного Приангарья (Усть-Кова I, Усть-Ёдарма, Деревня Пашина, ранее изученный слой 3 стоянки Устье Реки Кутарей), для которых характерно объемное расщепление, развитая микропластинчатая индустрия, наличие в орудийном наборе пластинчатых наконечников, двусторонне обработанных диагональной параллельной стелющейся ретушью наконечников треугольной формы, тесел прямоугольной формы, топоров с ушками, скребков (двойных и одинарных концевых на отщепах и пластинах), резцов.

Наиболее значимой составляющей индустрии слоя 2 стоянки являются пластинчатые трех- и четырехгранные наконечники. На памятниках Северного Приангарья (Усть-Кова, Усть-Кова I, Деревня Пашина, Толокнянка-2, Устье Реки Кутарей) пластинчатые наконечники, как правило, зафиксированы в одном слое с керамикой усть-бельского типа, сетчатой и (или) тонковаликовой керамикой, керамикой цэпаньской культуры (вследствие компрессионных процессов).

Близкие аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым бескерамическим комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на северо-востоке Азии. Подобные изделия прямо или косвенно присутствовали в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV; Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник; Юбилейный), Камчатки (слой IV стоянок Ушки I–III; Авача-1, -9) и рассматривается исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л. н. [Питулько, 2003; Кирьяк, 2005; Пташинский, 2006; Кашин, 2013; Слободин, 2014]. Уолбинская традиция характеризуется, помимо пластинчатых черешковых наконечников, развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично шлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, двусторонне обработанными наконечниками треугольной формы, концевыми скребками, ретушированными микропластинками [Слободин, 2014]. На памятниках Верхней Колымы (Уи; Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех- и четырехгранные наконечники. Хотя пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на реках Лена, Индигирка, Колыма, на Чукотке, Кухтуе, как правило, относят к раннему голоцену [Слободин, 2014. С. 111; Мочанов, 1977], подобные традиции могут быть свидетельством древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири в более раннее время, и продолжать свое существование позднее. Хотя проблемы генезиса и распространения культур с пластинчатыми наконечниками рассматриваются в ряде исследовательских работ [Диков, 1979; Мочанов, 1977; Воробей, 1996; Питулько, 2003; Кирьяк, 2005; Пташинский, 2006; Кашин, 2013; Слободин, 2014], эти вопросы для территории Северо-Восточной Азии в целом и Северного Приангарья в частности пока остаются открытыми.

Заключение

В результате изучения вещевых материалов, происходящих из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей, установлено, что он менее насыщен каменными артефактами в сравнении со слоем 3. Его отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, исключительно объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий, среди которых преобладают сколы шириной 7–10 мм. Несмотря на то что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13 %), что может говорить о начале несколько иной сырьевой стратегии.

В целом индустрия слоя характеризуется чертами, обычными для эпохи неолита региона (развитая микропластинчатая индустрия, наличие конусовидных и призматических нуклеусов, скребков, прямоугольных тесел, двусторонне обработанных треугольных наконечников стрел). Однако небольшое количество ретушированных микропластин и наличие тесел удлиненных каплевидных очертаний отмечаются исследователями как характерные черты более поздних индустрий. В ситуации «компрессионного» характера отложений (макрослоистости) невозможно дать комплексу культурно-хронологическую атрибуцию только на основе анализа каменной индустрии. Учитывая наличие в слое разновременной керамики (усть-бельского типа, сетчатой, тонковаликовой) и изделий из металла, возраст данной индустрии предварительно можно отнести к широкому диапазону от VI–V тыс. до н. э. до II–I тыс. до н. э. Но, учитывая аналогии с более ранней уолбинской традицией (8000–6000 л. н.), в индустрии возможно наличие некоторого более раннего компонента.

Дальнейшие исследования планиграфического, типологического характера, анализ керамического комплекса слоя позволят более четко это установить.

Список литературы / References

- Бердников И. М.** Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический аспект // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 18. С. 133–156.
- Berdnikov I. M.** Aktual'nye problemy neolitovedeniya yuga Srednei Sibiri: istochnikovaya baza i geoarkheologicheskii aspekt [Topical Issues of Studying Neolithic in the South of Middle Siberia: the Source Base and Geoarchaeological Aspect]. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya»* [News of Irkutsk State University. Series «Geoarchaeology, ethnology, anthropology»], 2016, vol. 18, p. 133–156. (in Russ.)
- Воробей И. Е.** Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. С. 56–58.
- Vorobei I. E.** Rannegolotsenovyie industrii Krainego Severo-Vostoka Azii [Early Golocene Industries at the Far North-East Asia]. In: *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archaeology, Ethnology and Paleocology of Siberia and Far East]. Irkutsk, Irkutsk State Univ. Publ., 1996, p. 56–58. (in Russ.)
- Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н., Марченко Ж. В.** К проблеме выделения культур в Северном Приангарье // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 127–129.
- Grishin A. E., Garkusha Yu. N., Marchenko Zh. V.** K probleme vydeleniya kul'tur v Severnom Priangar'e [On Assigning Cultures in the North Angara Region]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Works of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. St. Petersburg, Moscow, Velikii Novgorod, IHMC RAS Publ., 2011, vol. 1, p. 127–129. (in Russ.)
- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М.** Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век от Атлантики до Пацифики: Замятнинский сборник. СПб.: Лема, 2014. Вып. 3. С. 52–84.
- Girya E. Yu., Lozovsky V. M.** Sravnitel'nyi morfologicheskii analiz polnoty tekhnologicheskikh kontekstov kamennykh industrii [Comparative Morphological Study of the Full Technological Contexts of Stone Industries]. In: *Kamennyi vek: ot Atlantiki do Patsifiki: Zamyatninskii sbornik* [Stone Age: from Atlantic to Pacific: Zamyatnin's digest]. St. Petersburg, Lema Publ., 2014, vol. 3, p. 52–84. (in Russ.)
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii [Ancient Cultures of North-East Asia]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Кашин В. А.** Неолит Средней Колымы: Сб. тр. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
- Kashin V. A.** Neolit Srednei Kolymy. Sbornik trudov [The Neolithic in Middle Kolyma. Collection of Works]. Novosibirsk, Nauka, 2013, 224 p. (in Russ.)
- Кирияк (Дикова) М. А.** Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Kiriyak (Dikova) M. A.** Kamennyi vek Chukotki [The Stone Age in Chukotka]. Magadan, Kordis Publ., 2005, 254 p. (in Russ.)
- Мочанов Ю. А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- Mochanov V. A.** Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii [The Most Ancient Stages of People Settling in North-East Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1977, 264 p. (in Russ.)
- Питулько В. В.** Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 99–145.
- Pitulko V. V.** Golotsenovyi kamennyi vek Severo-Vostochnoi Azii [The Golocene Stone Age in North-East Asia]. In: *Estesvennaya istoriya Rossiiskoi Vostochnoi Arktiki v pleistotsene i golotcene* [Natural History of Russian East Arktika during the Pleistocene and Golocene Period]. Moscow, Geos, 2003, p. 99–145. (in Russ.)
- Пташинский А. В.** К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан: СВ КНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–86.

Ptashinsky A. V. K voprosu o neolite Kamchatki [On the Neolithic in Kamchatka]. In: Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka [The Neolithic and Paleometal Era in the North Far East Region]. Magadan, North-East Scientific Center of Far East branch of Russian Academy of Science Publ., 2006, p. 78–86. (in Russ.)

Слободин С. Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (северо-восток России) // Изв. Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110–119.

Slobodin S. B. Uolbinskaya traditsiya plastinchatykh nakonechnikov (Severo-Vostok Rossii) [The Uolba Tradition of Blade Points (North-East of Russia)]. *Izvestiya Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the North-East Scientific Center of the Far East branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 2, p. 110–119. (in Russ.)

Чеха А. Н. Керамический комплекс слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 7: Археология и этнография. С. 84–89. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-7-84-89

Chekha A. N. Keramicheskii kompleks sloya 3 stoyanki Ust'e Reki Kutarei v Severnom Priangar'ye [The Ceramic Complex of layer 3 at the Ust'-Kutarey site in the North Angara Region]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 84–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-7-84-89

Список источников / List of Sources

Научный архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. 2011 г. Д. 427. Л. 137.

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii i etnografii SO RAN [Scientific Archive of the IAE SB RAS]. Fond 1, 2011, case 427, p. 137.

Материал поступил в редколлегию
Received
29.08.2018

Сведения об авторе / Information about of Author

Чеха Анна Николаевна, инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН (проспект Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Anna N. Chekha, Engineer-Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

cheha.anna@yandex.ru

ORCID 0000-0002-6872-9493

УДК 902 (571.122)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-74-89

Особенности атлымской керамики Сургутского Приобья (по материалам городища Стрелка)

А. Ю. Скоробогатова, Т. М. Пономарева

ООО «НПО «Северная археология – I»»
Нефтеюганск, Россия

Аннотация

На городище Стрелка в Сургутском Приобье найдены остатки сооружения эпохи поздней бронзы, частично уничтоженного оборонительными системами городищ раннего железного века и Средневековья. В статье впервые по материалам городища Стрелка рассматриваются некоторые особенности керамики атлымской культуры эпохи поздней бронзы. Комплекс соответствует II типу этой керамики (по Е. А. Васильеву) и датируется X–VIII вв. до н. э. Анализ проведен с использованием методов математической статистики. На основании наличия устойчивых положительных связей между профилировкой и орнаментальной схемой сосудов в составе комплекса выделены две группы. Обе залегали в одном слое смешанно. Сходные типы выделены на селище Ендырское VIII в Нижнем Приобье, где они также существовали синхронно. В составе керамического комплекса присутствуют сосуды гамаюнского облика, что указывает на контакты населения Сургутского Приобья с Зауральем.

Ключевые слова

Сургутское Приобье, река Большой Юган, городище Стрелка, атлымская культура, керамика

Для цитирования

Скоробогатова А. Ю., Пономарева Т. М. Особенности атлымской керамики Сургутского Приобья (по материалам городища Стрелка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 74–89. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-74-89

Peculiarities of the Atlym Ceramics Found in the Surgut Ob River Area (Based on the Materials of the Strelka Site)

A. Yu. Skorobogatova, T. M. Ponomaryova

«Research-and-Production Association “Northern Archaeology – I”»
Nefteyugansk, Russian Federation

Abstract

The Atlym culture was singled out by E. A. Vasilyev on the materials of the ancient fort of Maly Atlym 1. The researcher dated it as 12–13th centuries BC and identified two chronological stages in its existence (12–10th and 10–8th centuries BC), which corresponded to two types of ceramics different in the form of vessels and ornamentation. In this article we consider some features of the Atlym culture ceramics of the Late Bronze Age based on the materials of the multilayered fort of Strelka located in the basin of the Bol'shoi Yugan River. Remains of the Late Bronze Age structure were found on the site of the ancient fort. The cultural layer associated with the construction of the Late Bronze Age was preserved on a small stretch between the Medieval moat and an additional rampart at the periphery of the site of the settlement. It is blocked by a rampart of an ancient Iron Age fort and the soil removed from the Medieval moat. During the five years of excavations, the most representative collection amongst the well-known Atlym collections in terms of the quantity of items has been gathered on this site.

Purpose. We aimed at checking a working hypothesis about the existence of several groups within the ceramic complex using the methods of factor analysis and determining the place of the Late Bronze complex of the Strelka fort among Atlym sites.

Results. Statistical analysis of the material revealed three stable characteristic groups where the type of the vessel profile is associated with a certain set of dies, the method of applying and arranging the ornament. Two roughly equal groups of Atlym ceramics of type II (according to E. A. Vasilyev) and a small group of vessels attributed to the Gamayun culture, which was widespread in the Trans-Ural area during the transition from the Bronze Age to the Iron

© А. Ю. Скоробогатова, Т. М. Пономарева, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Age in the 10–4th centuries BC, are distinguished in the complex. Our analysis of the material allocation in the layer showed a lack of significant differences in the occurrence of all ceramics groups. Similar groups were identified in the settlement Yendyrskoye VIII (the Atlym culture, 10–8th centuries BC) in the Lower Ob River area, where they also existed simultaneously. Such groups were not singled out on the other Atlym sites.

Conclusion. The two parallel traditions in the Atlym pottery manufacture are established based on the materials from the Strelka site. The Late Bronze complex of the fort Strelka corresponds to the type II of the Atlym ceramics (according to E. A. Vasilyev) and dates back to the 10–8th centuries BC. The presence of the Gamayun type vessels indicates some contacts between the population of the Surgut part the Ob River area and the Trans-Ural region.

Keywords

Ob river, Surgut area, Bol'shoi Yugan River, Strelka fortress, the Atlym culture, ceramics

For citation

Skorobogatova A. Yu., Ponomaryova T. M. Peculiarities of the Atlym Ceramics Found in the Surgut Ob River Area (Based on the Materials of the Strelka Site). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 74–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-74-89

Введение

В последнее десятилетие на территории Сургутского Приобья проведен ряд исследований, давших значительное количество новых источников по эпохе поздней бронзы, в том числе и по атлымской культуре. Наиболее представительные материалы получены при изучении памятников Малый Атлым I, Шеркалы III, Барсовая Гора, Ендырское VII–VIII, Чилимка XIII, XXIII [Васильев, 1982; Глушков, Захожая, 2000; Кокшаров, 2007; Чемякин, 2008].

Атлымская культура была выделена Е. А. Васильевым на материалах городища Малый Атлым I. Исследователь датировал ее XII–VIII вв. до н. э. и выделил два хронологических этапа – X–VIII и XII–X вв. до н. э., которым соответствовали два типа керамики, различающиеся формой сосудов и орнаментацией. Для первого этапа характерны сосуды баночной формы со слегка отогнутым венчиком и монотонной орнаментальной схемой из рядов ямок и несложных композиций крестового штампа. Ко второму этапу в атлымской керамической традиции сформировались два характерных признака: преимущественно крестовая орнаментация и дуговидная шейка сосуда. Наличие двух хронологических пластов подтверждается радиоуглеродными датами: 2910 ± 90 (Ки-991) и 3100 ± 120 (Ки-998А) [Васильев, 1982. С. 8]. В последующем радиоуглеродная дата 1130–900 BC (калиброванная) была получена для атлымского жилища на селище Барсова Гора 22а в Сургутском Приобье [Чемякин, 2008. С. 58]. Однако, несмотря на возможности наук естественного профиля, для выделения тех или иных культур таежной зоны и определения их места в хронологическом ряду керамические комплексы по-прежнему играют определяющую роль.

В настоящее время исследователи полагают, что атлымская культура сложилась в конце II тыс. до н. э. и получила широкое распространение на территории Нижнего и Среднего Приобья, Нижнего Прииртышья и в низовьях р. Конды [Васильев, 1982; Глушков, Захожая, 2000. С. 30]. Следует отметить, что находки, связанные с первым этапом существования атлымской культуры, известны только в Нижнем Приобье [Глушков, Захожая, 2000. С. 29]. В Сургутском Приобье носители атлымской культуры появились на втором этапе – в XII–X вв. до н. э. [Чемякин, 2008. С. 58–59].

Предметом нашего исследования является позднебронзовый керамический комплекс городища Стрелка (рис. 1–8). На основании неоднородности орнаментации и профилировки сосудов выдвигается рабочая гипотеза о существовании нескольких групп керамики. Целью данного исследования является проверка этого предположения с помощью методов математической статистики, что, позволяя определить место позднебронзового керамического комплекса городища Стрелка в кругу атлымских памятников, обеспечит актуальность и новизну настоящей работы.

Результаты исследований и обсуждение

Городище Стрелка находится в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 93 км к югу от г. Сургут, в 5,4 км к юго-западу от пос. Угут (рис. 1). Памятник в 1985 г. был обнаружен Я. А. Яковлевым [1987], повторно осматривался в 2006 г. Т. Ю. Фефиловой [2008. С. 283]. По собранным фрагментам керамики городище было датировано средневековым временем и отнесено к кинтусовскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности [Там же]. В 2009–2013 гг. за пять полевых сезонов раскопами площадью 2266 кв. м была исследована площадка городища и большая часть периферии. Установлено, что памятник является многослойным: кроме средневековых сооружений и находок обнаружены материалы атлымской культуры позднего бронзового века и белоярской культуры раннего железного века ¹.

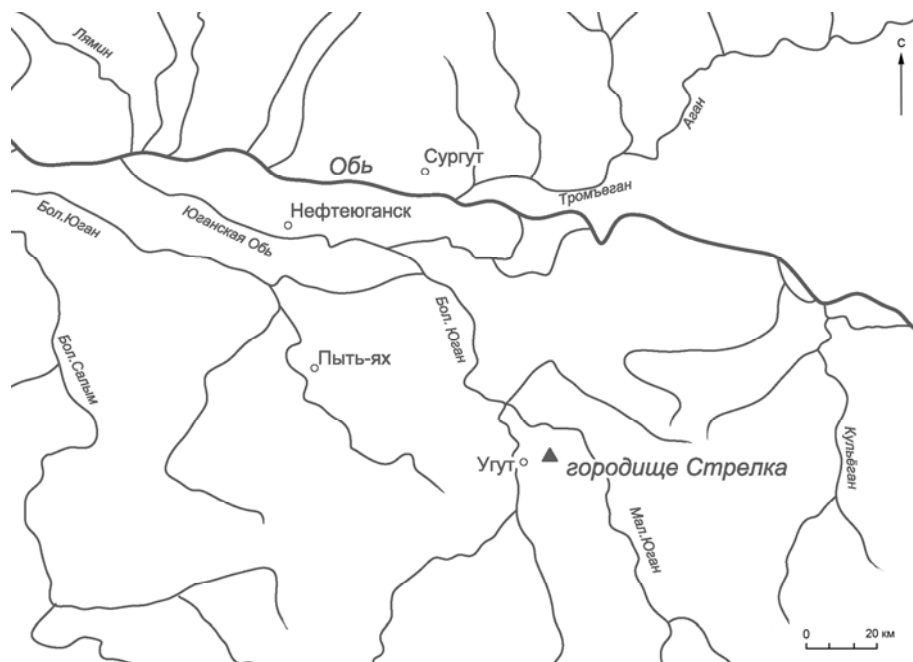

Рис. 1. Расположение городища Стрелка

Fig. 1. Location of the site of Strelka

Городище расположено на террасе левого берега р. Большой Юган, в 1,83 км к востоку от современного русла, на оконечности остроугольного мыса – «стрелки» (рис. 2). У подножия, обгибая мыс, протекает р. Нексап; через 1,27 км к северо-востоку она впадает в старичное озеро Частухинский урий. Вдоль берегов реки и по склону террасы произрастает смешанный лес, а вершину занимает хвойный, в составе которого преобладают кедр, пихта и сосна. Мыс вытянут с северо-запада на юго-восток и полого повышается в северо-западном направлении. Высота террасы в месте расположения памятника составляет 7–16 м.

На поверхности мыса хорошо видны средневековые сооружения, которые занимали участок протяженностью более 70 м. Их ширина у вершины мыса не превышала 4 м, а в северо-

¹ Архив НПО СА – 291/2 НАУЧ, 318/2 НАУЧ, 384/2 НАУЧ. Авторы выражают благодарность О. В. Кардашу за разрешение использовать неопубликованный материал.

западной части достигала 50 м (рис. 2; 3). Оборонительно-жилой комплекс имел небольшие размеры – 21×19 м. Кроме вала и рва, непосредственно окружавших двор городища, система оборонительных сооружений включала в себя небольшой ров на оконечности мыса и дополнительный вал с примыкающим к нему с внутренней стороны неглубоким рвом к северо-западу от площадки. К западу от описанных объектов зафиксирована впадина с обваловкой.

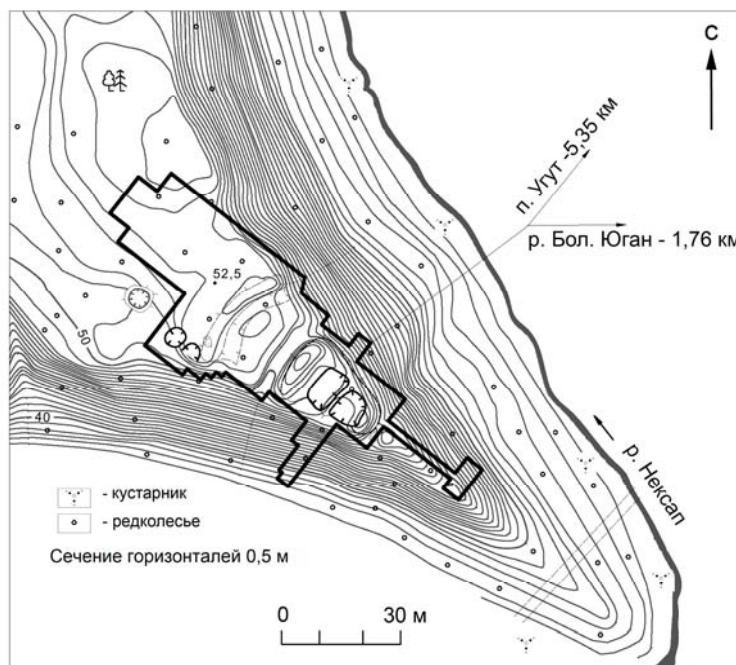

Рис. 2. План раскопов 2009–2013 гг. на городище Стрелка

Fig. 2. Plan of the 2009–2013 excavation at the site of Strelka

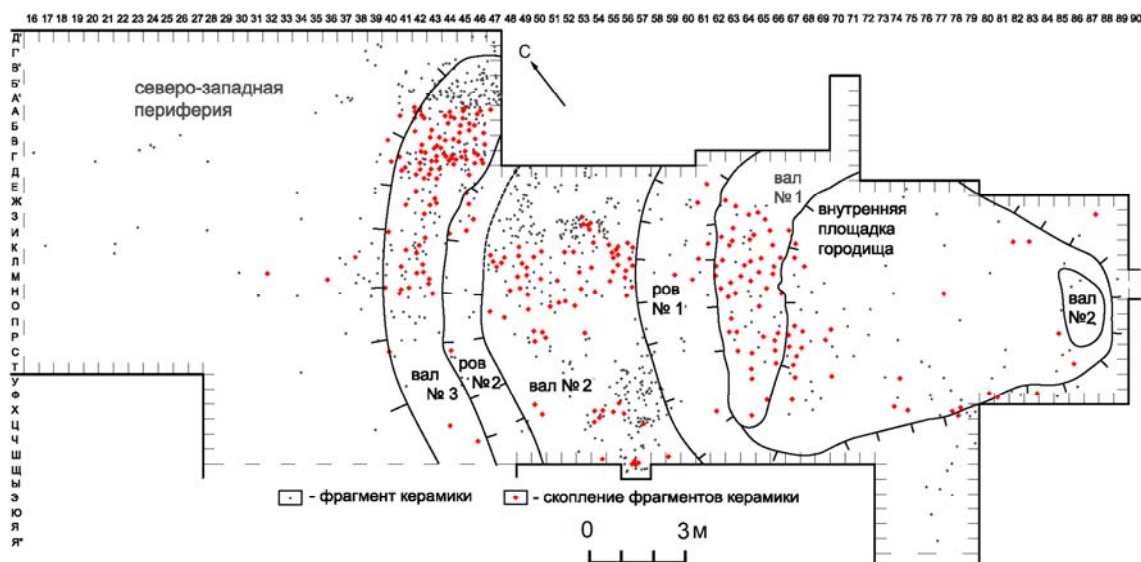

Рис. 3. Схема распространения фрагментов керамики позднего бронзового века на городище Стрелка

Fig. 3. Scheme of fragments distribution of the Late Bronze Age pottery at the Strelka Site

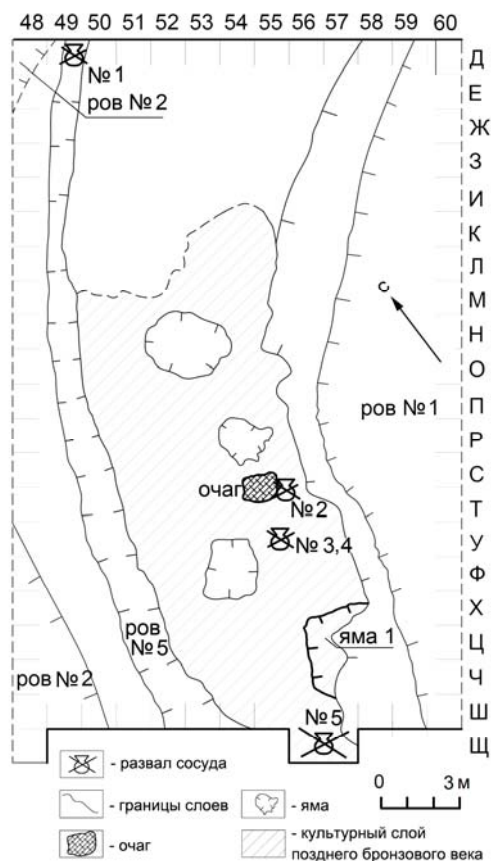

Рис. 4. Участок распространения культурного слоя позднего бронзового века на городище Стрелка

Fig. 4. The site of the distribution of the cultural layer of the Late Bronze Age at the Strelka Site

Культурный слой, связанный с сооружением (постройкой) позднего бронзового века, сохранился на небольшом участке между средневековым рвом (№ 1) и дополнительным валом на периферии городища (№ 3) (рис. 4). Он оказался перекрыт валом раннего железного века и выкидом из средневекового рва. Мощность слоя составляет от 0,12 до 0,18 м, максимальная – в южной части. Определить точные размеры постройки не представляется возможным, можно лишь сказать, что она занимала участок более чем 5×16 м. С северо-западной стороны сооружение было разрушено рвом раннего железного века, с юго-восточной – средневековым, в центральной части – прорезано тремя ямами раннего железного и средневекового времени. Северная часть сооружения, вероятно, была использована для подсыпки средневекового вала № 3.

В центральной части располагался очаг размерами $1,0 \times 0,8$ м подпрямоугольной формы, ориентированный своими сторонами по сторонам света. В очаге был обнаружен развал сосуда № 2 (см. рис. 7, 9). В 1,5 м к югу от очага находился развал сосуда и скопление фрагментов керамики от сосудов № 3–4 (рис. 7, 17, 33). В южной части раскопа найден развал большого сосуда № 5 (см. рис. 8, 1). Южнее очага зафиксирована подпрямоугольная яма № 1, частично разрушенная средневековым рвом. Размеры ямы не менее $2,6 \times 2,4$ м, глубина не превышала 0,15 м.

Отдельные фрагменты керамики атлымского типа встречались на всей площади раскопа за исключением северо-западной периферии и вершины мыса (см. рис. 3). Крупные скопления зафиксированы под северо-западной частью вала № 3, в слоях средневековых валов № 1 и 3 и на южном склоне около центра площадки средневекового городища. Возле северной части рва раннего железного века (№ 5) найден развал сосуда № 1 гамаюнского облика, залегающий в переотложенном состоянии в средневековом слое в заполнении рва (см. рис. 4; 8, 11). Кроме керамики к комплексу позднего бронзового века относится ряд изделий из камня: наконечники стрел и фрагмент наконечника дротика, скребки, пластины с ретушью, подпрямоугольные бруски с желобками, абразивы, характерные для атлымской культуры².

Позднебронзовый керамический комплекс многослойного городища Стрелка насчитывает более 2000 фрагментов, по венчикам выделено 120 сосудов. Это самый представительный в количественном отношении материал среди известных атлымских коллекций. Керамика сильно фрагментирована, целые формы восстановлены лишь в трех случаях. Тесто плотное с визуально фиксируемыми примесями шамота и дресвы. Поверхность тщательно заглажена. Цвет – различные оттенки коричневого. На большинстве сосудов имеется нагар.

² Архив НПО СА – 291/2 НАУЧ, 318/2 НАУЧ, 384/2 НАУЧ.

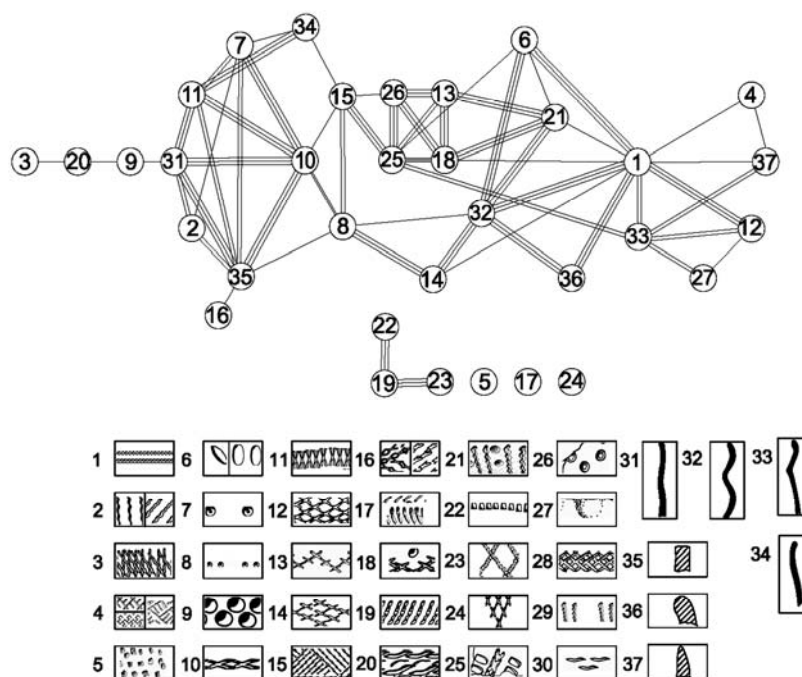

Рис. 5. Граф связей декоративных и морфологических признаков керамики городища Стрелка:

1 – трехрядный пояс, выполненный струйчатым штампом; 2 – пояс из вертикальных или наклонных оттисков струйчатого штампа; 3 – сетка из оттисков струйчатого штампа; 4 – меандр любого из трех типов; 5 – хаотично расположенные ямки; 6 – ряд овальных лунок; 7 – ряд круглых ямок; 8 – ряд ямок, сгруппированных по две; 9 – двойной ряд ямок, расположенных в шахматном порядке; 10 – поясок из вплотную поставленных горизонтальных оттисков креста; 11 – поясок из вплотную поставленных вертикальных оттисков креста; 12 – пояс из двух и более рядов оттисков креста, расположенных в шахматном порядке; 13 – зигзаг из двух и более рядов, выполненный крестовым штампом; 14 – пояс из ромбов, выполненный крестовым штампом; 15 – взаимопроникающие заштрихованные треугольники, выполненные крестовым штампом; 16 – линейные элементы (столбики, оригинальные узоры) из вплотную поставленных оттисков креста; 17 – пояс из вертикальных или наклонных оттисков гладкого штампа; 18 – лунка, расположенная на свободном поле внутри геометрического мотива; 19 – пояс из вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого штампа; 20 – имитация креста из оттисков «скобочки»; 21 – композиция из вертикальных оттисков струйчатого штампа, разделенная столбиком из ямок; 22 – одно-трехрядный пояс, выполненный гребенчатым штампом; 23 – ромбическая сетка, выполненная гребенчатым штампом; 24 – фестон, выполненный крестовым штампом; 25 – композиция из столбиков, выполненных крестовым штампом, разделенных ямками; 26 – композиция из ямок, сгруппированных по три; 27 – зашип по венчику; 28 – пояс из накладывающихся оттисков крестового штампа; 29 – композиция из вертикальных оттисков струйчатого штампа; 30 – композиции из полулунного штампа; 31 – слабопрофилированный сосуд с дугообразной шейкой; 32 – сильно профилированный сосуд с дугообразной шейкой; 33 – профилированный сосуд с прямой шейкой и загнутым внутрь венчиком; 34 – слабопрофилированный сосуд с отогнутой шейкой; 35 – плоский венчик; 36 – округлый венчик; 37 – приостренный венчик

Fig. 5. Graph of decorative and morphological features of ceramics at the Strelka Site:

1 – three-row belt made of jet stamp; 2 – belt made of vertical and sloped imprints of jet stamp; 3 – net made of imprints of jet stamp; 4 – meander of any of three types; 5 – randomly located pits; 6 – row of oval holes; 7 – row of round holes; 8 – series of pits grouped in two; 9 – staggered double row of pits; 10 – solid set of horizontal print of the cross; 11 – solid set of vertical print of the cross; 12 – a belt of two or more staggered imprints of the cross; 13 – zigzag of two or more rows cross stamped; 14 – belt of rhombuses cross stamped; 15 – interpenetrated shaded triangles cross stamped; 16 – linear elements (posts, original patterns) performed of closely set prints of the cross; 17 – belt of vertical and sloped prints of smooth stamp; 18 – hole located on free field inside the geometric motive; 19 – belt of vertical or sloped prints of comb stamp; 20 – imitation of the cross made of prints «brackets»; 21 – composition of vertical prints of jet stamp divided by a column of holes; 22 – one-three rowed stamp comb stamped; 23 – rhombic mesh comb stamped; 24 – festoon cross stamped; 25 – composition of posts cross stamped divided by pits; 26 – composition of pits grouped by three; 27 – pinch on the corolla; 28 – belt of overlapping prints of a cross stamp; 29 – composition of vertical imprints of jet stamp; 30 – compositions of crescent stamp; 31 – weakly profiled vessel with arcuate neck; 32 – highly profiled vessel with arcuate neck; 33 – profiled vessel with a straight neck and a bent inward whisk; 34 – weakly profiled vessel with a bent neck; 35 – flat whisk; 36 – round whisk; 37 – stale whisk

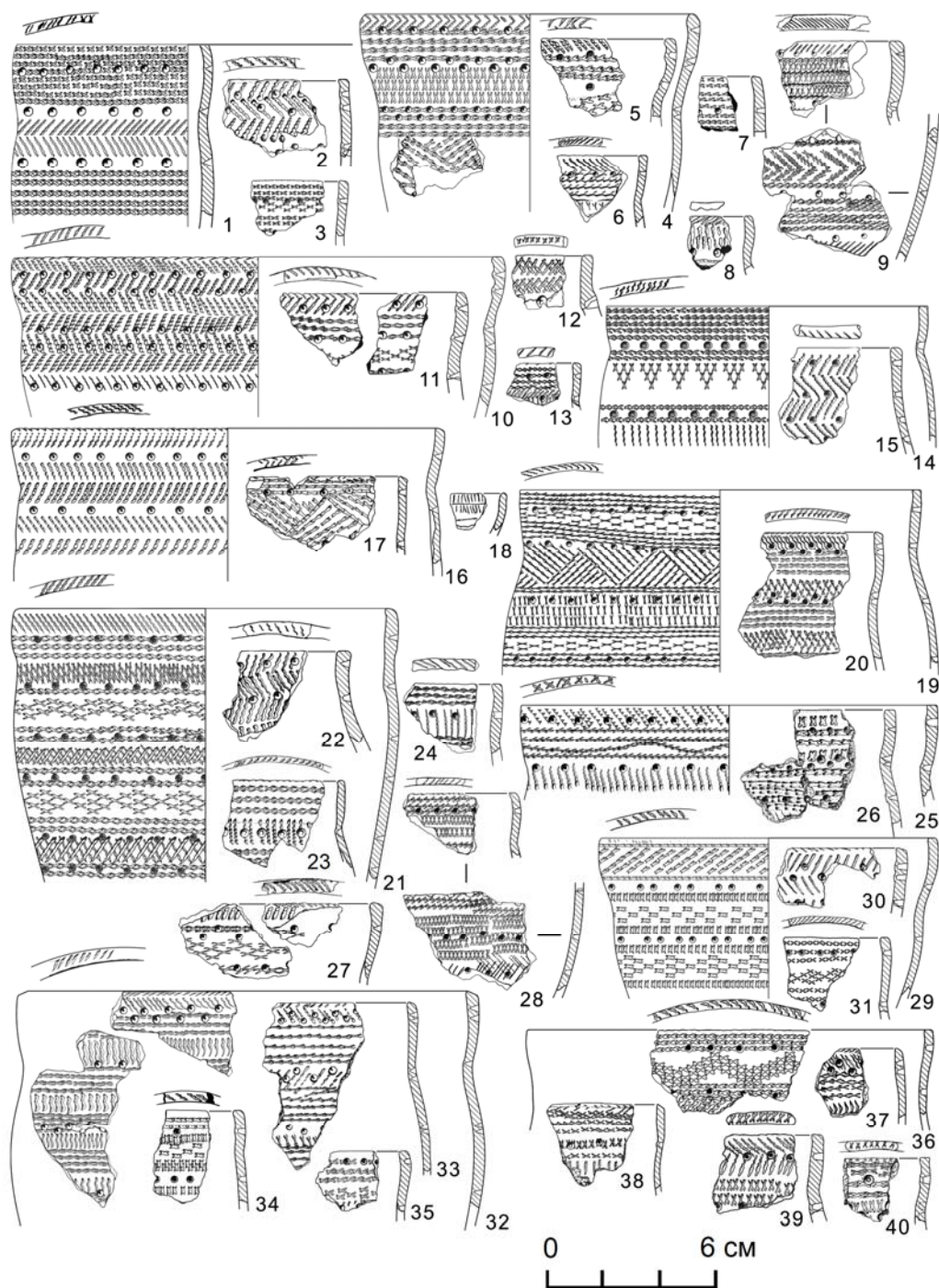

Рис. 6. Отличительные и доминирующие признаки керамики 1-й группы

Отличительные признаки: 4, 9, 19, 28, 38, 39 – признак 11; 17, 19 – признак 15; 29 – признак 16; 1–40 – признак 31; доминирующие признаки: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 16, 18, 20, 22–25, 30 – признак 2; 1, 3, 5, 7, 8, 11, 13–15, 21, 26, 27, 31–37, 40 – признак 10

Fig. 6. Distinctive and dominant signs of ceramics of the 1st group

Distinctive signs: 4, 9, 19, 28, 38, 39 – feature 11; 17, 19 – feature 15; 29 – feature 16; 1–40 – feature 31; dominant signs: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 16, 18, 20, 22–25, 30 – feature 2; 1, 3, 5, 7, 8, 11, 13–15, 21, 26, 27, 31–37, 40 – feature 10

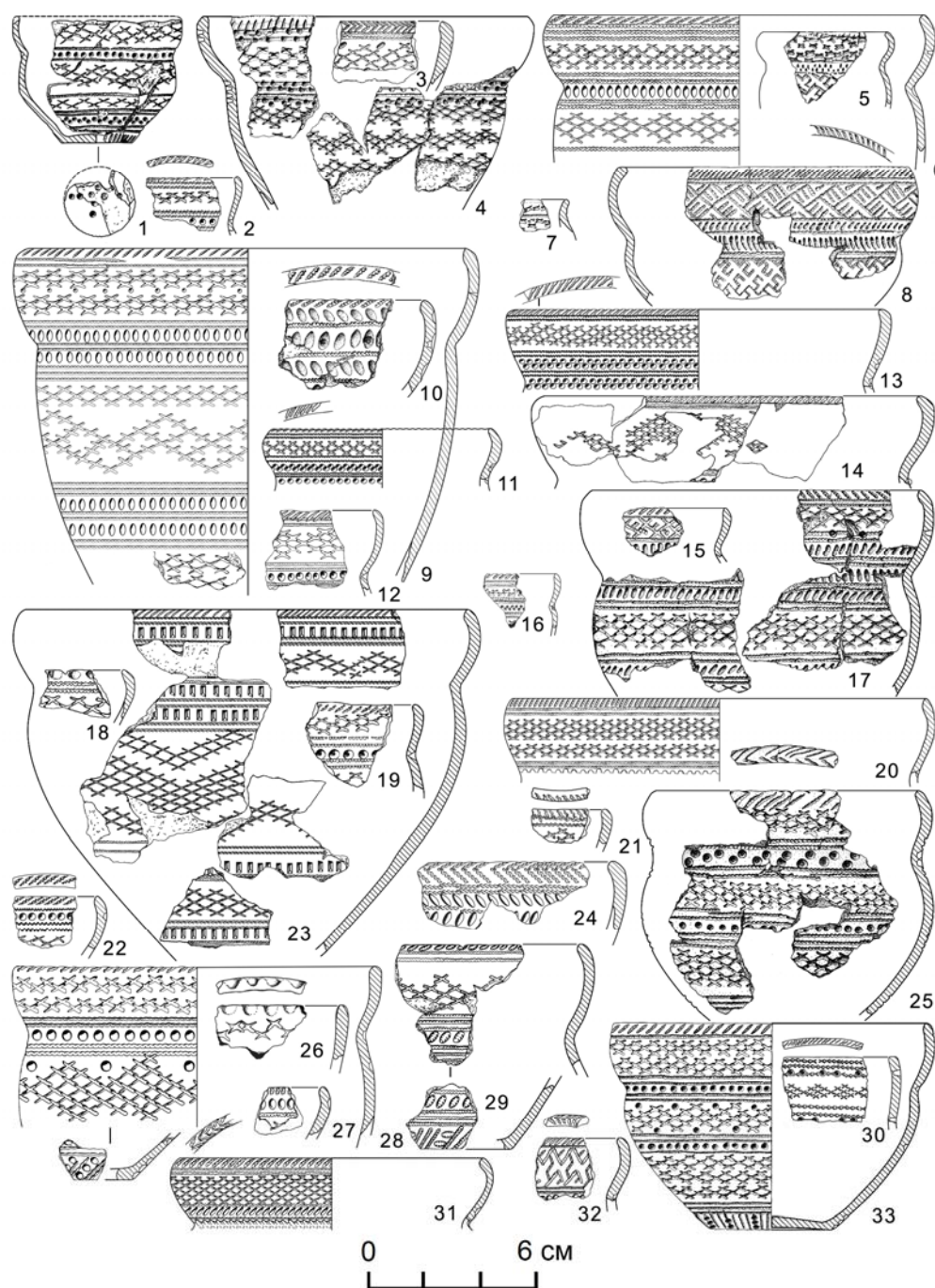

Рис. 7. Отличительные и доминирующие признаки керамики 2-й группы

Отличительные признаки: 5, 8, 32 – признак 4; 26 – признак 27;
 доминирующие признаки: 1–25, 27–33 – признак 1; 1, 4, 14, 15, 16, 18, 24 – признак 2;
 1, 4–6, 8–10, 12–14, 17, 20, 22–25, 29, 31–33 – признак 32; 2, 3, 7, 11, 15, 16, 18, 19, 16–28, 30 – признак 33

Fig. 7. Distinctive and dominant signs of ceramics of the 2nd group

Distinctive signs: 5, 8, 32 – feature 4; 26 – feature 27;
 dominant signs: 1–25, 27–33 – feature 1;
 1, 4, 14, 15, 16, 18, 24 – feature 2;
 1, 4–6, 8–10, 12–14, 17, 20, 22–25, 29, 31–33 – feature 32;
 2, 3, 7, 11, 15, 16, 18, 19, 16–28, 30 – feature 33

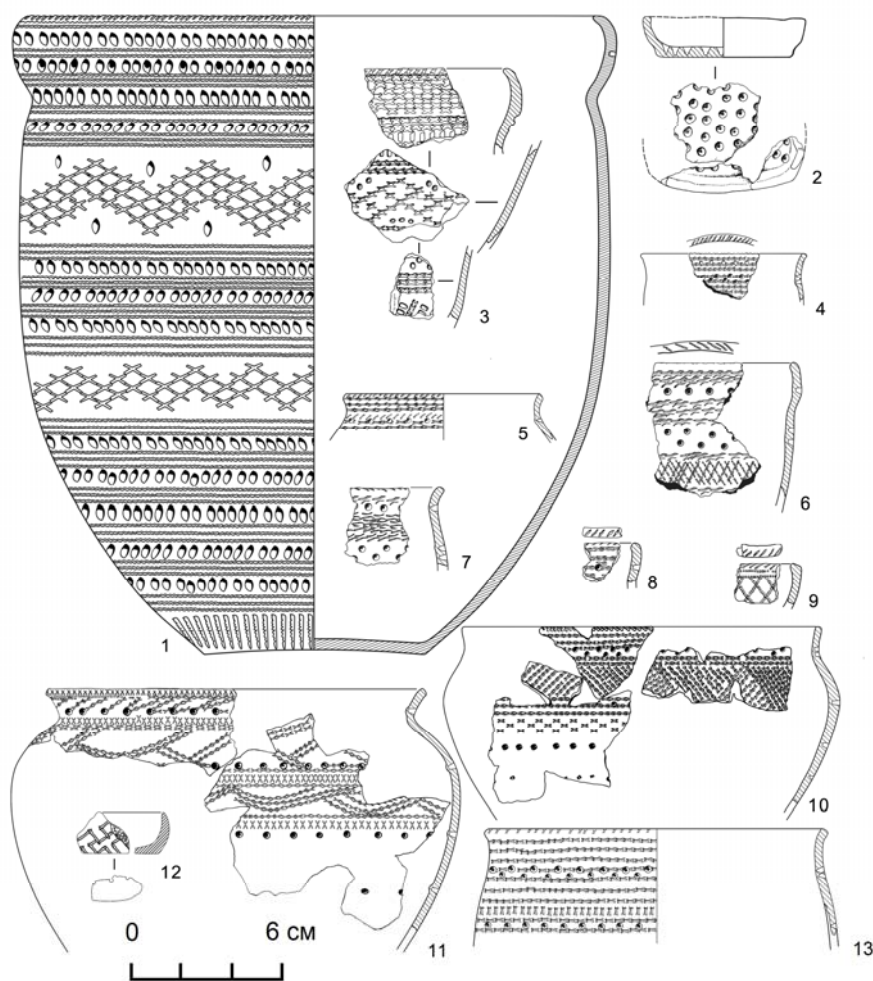

Рис. 8. Керамика эпохи поздней бронзы, обнаруженная на городище Стрелка:

1 – сосуд атлымской культуры 1-й группы; 2, 12 – нетипичные сосуды; 3 – сосуд, сочетающий признаки 1-й и 2-й групп; 4–10, 11, 13 – сосуды инокультурного облика

Fig. 8. Ceramics of the Late Bronze Age discovered at the Strelka Site:

1 – vessel of the Altym culture of the 1st group; 2, 12 – atypical vessels; 3 – vessel, combining features of the first and second groups; 4–10, 11, 13 – vessels of different cultures

Анализ керамической коллекции был проведен с использованием методов математической статистики. Для описания форм сосудов и подсчета индекса встречаемости элементов орнамента использованы методы описательной статистики [Генинг, 1973. С. 120–123].

По форме практически все сосуды комплекса являются плоскодонными низко- и широкогорлыми горшками (ФБ = 0,07–0,27; ФВ = 0,85 – 1,08)³. Присутствуют сосуды от очень малых до очень больших размеров с диаметром по венчику от 8 до 38 см, большинство имеет диаметр 23–27 см. В комплексе имеются сосуды с дугообразными или прямыми шейками

³ Данные термины введены В. Ф. Генингом [1973. С. 121–122]: ФБ – высотно-горловинный указатель; ФВ – широко-горловинный указатель; ФГ – указатель профилировки шейки.

с сильно загнутым внутрь краем (см. рис. 5, 13, 19). Профилировка средняя и сильная ($\PhiГ = 0,1-0,37$). Присутствуют также слабопрофилированные горшки с прямой или слегка дугообразно выгнутой шейкой ($\PhiГ = 0,1-0,27$) а также среднепрофилированные горшки с отогнутой наружу шейкой ($\PhiГ = 0,25-0,5$). Венчик в основном плоский, иногда округлый, оформлен наклонными оттисками струйчатого штампа или креста. Толщина стенок 3–9 мм. Таким образом, в комплексе встречено 4 варианта профилировки шейки сосудов:

- слабопрофилированный сосуд, шейка прямая или слегка выгнутая, основание шейки плавное;
- сильно- и среднепрофилированные экземпляры с дуговидной шейкой;
- сильно- и среднепрофилированные емкости с прямой шейкой и резко загнутым внутрь венчиком;
- сильнопрофилированные сосуды с отогнутой наружу шейкой.

Орнамент покрывал стенки полностью. Орнаментальная схема, довольно плотная и монотонная, состояла из горизонтальных полос. При орнаментации сосудов применялась техника штампования. Преобладает штамп в виде «косого» креста – 43,3 %, струйчатый ⁴ штамп использован в 28,2 % случаев, круглые ямки, овальные и подпрямоугольные лунки – 23,1 %. Реже всего использовался гребенчатый или гладкий штамп «скобочка». Всего выделено 27 основных элементов, характеризующих декор керамических изделий (см. рис. 5).

Для выявления взаимосвязей между формой сосуда и способом орнаментации использован факторный анализ. Была составлена бинарная матрица, где отсутствие или наличие того или иного признака кодировалось соответствующими значениями 0 и 1. Для оценки зависимости признаков использовался непараметрический показатель связи хи-квадрат Пирсона [Федоров-Давыдов, 1987. С. 93–97], который применим для характеристики малых выборок. В результате вычислений для каждой пары признаков получены два значения – хи-квадрат (критерий согласия Пирсона) указывает на наличие связи и силу связи между признаками, значение Q (коэффициент корреляции) показывает статистическую значимость и направление связи между признаками. На основании этих данных составлены графы положительных и отрицательных связей (см. рис. 5). Результаты факторного анализа демонстрируют наличие в рассматриваемом керамическом комплексе двух групп признаков, отличающихся устойчивым сочетанием определенной орнаментальной схемы и формы изделий.

К первой группе относятся 48 слабопрофилированных сосудов с плоским венчиком. Орнаментальная композиция основана на сочетании плотных рядов горизонтально (43,1 %) или вертикально (8,4 %) поставленного креста, рядов взаимонаклонных оттисков струйчатого или гребенчатого штампа (11,4%), одинарных (15,9 %) и двойных (5,3 %) рядов круглых ямок, зачастую нанесенных поверх орнамента; косой сетки, выполненной струйчатым штампом (2 %). Сложные элементы орнамента представлены взаимопроникающими треугольниками (1,2 %). В качестве разделителей орнаментальных зон использовались ряды плотно нанесенного косого креста и ряды ямок (см. рис. 5; таблицу).

В первой группе доминирующим элементом является поясok из вплотную поставленных горизонтальных оттисков креста (10) ⁵. Устойчивые орнаментальные схемы с сильными взаимными связями дают сочетания таких признаков, как ряд одиночных ямок (7), ряд вертикальных оттисков креста (11), взаимопроникающие треугольники (15), наклонные и вертикальные оттиски струйчатого штампа (2) (см. рис. 6, 4, 19).

⁴ В публикациях встречаются такие термины как мелкоструйчатый [Чемякин, 2008. С. 56], змейчатый [Кокшаров, 2007. С. 56] и змейковидный [Глушков, Захоя, 2000. С. 10]. Штампы различаются не столько по форме орнамента, сколько по виду отпечатка. Змейковидный штамп имеет большое количество вариантов оттиска от пологой волны до четкого крупного зигзага. Мелкоструйчатый штамп представляет собой мелкий четкий зигзаг. В данной публикации все штампы на основе зигзага называются струйчатыми.

⁵ Здесь и далее номера признаков, представленных на рис. 5.

Индекс встречаемости элементов орнамента
The index of occurrence of ornament elements

Признак	Группа		Признак	Группа		Признак	Группа	
	1	2		1	2		1	2
1	42,5	2	10	0,3	43,1	19	0,3	0,8
2	4,1	11,4	11	0,3	8,4	20	0,0	0,8
3	0	2	12	14,5	2	21	1,6	0
4	3,3	0	13	3,3	1	22	0	0,2
5	0	0,4	14	3,8	1,2	23	0	0,2
6	12,6	0,4	15	0,3	1	24	0	0,2
7	4,9	15,9	16	0	1,2	25	0	0
8	0	1	17	1,6	1	26	0	0,2
9	3,0	5,3	18	2,7	0	27	0,8	0

На периферии данной группы оказались такие признаки, как столбики и оригинальные узоры из вплотную расположенных крестов (16), ряд сдвоенных ямок (8) и отогнутый наружу венчик (34) (см. рис. 6, 9, 29, 34).

Отдельную ветку образуют сочетания двойного ряда ямок (9), косой сетки (3) и полукруглого штампа (20), характеризующиеся слабыми последовательными связями (см. рис. 8, 6, 7).

Сложные узоры, такие как взаимопроникающие треугольники, выполнены исключительно крестовым штампом.

Вторая группа включает 61 сильнопрофилированный сосуд с дугообразными шейками, округлым или приостренным венчиком. Часть шеек скорее прямая с резко загнутым внутрь краем или наплывом с внутренней стороны, что дает общее впечатление дуговидности. Основным мотивом орнамента являются выполненные струйчатым штампом (42,5 %) пояса из одной-трех линий, разделяющие орнаментальные зоны. Геометрические мотивы – это 2–5-рядные ленты, зигзаги, ромбы, состоящие из отпечатков косого креста, расположенных в шахматном порядке (21,7 %). В расположении орнамента прослеживается строгая зональность. Так, основание шейки обязательно оформлено одним или двумя рядами круглых или овальных лунок (17,5 %). Зона перехода от стенки к доньшку оформлена перемежающимися столбиками из двух ямок и сдвоенного отпечатка струйчатого штампа (см. рис. 7, 29, 33). Иногда ряды разнонаклонных овальных лунок образуют самостоятельный узор (см. рис. 7, 10, 24; 8, 1). Встречаются также полосы сложного геометрического орнамента, выполненного струйчатым штампом – так называемые «меандры» (3,3 %). Венчик чаще всего орнаментирован наклонными оттисками струйчатого штампа. Иногда оттиски располагаются в два ряда, образуя «елочку». Изредка венчик оформлен полукруглыми защипами (см. рис. 7, 26).

Во второй группе доминирующим является пояс из горизонтальных линий, выполненных струйчатым штампом (1). Морфологические признаки, связанные с данной доминантой, дают два устойчивых сочетания: сильно- и среднепрофилированные сосуды с дуговидной шейкой (32) и округлым венчиком (29); сильно- и среднепрофилированные горшки с прямой шейкой, резко загнутым внутрь (33) и приостренным венчиком (30).

При этом взаимосвязи между признаками прослеживаются внутри каждой группы, образуя композиционные зависимости.

Первая пара морфологических признаков (29–32) образует зависимость с такими особенностями узора, как ряд овальных лунок (6), композиция из двойных вертикальных оттисков струйчатого штампа, разделенная столбиком из двух и более ямок различной формы (21), пояс из ромбов, выполненный крестовым штампом (14), ряд ямок, сгруппированных по две (8).

Вторая пара морфологических признаков (30–33) связана с меандрами (4), поясом из оттисков креста в шахматном порядке (12), защипами по венчику (27).

Обращает на себя внимание устойчивое сочетание таких элементов, как композиция из столбиков, выполненных крестовым штампом, разделенных столбиком из двух и более ямок различной формы (25), композиция из ямок, сгруппированных по три (26), лунка, расположенная на свободном поле внутри геометрического мотива (18), зигзаг из одного и более рядов, выполненный крестовым штампом (13). Признаки 1, 15, 21 дают особую орнаментальную композицию, имеющую связи как с первой, так и со второй группой керамики. Они прослежены на единственном сосуде, объединившем морфологические и орнаментальные признаки обеих групп (см. рис. 8, 3).

В комплексе присутствуют фрагменты двух сосудов с прямыми короткими стенками и плоским дном. Один из них орнаментирован по внутренней поверхности хаотично расположенными глубокими ямками, другой снаружи покрыт меандром, в донце имеются отверстия (см. рис. 8, 2, 12). Подобные сосуды встречаются на поселениях не только атлымской, но и барсовской культуры [Чемакин, 2008. С. 143. Рис. 37, 2; С. 148. Рис. 42, 3; Кокшаров, 2007. С. 56. Рис. 5, 3].

В коллекции выделяется группа сосудов (8 экз.) с отогнутой наружу шейкой. Три из них слабо профилированные, орнаментальная схема сходна с первой группой. Три сильнопрофилированных, с отогнутыми наружу короткими прямыми шейками, выделяются разреженной орнаментальной схемой на тулове, состоящей из рядов ямок, разделенных зонами без орнамента. Можно также отметить оригинальный мотив из изгибающихся и наклонных «косичек», выполненных крестовым штампом (см. рис. 8, 5, 10, 11). Эти экземпляры наиболее близки к посуде гамаюнской культуры центральных и восточных локальных вариантов [Борзунов, 1992. С. 179, Глушков, Захожая, 2000. С. 83]. Единичные находки подобных изделий известны на атлымских памятниках низовьев Конды и Сургутского Приобья [Чемакин, 2008. Рис. 42, 6; Глушков, Захожая, 2000. Рис. 28, 1]. Два венчика с орнаментом «скобочка» (см. рис. 8, 6, 7) находят аналогии с орнаментацией керамики на поселения Чилимка I [Глушков, Захожая, 2000. С. 61].

Определение культурной принадлежности фрагмента одного сосуда с прямой шейкой и плоским венчиком, орнаментированного крупнозубой гребенкой (см. рис. 8, 9), затруднено.

Выделенные на городище Стрелка группы керамики находят аналогии на большинстве атлымских памятников. Посуда первой группы аналогична материалам поселений Барсова Гора 1/1а, 1/3, 1/22а, IV/106, 1/86, 1/40 [Чемакин, 2008. С. 147. Рис. 41, 3–5, 9, 11, 15; С. 149. Рис. 43, 14, 17], Чилимка XIII [Глушков, Захожая, 2000. С. 74. Рис. 19, 1], Ендырское VIII [Кокшаров, 2007. Рис. 4, 2–8; 5–7; 8, 11], Ендырское VII [Кокшаров, 2009. С. 218].

Керамика второй группы аналогична большинству экземпляров городищ Чилимка XIII и XXIII [Глушков, Захожая, 2000. С. 74, 83–84], поселения Сырой Аган-5 [Скоробогатова, 2013. С. 233], отдельным сосудам поселений Ендырское VIII [Кокшаров, 2007. Рис. 5–4], селища Барсова Гора II/16в, Барсов Городок III/1 [Чемакин, 2008. С. 147. Рис. 41, 25; С. 14, 98. Рис. 42, 7, 8].

Таким образом, в керамическом комплексе атлымской культуры городища Стрелка выделяются две группы керамики.

В первой группе при создании орнамента преимущественно использован косой крест в различных вариантах, в том числе вертикальные и наклонные оттиски. Струйчатый штамп применялся для нанесения рядов вертикальных и наклонных оттисков. Характерно использование мотива «взаимопроникающие треугольники».

Вторая группа отличается четким разделением орнаментальных зон при помощи горизонтальных линий, выполненных струйчатым штампом, наличием определенного орнаментального канона для оформления венчика, основания шейки и придонной части, использованием меандровидных узоров.

По таким признакам орнамента, как преимущественно крестовая орнаментация, использование вертикального косого креста, отсутствие горизонтальных струйчатых или гребенчатых

линий и слабая профилировка сосудов, первая группа тяготеет к орнаментальной схеме атлымской керамики I типа [Васильев, 1982. С. 9].

На неоднородность атлымских керамических комплексов указывает большинство исследователей, но принципы группировки у них различны, что связано с особенностями исследованных памятников.

По данным городища Малый Атлым 1 Е. А. Васильев выделял два типа керамики. Для первого, более раннего, варианта характерны слабопрофилированные сосуды с отогнутыми шейками и монотонная орнаментальная схема. Второй тип объединяет профилированные сосуды с дуговидными шейками. В орнаментации появились гребенчатый штамп, более разнообразные мотивы, в том числе геометрические и сложные орнаменты – меандры [Там же].

Поскольку на остальных исследованных памятниках найдена керамика только второго типа, дальше речь пойдет о ней.

На поселении Ендырское VIII С. Ф. Кокшаровым выделены две группы керамики, различающейся по орнаменту. Он обращает внимание на сходство в способе орнаментации между сосудами с прямой и слабо выгнутой шейкой в противоположность сосудам с дугообразной шейкой, находя несоответствие в том, что единая орнаментальная схема нанесена на сосуды с различными типами шеек.

К первой группе отнесены экземпляры с линейным монотонным орнаментом, наличием рядов ямок поверх него. Для второй характерно использование струйчатого штампа и появление поясков из наклонных оттисков струйчатого или гребенчатого узора, использование меандров, выделение орнаментальных зон. В целом автор с некоторыми оговорками соглашался с тем, что материалы памятника Ендырское VIII вписываются в типологию атлымской керамики. Он отмечал присутствие и одновременное существование обоих типов в составе изученного жилищного комплекса, указывая на факт совместного залегания разнотипной посуды не только на Ендыре, но и на других поселениях таежного Приобья (например, на поселении Барсова Гора II/16а). Связывал он это с тесными контактами населения, проживавшего в Зауралье в данную эпоху [Кокшаров, 2007. С. 60].

Ю. П. Чемякин отмечал малочисленность атлымской керамики Сургутского Приобья, что не позволяло провести полноценное сравнение. Тем не менее, он выделял две группы памятников, посуда на которых значительно различалась. Коллекцию Барсовой Горы автор описывал как тип, в котором преобладают сильнопрофилированные сосуды, а в орнаментации высока доля прямых линий, выполненных струйчатым штампом. Для второго варианта указано повышение доли гребенчатого и гладкого штампов. Подчеркивалась неоднородность и возможная разновременность атлымских коллекций Барсовой Горы, предполагался более поздний возраст для памятников второй группы [Чемякин, 2008. С. 56].

При анализе атлымских керамических комплексов городищ Чилимка XIII и XXIII И. Г. Глушков и Т. М. Захожая для сравнения использовали материалы Нижнего Приобья – поселения Шеркалы XIII и городища Малый Атлым 1, а также привлекли данные по Сургутскому Приобью. Статистический анализ материалов городища Малый Атлым 1 подтвердил деление керамики на два типа (по Е. А. Васильеву). Для других памятников отмечено, что орнаментальные комплексы в целом характеризуются стабильностью и не распадаются на группы [Глушков, Захожая, 2000. С. 17]. При этом в описании комплексов авторы говорили о вариативности в профилировке сосудов и двух способах оформления венчиков – плоские и округлые. Основу орнаментальной схемы составляли ряды наклонных оттисков гребенчатого или струйчатого штампа, узора из горизонтальных гребенчатых или струйчатых линий и крестового узора [Глушков, Захожая, 2000. С. 10–11, 29].

С. И. Рудковский на основании анализа всех опубликованных данных делил атлымскую керамику на варианты по особенностям орнаментации. Первый, по его мнению, характеризуется монотонным горизонтальным орнаментом, а второй – особыми выделенными орнаментальными зонами (основание шейки и придонная часть) [Рудковский, 2013. С. 266–268]. В Нижнем Приобье (месте формирования атлымской культуры) оба варианта встречались

в равных пропорциях. На основании этого высказывалось предположение, что второй метод орнаментации более поздний по возрасту. В Сургутском Приобье в основном встречался первый вариант, а на левобережье Оби доминировал второй. Исследователем это связывается с волнами миграций атлымского населения из Нижнего Приобья.

В целом в поздних атлымских комплексах выделяются, с определенными оговорками, три орнаментальные схемы. Первая – монотонная, с рядами ямок, без горизонтальных линий и, преимущественно, с крестовой орнаментацией. Иногда для этой группы отмечалась слабая профилировка сосуда (1 группа по С. Ф. Кокшарову; 1 группа городища Стрелка). Вторая – с четким горизонтальным членением, высокой долей струйчатого орнамента и прямых линий; в этом типе появлялись меандры. Характерна сильная профилировка сосудов, дугообразная шейка и выделение основания шейки в особую орнаментальную зону (2 группа по С. Ф. Кокшарову; 2 группа городища Стрелка; 1 группа по Ю. П. Чемякину). Третья – вариант с преобладанием гребенчатой орнаментации, для которой отмечено появление гладкого штампа (2 группа по Ю. П. Чемякину, прослежена в Сургутском Приобье).

Хронологических различий между первой и второй группами не выявлено. Зачастую они залегали совместно, что позволяет связывать их существование с контактами различных групп населения. Третья группа, предположительно, относится к финальному этапу атлымской культуры.

Заключение

Позднебронзовый комплекс городища Стрелка по аналогии с известными группами керамики может быть датирован X–VIII вв. до н. э. Обнаруженные сосуды гамаюнского облика указывают на контакты его жителей с Зауральем, что согласуется с данными, полученными для других памятников региона.

Заметных стратиграфических различий в залегании керамики двух выделенных групп не выявлено. Но планиграфическое распределение в слое имеет особенности. В северо-западной части раскопа обнаружена посуда в основном первого типа. Здесь она залегала в переотложенном состоянии в одних стратиграфических горизонтах с артефактами Средневековья. В южной и юго-восточной частях раскопа доминировали сосуды второй группы. Исключительно она же зафиксирована и в сохранившемся слое жилища, в том числе в развалах сосудов, залежавшие *in situ*. Но большинство мелких скоплений включали экземпляры обеих групп, что может указывать на существование на данном памятнике в атлымскую эпоху как минимум двух объектов, с которыми могут быть связаны разные группы керамики. Предварительная гипотеза об асинхронности выделенных групп не подтвердилась.

Полученные результаты в сочетании с имеющимися данными других исследователей дают возможность предположить параллельное существование двух керамических традиций внутри атлымской культуры на позднем этапе существования, что может быть связано с высокой степенью мобильности ее носителей.

Список литературы / References

- Борзунов В. А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. 188 с.
Borzunov V. A. Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) [Trans-Uralia at the boundary of Bronze and Iron Ages (the Gamayun Culture)]. Ekaterinburg, USU Publ., 1992, 188 p. (in Russ.)
- Васильев Е. А.** Северо-таежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 3–14.
Vasilyev E. A. Severo-tayezhnoe Priob'e v epokhu pozdnei bronzy (khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov) [North Taiga Ob River Area during the Late Bronze Age Period (Chronology and Cultural Heritage of the Sites)]. In: Arkheologiya i etnografiya Priob'ya [Archaeology and ethnography of the Ob River area]. Tomsk, TSU Publ., 1982, p. 3–14. (in Russ.)

- Генинг В. Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
Gening V. F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkhеologicheskikh raskopok [A Program of Statistical Treatment of Ceramics from Archaeological Excavations]. *Sovetskaya arkhеologiya* [Soviet Archaeology], 1973, no. 1, p. 114–136 (in Russ.)
- Глушков И. Г., Захожая Т. М.** Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: Изд-во СГПУ, 2000. 200 с.
Glushkov I. G., Zakhzhayaya T. M. Keramika epokhi pozdnei bronzy Nizhnego Priirtysh'ya [Ceramics of Late Bronze Age in the Lower Irtysh River Area]. Surgut, SPSU Publ., 2000, 200 p. (in Russ.)
- Кокшаров С. Ф.** Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 53–62.
Koksharov S. F. Pamyatnik atlymskoi kul'tury na reke Endyr' [A Site of the Atlym Culture on the River Yendyr]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2007, no. 3 (31), p. 53–62. (in Russ.)
- Кокшаров С. Ф.** Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры в 2008 г // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. ст. / Отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 217–219.
Koksharov S. F. Raskopki Endyr'skogo VII poseleniya v Oktyabr'skom raione KhMAO – Yugry v 2008 g. [Excavations of Yendyrskoye VII Settlement in Oktyabr'sk Region of KhMAO – Yugra in 2008]. In: Yakovlev Ya. A. (ed.). *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Region in the Mirror of the Past]. Digest of Articles. Tomsk, Khanty-Mansiysk, TSU Publ., 2009, iss. 7, p. 217–219. (in Russ.)
- Рудковский С. И.** Региональные и хронологические особенности керамических комплексов атлымской культуры // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 266–270.
Rudkovsky S. I. Regional'nye i khronologicheskie osobennosti keramicheskikh kompleksov atlymskoi kul'tury [Regional and Chronological Specificities of Ceramic Complexes of the Atlym Culture]. *Vestnik of the Tomsk State University. History*, 2013, no. 3 (23), p. 266–270. (in Russ.)
- Скоробогатова А. Ю.** Датировка атлымского керамического комплекса поселения Сырой Аган-5 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. 18–19. С. 233.
Skorobogatova A. Yu. Datirovka atlymskogo keramicheskogo kompleksa poseleniya Syroi Agan-5 [On Dating the Atlym Ceramic Complex of Syroi Agan-5 Settlement]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Preservation and Study of Altay Region Cultural Heritage: Materials of Regional Scientific and Practical Conference]. Barnaul, Azbuka Publ., 2013, iss. 18–19, p. 233. (in Russ.)
- Федоров-Давыдов Г. А.** Статистические методы в археологии. М.: Наука, 1987. 215 с.
Fedorov-Davydov G. A. Statisticheskie metody v arkhеologii [Statistical Methods in Archaeology]. Moscow, Nauka, 1987, 215 p. (in Russ.)
- Фефилова Т. Ю.** История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 283–295.
Feofilova T. Yu. Istoriya arkhеologicheskikh issledovaniy na rekakh Bol'shoi i Maliy Yugan [History of Archaeological Researches on the Rivers Bolshoy and Maliy Yugan]. In: *Barsova Gora: drevnosti tayezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob River Area]. Ekaterinburg, Surgut, Ural Book Publ., 2008, p. 283–295. (in Russ.)
- Чемякин Ю. П.** Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 222 с.
Chemyakin Yu. P. Barsova Gora. Ocherki arkhеologii Surgut'skogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut [Barsova Gora. Essays of Archaeology of the Ob River Area around Surgut. Ancient Times]. Surgut, Omsk, Omsk Publishing house, 2008, 222 p. (in Russ.)
- Яковлев Я. А.** Исследования Тымского отряда // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. 297 с.
Yakovlev Ya. A. Issledovaniya Tym'skogo otryada [Researches of Tym'sky Detachment]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1985 goda* [Archaeological Discoveries of 1985], 1987, 297 p. (in Russ.)

Список источников / List of Sources

Архив НПО СА – 291/2 НАУЧ. Кардаш О. В. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки городища Стрелка в зоне строительства кустовой площадки К-13 Средне-Угутско-

го м-р в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2009 г. Нефтеюганск, 2010.

Arkhip NPO SA – 291/2 NAUCH [Scientific and Production Association of Northern Archaeology Archive – 291/2 SCIENTIFICK]. Kardash O. V. Otchet o NIR. Avariinye arkheologicheskie raskopki gorodishcha Strelka v zone stroitel'stva kustovoi ploshchadki K-13 Sredne-Ugutskogo m-r v Surgutskom raione Khanty-Mansiiskogo AO–Yugry letom 2009 g. [Kardash O. V. Research Work Report. Emergency Archaeological Excavations of the Strelka Settlement in the Construction Area of the K-13 Cluster Site of the Middle-Ugut Microdistrict in the Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous District–Ugra in the Summer of 2009]. Nefteyugansk, 2010. (in Russ.)

Архив НПО СА – 318/2 НАУЧ. Пономарева Т. М. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки городища Стрелка в зоне строительства кустовой площадки К-13 Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО–Югры летом 2010 г. 2 книги. Нефтеюганск, 2011.

Arkhip NPO SA – 318/2 NAUCH [Scientific and Production Association of Northern Archeology Archive – 318/2 SCIENTIFICK]. Ponomareva T. M. Otchet o NIR. Avariinye arkheologicheskie raskopki gorodishcha Strelka v zone stroitel'stva kustovoi ploshchadki K-13 Sredne-Ugutskogo mestorozhdeniya v Surgutskom raione Khanty-Mansiiskogo AO–Yugry letom 2010 g., 2 knigi [Ponomareva T. M. Research Work Report. Emergency Archaeological Excavations of the Strelka Settlement in the Construction Area of the K-13 Cluster Site of the Middle-Ugut Microdistrict in the Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous District–Ugra in the Summer of 2010, 2 books]. Nefteyugansk, 2011. (in Russ.)

Архив НПО СА – 384/2 НАУЧ. Пономарева Т. М. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки селища Сухая 2 и городища Стрелка в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2011–2012 гг. Т. 2. Аварийные археологические раскопки городища Стрелка. Нефтеюганск, 2013.

Arkhip NPO SA – 384/2 NAUCH [Scientific and Production Association of Northern Archaeology Archive – 384/2 SCIENTIFICK]. Ponomareva T. M. Otchet o NIR. Avariinye arkheologicheskie raskopki selishcha Sukhaya 2 i gorodishcha Strelka v Surgutskom raione Khanty-Mansiiskogo AO Yugry letom 2011–2012 gg. T. 2. Avariinye arkheologicheskie raskopki gorodishcha Strelka [Ponomareva T. M. Research Work Report. Emergency Archaeological Excavations of the Village Sukhaya 2 and the Settlement of Strelka in the Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Ugra in the Summer of 2011–2012. Vol. 2. Emergency Archaeological Excavations of the Strelka Site]. Nefteyugansk, 2013. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.04.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Скоробогатова Анна Юрьевна, специалист, сотрудник ООО «НПО “Северная археология – 1”» (строение 9, проезд 5П, Нефтеюганск, 628305, Россия)

Anna Yu. Skorobogatova, specialist at the Scientific and Production Association “Northern Archaeology – 1” (9 build., 5P passage, Nefteyugansk, 628305, Russian Federation)

annuit2@mail.ru

ORCID 0000-0001-5490-9998

Пономарева Татьяна Михайловна, специалист, сотрудник ООО «НПО “Северная археология – 1”» (строение 9, проезд 5П, Нефтеюганск, 628305, Россия)

Ponomareva Tatyana M., specialist at the Scientific and Production Association “Northern Archaeology – 1” (9 build., 5P passage, Nefteyugansk, 628305, Russian Federation)

tmp-arch@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1005-6177

Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Н. Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Работа посвящена проблемам функциональной, культовой и культурно-исторической интерпретации костыльков-кочедыков, распространенных на памятниках культур степного пояса Евразии эпохи раннего железа. Рассматривается историография вопроса. Обсуждаются варианты реконструкции функционального использования этих находок – подвеска, поясная застежка. Установлено, что независимо от пола погребенных топография костыльков-кочедыков в захоронениях варьировала – они обнаружены справа или слева по одному, реже по два у бедренных или тазовых костей, когда пояс был застегнут. Когда пояс был расстегнут и уложен вдоль тела, они располагались в районе грудной клетки, колен или ступней. Изделия могли как входить в состав комплекса, так и быть единственным элементом поясной фурнитуры, что косвенно указывает на самодостаточность кочедыка как элемента погребального облачения. Обсуждается спорность их культовой интерпретации. На основе гипотезы поликультурности населения Верхнего Приобья рассматриваются новые возможности интерпретации костыльков-кочедыков.

Ключевые слова

Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, археология, поясная фурнитура, костыльки-кочедыки

Для цитирования

Головченко Н. Н. Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 90–99. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-90-99

On Interpretation of *Kočidyk*-Crutches Used by the Population of the Upper Ob River Region in the Early Iron Age

N. N. Golovchenko

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The work is devoted to functional, ceremonial and cultural-historical interpretation of the so-called *kočidyk*-crutches often found at the sites belonging to various cultures of the steppe belt of Eurasia and popular during the Early Iron Age. The aim of our study is to describe different interpretations of this group of finds. We considered the accumulated historiographical experience and also tried to model experimentally the functional use of the artifacts analyzed. The scientific novelty of the study lies in the possibility of referring to these materials from the point of view of the hypothesis of multiculturalism. We discuss a number of variants how to reconstruct the functional use of this category of finds. In particular, the crutches considered could have been used as suspensions and as belt fasteners.

Results. We noticed that regardless of the sex of the buried people, the location of the crutches in graves is the same, i. e. they are found on the right or left side, at least two on the femur or pelvic bones of the skeleton if the buried person had a belt and it was buttoned, and on the chest, knees or feet, if the belt was unbuttoned and was lying along the body. The crutches can either be a part of the complex, or the only element of the waist fittings that indirectly points to a certain self-sufficiency of crutches as a part of the burial shroud. There are controversial interpretations of the ceremonial meaning of the artifacts. Based on the hypothesis of multiculturalism of the population of the Upper Ob River region during the Early Iron Age, we provide some new cultural and historical interpretations of the crutches. A variety of types of crutches confirms the assumption that within the existence of the subject complex of clothing worn

by the population of the Upper Ob River region in the second half of the I Millennium BC, there were clear signs of innovations.

Conclusion. Studying the range of issues associated with the interpretation of crutches remains a relevant and promising task in archaeological research. Further accumulation of material and its understanding in a broader rather than narrow territorial context might allow us to identify the centers of distribution of certain types of crutches and the processes of their trans cultural incorporation into the traditional use by the population of the Upper Ob River region in the Early Iron Age.

Keywords

The Upper Ob River region, the Early Iron Age, archaeology, belt accessories, crutches

For citation

Golovchenko N. N. On Interpretation of *Kočidyk*-Crutches Used by the Population of the Upper Ob River Region in the Early Iron Age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 90–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-90-99

Введение

Вопросы интерпретации археологических источников всегда актуальны для исследователей. Одной из наиболее спорных категорий предметного комплекса одежды из Верхнего Приобья эпохи раннего железа являются костыльки-кочедыки. Цель настоящего исследования – описание вариантов интерпретации данной группы находок. Реализация этой цели требовала не только рассмотреть накопленный историографический опыт, но и предпринять попытки по экспериментальному моделированию их функционального использования. Будучи одной из наиболее вариabельных групп находок, костыльки-кочедыки зачастую представляются одним из дифференцирующих маркеров отдельных культур юга Сибири эпохи раннего железа, что делает разбор концепций их интерпретации актуальной задачей современных археологических исследований. Научная новизна исследования заключается в возможности обращения к данным материалам с точки зрения гипотезы поликультурности.

Указанную категорию изделий в научной литературе обозначают по-разному: «ложечковидные подвески», «костыльки» или *кочедыки* (рис. 1) [Сингаевский, 2007; Троицкая, Бородавский, 1994. С. 32; Шульга и др., 2009. С. 172–173]¹. Такое разнообразие наименований одной категории украшений ставит перед нами первоначальную задачу определения терминологической базы.

Зачастую совместно с одной из уточняющих характеристик фигурирует термин «подвеска», который в археологической литературе имеет ряд трактовок. Часть исследователей под предметами этой категории понимают буквально всё, что подвешивается и нашивается на одежду и ее аксессуары, включая бусины, нашивные бляшки, пуговицы, подвески к сережкам, поясную фурнитуру и прочее. Другая группа авторов в качестве подвесок рассматривает только вещи, которые в рамках ансамбля костюма находились в подвешенном состоянии (подвески сережек, оселки, костыльки-кочедыки). Возможно, в какой-то степени отмеченной неоднозначности способствует данное С. И. Ожевым определение термина «подвеска» как украшения, подвешиваемого к чему-либо [2008. С. 687]. Наиболее удачной нам представляется вторая из рассмотренных дефиниций.

Применительно к исследуемой группе находок вместе с термином «подвеска» используется ряд конкретизирующих обозначений. В частности, термин «костылек» [Полосьмак, 1987. С. 83], который носит для описания исследуемых подвесок условный характер, прежде всего связанный с морфологическим сходством довольно тонких и продолговатых украшений с так называемыми «костыльками», используемыми в качестве приспособления для крепления постромков к саням или телегам [Ожегов, 2008. С. 384].

¹ В качестве иллюстративного материала для настоящей статьи использованы предметы из фондов Историко-краеведческого музея АлтГПУ, происходящие из могильников Новотроицкое-1 и 2, Масляха-1 (Верхнее Приобье).

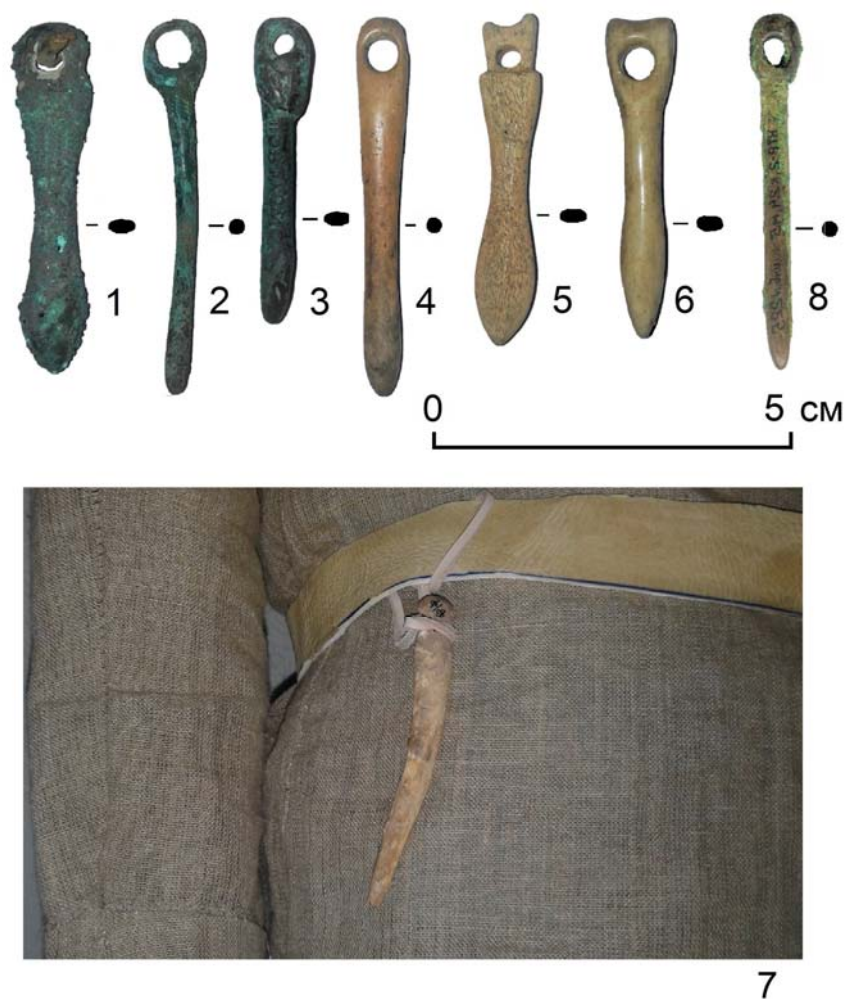

Рис. 1 (фото). Костыльки-кочедыки из фондов Историко-краеведческого музея АлтГПУ:
 1 – Новотроицкое-2, курган 19, могила 1 (инв. № 2); 2 – Новотроицкое-2, курган 15, могила 3 (инв. № 18); 3 – Новотроицкое-2, курган 9, могила 5 (инв. № 173); 4 – Новотроицкое-1, курган 34, могила 2 (инв. № 6); 5, 6 – Новотроицкое-2, курган 18, могила 5 (инв. № 95); 7 – Масляха-1, курган 8, могила 16 (инв. № 83/36); 8 – Новотроицкое-2, курган 24, могила 5 (инв. № 225)

Fig. 1 (photo). *Koščidyk*-Crutches from the funds of the Local History Museum of Altai State Pedagogical University:

1 – Novotroitskoe-2, mound 19, tomb 1 (inv. no. 2); 2 – Novotroitskoe-2, mound 15, tomb 3 (inv. no. 18); 3 – Novotroitskoe-2, mound 9, tomb 5 (inv. no. 173); 4 – Novotroitskoe-1, mound 34, tomb 2 (inv. no. 6); 5, 6 – Novotroitskoe-2, mound 18, tomb 5 (inv. no. 95); 7 – Maslyakha-1, mound 8, tomb 16 (inv. no. 83/36); 8 – Novotroitskoe-2, mound 24, tomb 5 (inv. no. 225)

По аналогичному принципу внешней схожести рассматриваемой группы находок с ложечковидными застёжками III в. до н. э. – IV в. н. э. их порой именуют и «ложечковидными подвесками», однако далеко не все находки обнаруживают такое сходство (не на всех изделиях есть ложбинка-выемка на тыльной стороне изделия и перемычка в ее центральной части) [Полосьмак, 1987. С. 79, 83].

Основываясь на предположительной функциональной трактовке этих вещей, часть исследователей называет их *кочедыками* [Шульга и др., 2009. С. 172–173]. В археологическом контексте Верхнего Приобья эпохи раннего железа *кочедык* – приспособление для поддевания ремешков при развязывании различных узлов (например, на упряжи). В пользу этой трактовки служат следы износа на нижних концах некоторых изделий.

В историографической традиции принято использование всех обозначенных вариантов номинации. Вместе с тем очевидно, что для установления более точного определения этой категории находок необходимо рассмотреть варианты ее интерпретации.

Вопрос об их использовании остается дискуссионным. В качестве амулетов костыльки-кочедыки трактовались В. Н. Полторацкой, этой же позиции придерживаются А. Л. Кунгуров и А. А. Тишкин [Кунгуров, Тишкин, 1996]. П. И. Шульга предположил их использование в качестве приспособления, на которое при помощи ременной петли подвешивались различные предметы, для чего, по мнению автора, предназначались перемычки, валики, отверстия, утолщения или сужения по длине стержня [Шульга и др., 2009. С. 172–173]. В то же время П. И. Шульга указывал на явную полифункциональность костыльков-кочедыков и их отличие от ложечковидных застежек [Там же. С. 172]. Исходя из функциональной трактовки в качестве поясных подвесок костыльки-кочедыки (не отрицая при этом их возможное культовое назначение) рассматривали Т. Н. Троицкая, В. И. Молодин, А. П. Бородовский, Н. В. Полосьмак, А. П. Уманский, Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Могильников и В. Д. Кубарев (см.: [Полосьмак, 1987. С. 79, 83; Кубарев, 1991. С. 86; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 32; Молодин и др., 1996. С. 132–140; Могильников, 1997. С. 70–71; Сингаевский, 2007. С. 161–173; Шульга и др., 2009. С. 172–173]). Такой позиции придерживается и автор настоящей публикации.

Результаты исследований и обсуждение

Блок проблем, связанных с интерпретацией рассматриваемой категории изделий, во многом порожден контекстом их обнаружения. На памятниках Верхнего Приобья эпохи раннего железа *кочедыки* были выявлены почти повсеместно: Новый Шарап-1, Быстровка-1 [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XXXIII], Рогозиха-1 [Уманский и др., 2005. Рис. 55], Михайловка-6 [Шамшин и др., 1992], Новотроицкое-1, –2 [Шульга и др., 2009. Рис. 120], Гоньба-2 [Шамшин и др., 1991], Бийск-1 [Завитухина, 1961], Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996], Ближние Елбаны-3 [Фролов, 2008. Рис. 152], Фирсово-14, –16 [Федорук и др., 2013] и др. Всего по опубликованным материалам нам известно 74 экз.

Принято рассматривать *кочедыки* как элемент мужского («воинского») костюма [Сингаевский, 2007], однако единичные экземпляры были обнаружены и в женских погребениях.

Независимо от пола погребенных топография находок в захоронениях варьируется – *кочедыки* обнаружены справа или слева по одному, реже по два у бедренных или тазовых костей скелета (в тех случаях, когда пояс на погребенном был застегнут), и в районе грудной клетки, колен или ступней (когда пояс был расстегнут и уложен вдоль тела). При этом они могут либо входить в состав комплекса, либо быть единственным элементом поясной фурнитуры, что косвенно указывает на некоторую самодостаточность кочедыка как элемента погребального облачения.

Основное различие между отдельными образцами заключается в количестве валиков у петельки и в форме (заостренной или округлой) нижней части изделия. Изготавливались они из бронзы, кости и рога. Типологическую характеристику *кочедыков* представить сложно, поскольку в некоторых случаях они украшались орнитоморфными и зооморфными сюжетами. Выявить на этом фоне основные типобразующие признаки представляется возможным лишь в самых общих чертах: разделив категорию находок на изделия, изготовленные из кости или металла; или по морфологии изделий – с валиками, или без них. Следующий таксономический ряд можно выделить по способу подвешивания подвески: через ушко или пере-

мычку на оборотной стороне. Типы *кочедыков* могут быть выделены по сочетанию признаков оформления ушка и общей стилизации изделий. Подобная типология уже была предложена А. Т. Сингаевским [2007], рассмотревшим *кочедыки* как культурно-исторический маркер и интерпретировавшим его в качестве «наконечника ремней» (застежек) (рис. 2). Она (типология) апробирована на материалах Семиречья С. С. Ивановым [2012].

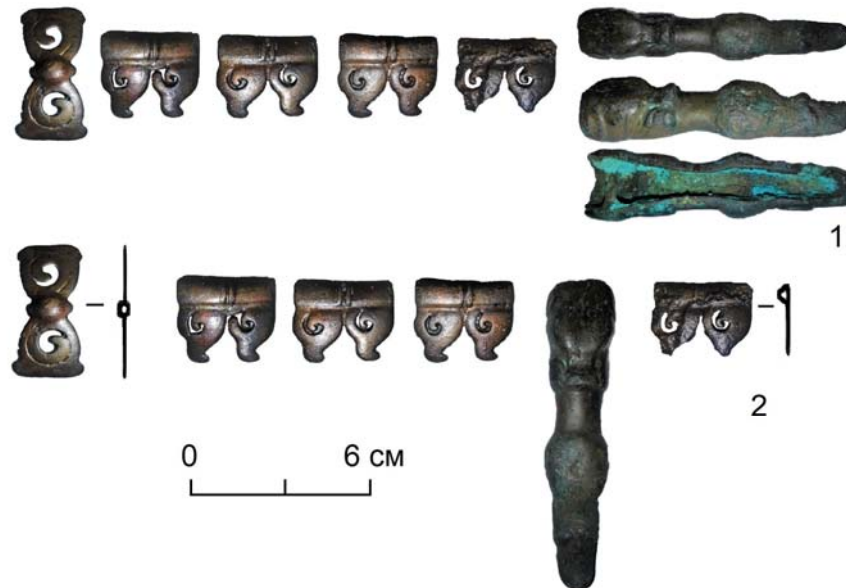

Рис. 2 (фото). Поясная подвеска костылек-кочедык с изображением медведя в ансамбле поясного набора по материалам фондов Историко-краеведческого музея АлтГПУ (Новотроицкое-1, курган 15, погребение 1): 1 – реконструкция А. Т. Сингаевского (по: [Сингаевский, 2007]); 2 – иной вариант реконструкции

Fig. 2 (photo). The belt hanger (*Kochidyk-Crutch*) with the image of a bear in the belt set from the funds of the Local History Museum at Altai State Pedagogical University (Novotroitskoe-1, mound 15, tomb 1): 1 – reconstruction by A. T. Singayevsky (by: [Singayevsky, 2007]); 2 – another reconstruction

Интерпретация А. Т. Сингаевского чрезвычайно интересна с точки зрения изучения костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, так как воссоздает новый способ застегивания пояса и объясняет некоторые культурно-дифференцирующие свойства *кочедыков* [Сингаевский, 2007]. По мнению автора, этот предмет, будучи концевой накладкой, продевался в ремennую петлю на противоположном конце тонкого кожаного пояса, застегивая его. Подобная интерпретация имеет как подтверждающие, так и опровергающие ее коннотации. С одной стороны, предполагается некоторая традиция, основанная на том, что аналогичную функцию выполняли ложечковидные подвески последующей эпохи, которые имеют с *кочедыками* ряд общих морфологических черт. С другой, в отличие от ложечковидных подвесок на *кочедыках* перемычки в ложбинке на тыльной стороне расположены не в центре изделия, а в его верхней части, что затрудняет его использование в качестве фиксатора пояса. Не менее важно и то обстоятельство, что металлических *кочедыков*, на которых основана большая часть построений автора, на территории Верхнего Приобья известно гораздо меньше, чем костяных. Металлические изделия имеют навершие в виде петли для крепления-подвешивания, что тоже не позволяет их использовать в качестве фиксатора при безузловом застегивании пояса, так как средний диаметр «ушка» *кочедыка* составляет 0,5–0,8 см, а ширина наверший колеблется от 1 см у бронзовых до 1,5–2 см у железных (в последнем случае

размеры ориентировочны, поскольку большинство изделий из железа сильно корродировано). Средняя ширина ремня, судя по нашивным бляшкам из Новотроицкого и ряда других могильников, составляла 3–4 см. Постоянное использование такой застежки разрушало основу пояса.

Практика натурной реконструкции показала, что неширокое (около 1 см) навершие *кочедыка* проскальзывает через ремennую петлю при натяжении пояса. Таким образом, не всякий костылек-кочедык мог являться застежкой ремня (рис. 3).

Кочедык как застежка

1

2

Кочедык как подвеска

3

4

Рис. 3 (фото). Реконструкция комплекса поясной фурнитуры (Новотроицкое-1, курган 15, погребение 1)

Fig. 3 (photo). Reconstruction of the belt fittings (Novotroitskoe-1, mound 15, tomb 1)

С последним заключением согласуются выводы А. Т. Сингаевского, который предположил, что *кочедыки* были застежками некоего особого дополнительного «узкого ремешка, продевавшегося в отверстия широкого и служившего для крепления различных поясных блях и других декоративных деталей пояса» [2007. С. 161]. Этот вывод гипотетически основан на близости размеров перемычек для крепления на *кочедыках* и поясных бляшках. Между тем сохранившихся поясов в памятниках Верхнего Приобья не выявлено, а способ крепления бляшек к поясу мог быть иным: возможно, они нашивались на основной пояс как объемная аппликация и без дополнительных конструктивных сложностей.

Косвенным доказательством этой гипотезы А. Т. Сингаевский вслед за В. А. Могильниковым [1997. С. 70–71] считает «исчезновение костыльков к рубежу эр в результате появления пряжек с подвижным язычком и других конструктивных инноваций, когда узкий продольный ремешок терял свое функциональное назначение» [Сингаевский, 2007. С. 161]. В целом, признавая датировку *кочедыков* в рамках широкого хронологического диапазона VI в. до н. э. – III в. н. э. (ложечковидные застежки рассматриваются как тип костыльков-кочедыков), автор

предлагает использовать их в качестве датирующего погребальные комплексы маркера; но, по сути, речь идет о датировании не по обнаруженным предметам, а по особенностям стиля их оформления². В связи с этим возникает несколько вопросов. В чем же была изначальная «функциональность» узкого ремешка? Каков механизм эволюции *кочедыка-костылька* в поясную пряжку с подвижным шпеньком? Не логичнее ли предположить, что предтечей пряжек с подвижным шпеньком были пряжки с неподвижным шпеньком, широко известные на памятниках раннего железного века Верхнего Приобья? Связан ли типогенез *кочедыков*, выявленных на памятниках Верхнего Приобья, с собственным (местным) развитием культуры использования данного компонента одежды, или же он происходил в результате инкорпорации новых групп населения в местную среду?

Еще одним дополнительным аргументом в пользу интерпретации *кочедыков* как застежек пояса, по мнению А. Т. Сингаевского, является парность их находок. Однако анализ специальной литературы, посвященной введению в научный оборот материалов археологических комплексов, показывает, что в 60 % случаев *кочедыки* обнаруживались по одному (при этом, конечно, необходимо учитывать известную фрагментарность исследованных комплексов). Обособленно обнаруженные *костыльки-кочедыки* логически ставят под вопрос их интерпретацию как ременных застежек, но практически они могли использоваться и в таком варианте (завязывание узлом).

Не менее дискуссионная тема – символическая интерпретация *костыльков-кочедыков*. Большинство исследователей описывает ее в общих словах, выделяя вероятную культовую роль в погребальном обряде как некоего амулета. А. Т. Сингаевский также отмечает: «...не исключена их фаллическая символика, что составляет характерную особенность скифского стиля в оформлении предметов воинского снаряжения» [2007. С. 164]. При этом возникает новый ряд вопросов. Могли ли быть *кочедыки* символами, отражающими некие фаллические представления или обряды? Вероятно, могли, поэтому они являются элементами набора мужских и женских поясов, попадая в погребальные комплексы, как некий символ перерождения или борьбы жизни и смерти. Но почему фаллическая символика выражена только в них? Непонятно. Были ли *кочедыки* атрибутом исключительно воинского снаряжения? Однозначно заключить не представляется возможным ввиду отсутствия точных половозрастных определений.

Наиболее спорным аспектом изучения *кочедыков* являются вопросы их историко-культурной интерпретации. Так, А. Т. Сингаевским высказано предположение об их «этнокультурной локализации» [2007. С. 167]. Этот вывод основан на том, что *кочедыки* в представительных количествах известны на памятниках большереченской культурно-исторической общности, тасмолинской, быстринской и саглынской культур. К сожалению, в рассматриваемой работе не дана дефиниция понятия «этнокультурной локализации», а если обратиться к анализу материалов синхронных и сопредельных археологических культур, то выяснится, что *кочедыки* были широко распространены не только на территории юга Западной Сибири, Минусинской котловины, Тувы, Прииртышья, и Туркестана, но выявлены в Синьцзяне и на Дальнем Востоке (на р. Зея) [Болотин, Алкин, 1996. С. 107–112; Сингаевский, 2007. С. 161–173]. Возникает вопрос: не слишком ли это широкая «локализация»? А. Т. Сингаевский резонно отмечает, что близость большереченской, быстринской и тасмолинской традиций не вызывает сомнений, но почему так много прямых аналогий с тувинскими материалами? Каковы пути взаимодействия населения Тувы и Верхнего Приобья в эпоху раннего железа? Ответов на эти вопросы автор не дает.

² Нам представляется, что определение хронологии погребальных комплексов прежде всего должно осуществляться на основе применения методов естественнонаучного датирования, сопоставленного с типологическими выкладками анализа массового материала (керамикой, элементами конского снаряжения, заколками, сережками, поясными бляшками), а не на базе единичных, зачастую индивидуально оформленных находок, которыми являются *костыльки-кочедыки*.

Ответить на них, по нашему мнению, может рассмотрение накопленного материала с позиции гипотезы поликультурности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, предложенной Д. Г. Савиновым [2002. С. 155] и поддержанной А. П. Бородовским [2016. С. 94–102; 2017. С. 229–240]. По их мнению, *кочедыки* представляются транскультурным полифункциональным элементом предметного комплекса одежды, маркирующим сложные культурогенетические процессы в Верхнеобском регионе. Разнообразие типов *кочедыков* подтверждает предположение о том, что в рамках существования предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. отмечался дискретный характер распространения инноваций (разная сырьевая основа, прямая и изогнутая форма стержня, стремечковидная и зооморфная стилизация наконечников, различное количество валиков). Дискретность проявлялась и в том, что процессы типогенеза предметного комплекса одежды населения этого региона протекали в тесном взаимодействии с носителями археологических культур сопредельных территорий. Вероятно, в результате географической и культурной (в самом широком смысле) близости населения эпохи раннего железа Центральной Азии и Верхнего Приобья в распространении типов *кочедыков* наблюдалась некоторая конвергентность, отмеченная С. С. Ивановым [2012] и истолкованная как «миграция» носителей тасмолинской культуры.

Заключение

Делая выводы по результатам рассмотрения изложенных выше вопросов, в первую очередь следует отметить, что изучение круга проблем, связанных с интерпретацией *кочедыков*, по-прежнему остается одним из актуальных и перспективных направлений археологических исследований на территории данного региона. Вероятно, дальнейшее накопление материала и его осмысление в более широком, не узко территориальном контексте, позволит установить центры распространения отдельных типов этих изделий и процессы их транскультурной инкорпорации, в том числе в среду населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Список литературы / References

- Болотин Д. П., Алкин С. В.** Уникальная находка из серии ордосских бронз в бассейне р. Зея // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 107–112.
Bolotin D. P., Alkin S. V. Unikal'naya nakhodka iz serii ordoskikh bronz v basseine r. Zeya [A Unique Find from the Ordos Bronze Series in the Zeya River Basin]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1996, no. 3, p. 107–112. (in Russ.)
- Бородовский А. П.** Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.
Borodovskii A. P. Polikul'turnost' epokhi rannego zheleza v lesostepnom Priob'e po materialam Bystrovskogo nekropol'ya [Multiculturalism during the Early Iron Age in the Forest-Steppe Ob River Region Based on the Materials of the Bystrovka Necropolis]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2016, no. 3 (13), p. 94–102. (in Russ.)
- Бородовский А. П.** Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. 2017. № 23. С. 229–240.
Borodovskii A. P. Pogrebal'noe prostranstvo v kontekste polikul'turnosti (po materialam Bystrovskogo nekropol'ya epokhi rannego zheleza na Verhnei Obi) [Burial Space in the Context of Multiculturalism (based on the materials of the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age in the Upper Ob River region)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2017, no. 23, p. 229–240. (in Russ.)
- Завитухина М. П.** Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. Вып. 3. С. 89–108.
Zavitukhina M. P. Mogil'nik vremeni rannikh kochevnikov bliz g. Biyska [A Burial Site of Early Nomads near the Town of Biysk]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Works of the State Hermitage]. Leningrad, State Ermitazh Publ., 1961, iss. 3, p. 89–108. (in Russ.)

- Иванов С. С.** «Костыльки» – элементы боевых поясов ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // IV Оразбаевские чтения. Алматы: Казахский университет, 2012. С. 170–174.
- Ivanov S. S.** «Kostyl'ki» – elementy boevykh pojasov rannikh kochevnikov Semirech'ya i Tian'-Shanya ["Crutches" as Elements of the Military Belts Worn by Early Nomads of Semirech'e and the Tien Shan]. In: IV Orazbaevskie chteniya [IV Orazbaev Readings]. Almaty, Kazhakh State Uni. Publ., 2012, p. 170–174. (in Russ.)
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л.** Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 115–135.
- Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L.** Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleika-2 [An Early Iron Age Burial Ground Staroaleika-2]. In: Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya [Funeral Ceremony of Ancient Altai Tribes]. Barnaul, AltSU Publ., 1996, p. 115–135. (in Russ.)
- Кубарев В. Д.** Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
- Kubarev V. D.** Kurgany Sailyugema [Mounds of Sailyugem]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.)
- Кунгуров А. Л., Тишкин А. А.** Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка 1 на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. 1996. С. 124–144.
- Kungurov A. L., Tishkin A. A.** Rezul'taty issledovaniya pamyatnika epokhi rannego zheleza Ust'-Ishtovka 1 na Altae [Results of Studying the Site of the Early Iron Age Ust'-Ishtovka-1 at Altai]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia], 1996, p. 124–144. (in Russ.)
- Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н.** Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.
- Molodin V. I., Borodovskii A. P., Troitskaya T. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo raiona Novosibirskoi oblasti [Archaeological Sites of the Kolyvan' District of the Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Nauka, 1996, 192 p. (in Russ.)
- Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: [б.и.], 1997. 195 с.
- Mogilnikov V. A.** Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e. [The Population of the Upper Ob River Region in the Middle – Second Half of the I Millennium BC]. Moscow, 1997, 195 p. (in Russ.)
- Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М.: Оникс. Мир и образование, 2008. 1200 с.
- Ozhegov S. I.** Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Oniks. Mir i obrazovanie Publ., 2008. 1200 p. (in Russ.)
- Полосьмак Н. В.** Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.
- Polosmak N. V.** Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the era of Early Iron]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 126 p. (in Russ.)
- Савинов Д. Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2002. 202 с.
- Savinov D. G.** Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya: arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [Early Nomads of the Upper Yenisei: Archaeological Cultures and Cultural Genesis]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2002, 202 p. (in Russ.)
- Сингаевский А. Т.** Поясные подвески VIII в. до н. э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурно-хронологический индикатор // Изв. АлтГУ. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 161–173.
- Singaevskii A. T.** Poyasnye podveski VIII v. do n. e. s territorii Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya kak kul'turno-khronologicheskii indikator [Belt Pendants of the 8th Century BC from the Territory of the Ob-Irtysh Region as a Cultural and Chronological Indicator]. *Izvestiya AltGU* [News of AltSU]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, p. 161–173. (in Russ.)
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Troitskaya T. N., Borodovskii A. P.** Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [The Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.)

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 204 с.

Umanskii A. P., Shamshin A. B., Shul'ga P. I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi [A Scythian Burial Site Rogozikha-1 on the Left Bank of the Ob River]. Barnaul, AltSU Publ., 2005, 204 p. (in Russ.)

Федорук А. С., Фролов Я. В., Папин Д. В. Погребальный обряд Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово XIV (раскопки 2010–2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 64–78.

Fedoruk A. S., Frolov Ya. V., Papin D. V. Pogrebal'nyi obryad Barnaul'skogo Priob'ya skifskogo vremeni po materialam mogil'nika Firsovo XIV (raskopki 2010–2011 gg.) [A Burial Ceremony in the Barnaul Upper Ob River Region during Scythian Times Based on the Materials of the Burial Ground Firsovo XIV (excavations in 2010–2011)]. In: Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Research Works. Gorno-Altaysk, GASU Publ., 2013, no. 5 (17), p. 64–78. (in Russ.)

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Frolov Ya. V. Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. – II v. n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) [A Funeral Rite of the Barnaul Upper Ob River Region Population in the 6th Century BC – 2nd Century AD (according to burial grounds)]. Collection of scientific papers. Barnaul, Azbuka Publ., 2008, 479 p. (in Russ.)

Шамшин А. Б., Лузин С. Ю., Изоткин С. Л. Раскопки курганов раннего железного века в окрестностях г. Барнаула // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 52–56.

Shamshin A. B., Luzin S. Yu., Izotkin S. L. Raskopki kurganov rannego zheleznogo veka v okrestnostyakh g. Barnaula [Excavations of Barrows of the Early Iron Age in the Vicinity of Barnaul]. In: Okhrana i issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya (tezisy dokladov i soobshchenii k konferentsii) [Protection and Research of Altai Archaeological Sites (abstracts and reports of the conference)]. Barnaul, AltSU Publ., 1991, p. 52–56. (in Russ.)

Шамшин А. Б., Демин М. А., Навротский П. И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992. С. 60–68.

Shamshin A. B., Demin M. A., Navrotskii P. I. Raskopki kurgannogo mogil'nika rannego zheleznogo veka Mikhailovskii VI na yuge Kulundy [Excavations of the Burial Mound of the Early Iron Age Mikhailovsky VI in the South of Kulunda]. Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla [Archaeological Issues on the Territory of Altai and Western Siberia during the Metal Age]. Barnaul, AltSU Publ., 1992, p. 60–68. (in Russ.)

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

Shulga P. I., Umanskii A. P., Mogilnikov V. A. Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, AltSU Publ., 2009, 329 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
30.09.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Головченко Николай Николаевич, ассистент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия)

Nikolay N. Golovchenko, Assistant at the Department of Local History, Altai State Pedagogical University (55 Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation)

nikolai.golowchenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1498-0367

Морфологический анализ сосудов могильника раннего железного века Быстровка-1 (Новосибирское Приобье)

Л. Н. Мыльникова^{1,2}, К. А. Борзых¹

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье показаны морфологические особенности сосудов из 11 курганов могильника Быстровка-1 (III–II вв. до н. э.). Использован комплекс методик, включающий «Программу статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга, метод вычисления общей пропорциональности форм А. А. Бобринского, метод изучения профилей Х. А. Нордстрёма. Морфологический и статистический анализ форм проведен на 49 изделиях. Выявлены ряды сосудов, относящиеся к одной морфологической традиции. Их нахождение в одной могиле, в могилах одного кургана либо в курганах, расположенных вблизи друг друга, подтверждает изготовление сосудов в определенный отрезок времени (момент функционирования «школы»). В керамическом комплексе памятника основную массу составляли изделия привычных форм, что предполагает устойчивость морфологической традиции. Присутствие «форм-подражаний» свидетельствует одновременно об ее изменении и продолжающемся внутреннем развитии либо о включении в традицию инокультурных элементов.

Ключевые слова

Новосибирское Приобье, ранний железный век, большебереченская культура, керамическая традиция, общая пропорциональность форм, программа статистической обработки форм сосудов

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы НИР XII.186.2 (проект № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»)

Для цитирования

Мыльникова Л. Н., Борзых К. А. Морфологический анализ сосудов могильника раннего железного века Быстровка-1 (Новосибирское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 100–120. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-100-120

Morphological Analysis of Vessels from the Early Iron Age Burial Ground Bystrovka-1 (Novosibirsk Region)

L. N. Mylnikova^{1,2}, K. A. Borzykh¹

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The article presents our analysis of the morphological features of vessels from Bystrovka-1 site burial mounds. T. N. Troitskaya and A. P. Borodovsky attributed the site to the Bol'sherechenskaya culture and dated the inventory as the 3rd–2nd centuries BC. We aimed at identifying the morphological tradition of the vessels.

Results. Morphological and statistical analyses of the vessels' forms were carried out on 49 ceramic vessels from 11 mounds. We used a set of methods including the «Program of statistical processing of ceramics from archaeologi-

cal excavations» by V. F. Gening, calculation of the general proportionality forms by A. A. Bobrinsky, the method of studying profiles by H. A. Nordström and the method of comparing basic proportions by A. O. Shepard. In funeral practice, no clear preference for form was stated. In our collection 25 (51 %) vessels had a neck, 24 (49 %) were without a neck, and 16 items (33 %) were round-bottomed. An «ideal» vessel for Bystrovka-1 site is a vessel of medium or low height, with a very low wide neck, weakly or very strongly profiled, with a flattened or rounded body, of varying height, with a weakly or very strongly convex shoulder and a wide bottom. These data prove the existence of certain standards in the proportions for vessels typical for a particular site. Our new data, which were not previously used in the analysis of product categories, allow us to refer the series of vessels to a single morphological tradition. The fact of finding morphologically similar vessels in one grave, in the graves of one mound, or in the mounds located in close proximity to each other confirms that the vessels were produced at a certain time interval, i.e. the time of the «school» which introduced the standards. We identified groups of vessels created or being in use at the same time in Bystrovka-1 burial ground. For example, vessels № 5, 6, 13 and 48 constitute a chain of one morphological group and were found in burrows № 1, 3, 12 and 15. These burrows are located at some distance from each other, but we determine their functioning simultaneously or during a fairly short period of time. Our results are supported by drawings of «half-skeletons» of the vessels. The graphs provided clearly show that the products of one row, when brought to a uniform height, have almost the same profile with slight deviations in the upper part. Consequently, the fact of simultaneous functioning of this group of mounds is confirmed.

Conclusion. In the ceramic complex of the Bystrovka-1 site the majority of vessels have habitual forms, which indicates a certain stability of the pottery tradition. However, there are also some imitations of forms that indicate the change and continuing internal development of the pottery tradition or the inclusion of other cultural elements. According to A. P. Borodovsky, such ceramics is an indirect indicator of transition to a sedentary nomadic culture.

Keywords

Novosibirsk Region, Early Iron Age, Bol'sherechenskaya culture, morphological tradition, general proportionality of forms, program of statistical processing of vascular forms

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program XII.186.2 (project 0329-2019-0003 "Historical and cultural processes in Siberia and in adjacent territories")

For citation

Mylnikova L. N., Borzych K. A. Morphological Analysis of Vessels from the Early Iron Age Burial Ground Bystrovka-1 (Novosibirsk Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 100–120. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-100-120

Введение

На территории Верхнего Приобья в раннем железном веке памятники большереченской культуры соседствовали с объектами переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Полосьмак, 1987; Чича – городище..., 2009; Шульга, 2013], саргатской [Полосьмак, 1987] и кулайской [Троицкая, Бородовский, 1994] культур. Принципы этого взаимодействия до сих пор только намечены. В изучении процессов межкультурных контактов всегда большое значение придавалось керамике [Бобринский, 1988; Жущиховская, 1997; 2003; Кожин, 1989; Цетлин, 2012; Arnold, 1989; Shepard, 1965]: ее морфологические признаки выступают основой типологии и классификации [Гребенщиков, Деревянко, 2001. С. 38; Gifford, 1960], а индикатором культурной принадлежности являются формы служебных частей [Shepard, 1965. P. 224–248].

На изучаемой территории в раннем железном веке в наборе посуды исследователи фиксировали широкий ассортимент изделий [Матвеева, 1993; Полосьмак, 1987]. Это относится и к большереченской культуре – выделено несколько групп сосудов, как в поселенческих, так и в погребальных комплексах [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 39]. При этом четко регистрируется сосуществование носителей традиций большереченской культуры с представителями других культур, в частности на памятниках переходного времени от бронзового к железному веку [Папин, Шамшин, 2005; Полосьмак, 1987]. Но не всегда исследователями фиксируются нюансы изменения форм, которые можно выявить путем специального анализа морфологии изделий.

Цель данной работы – выявление морфологических характеристик керамического комплекса могильника Быстровка-1, одного из ярких памятников большереченской культуры [Троицкая, Бородовский, 1994]. Это позволит при анализе планиграфии курганов и могил

некрополя фиксировать близость или различия в практике керамического производства, а также устанавливать относительные временные рамки функционирования разных частей могильника. Публикация итогов морфологического анализа сосудов отдельных памятников – шаг к масштабному изучению керамики культур, основанному на единой методике исследования, что дает возможность объективного сравнения комплексов.

Результаты исследований и обсуждение

Могильник Быстровка-1 находится на окраине с. Быстровка (Искитимский район Новосибирской области), на правом берегу Оби (рис. 1). Состоит из 21 насыпи. Т. Н. Троицкой в 1973 и 1978–1980 гг. здесь раскопано 14 курганов. Она отнесла памятник к большереченской культуре и датировала его на основе анализа инвентаря III–II вв. до н. э. [Троицкая, Бородавский, 1994. С. 18–19; Бородавский, 2002].

Рис. 1. Памятники Быстровка-1, Новый Шарап-1, 2, Милованово-2, 8 на карте Западной Сибири (1–2)

Fig. 1. Archaeological Sites Bystrovka-1, Novyi Sharap-1, 2, Milovanovo-2, 8 on the map of Western Siberia (1–2)

Т. Н. Троицкой и А. П. Бородовским предложена классификация сосудов, которые группировались по следующим характеристикам: форма, способ нанесения орнамента, основные орнаментальные мотивы. Преобладающими формами названы баночные и кувшины, значительно реже встречаются открытые миски, единичны горшки со слегка отогнутым венчиком, сосуды в виде бочонков и стаканов. По мнению исследователей, комплексы могильников отличаются от посуды с поселений. Это различие проявляется в преобладании кувшинчиков и в значительно более низком индексе орнаментированности [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 45]. Хронологические изменения в орнаментации сосудов почти не прослеживаются [Там же. С. 39], а в морфологии замечено, что доля банок на раннем этапе больше, чем на позднем [Там же. С. 45]. Выявлена также дифференциация керамических комплексов памятников Быстровка-1 и Быстровка-3. Посуда этих некрополей имеет более высокий индекс орнаментированности по сравнению с иными памятниками большереченской культуры; подчеркнут заимствованный характер орнаментальных мотивов [Там же. С. 48].

Морфологический и статистический анализ форм сосудов могильника Быстровка-1 проведен на 49 археологически целых или реконструированных (опубликованных) изделиях из одиннадцати курганов данного памятника [Там же. Табл. XXXVIII–XL]. Для этого использовались несколько методик, решающих разные задачи:

- программа статистической обработки керамики, разработанная В. Ф. Генингом [1973; 1992] и вошедшая в исследовательскую практику археологов Сибири [Папин, Шамшин, 2005; Труфанов, 1990; Молодин и др., 2014];
- методика выделения «привычных» форм и «форм-подражаний» [Бобринский, 1986; 1988; Цетлин, 2012];
- методический прием прорисовки профилей [Nordström, 1972].

В. Ф. Генинг [1973] полагал, что мера сходства и различия отдельных керамических комплексов между собой может быть выражена в конкретных величинах. Просчет соотношений между различными частями сосудов, выраженный в математических показателях, дает возможность получить объективные данные для сравнительного анализа и содержит основные исходные принципы первичного учета признаков, характеризующих керамику. Выделив на теле сосуда пять частей, В. Ф. Генинг предложил описывать их с помощью восьми параметров, представляющих собой абсолютные размеры отдельных деталей изделий. Суммарная характеристика абсолютных размеров выражается в среднеарифметической величине, дополненной вариационным размахом и среднеквадратическим отклонением. Результатом вычислений соотношения параметров являются относительные величины – указатели форм (ФА – ФД), позволяющие получить представление о форме сосуда. Их числовые обозначения разделены на пять категорий размеров: очень малый (1) – малый (2) – средний (3) – большой (4) – очень большой (5) [Генинг, 1973].

Каждый сосуд памятника Быстровка-1 получил номер, который определялся очередностью его обработки (табл. 1). В коллекции представлено 25 сосудов с горловиной (51 %), 24 – без нее (49 %) (рис. 2–4). В соответствии с числовым значением указателя (ФА – ФИ) и категории (1–5), номер сосуда (см. табл. 1) заносился в таблицы (табл. 2–10).

По высотному указателю (ФА) выделены категории изделий: 35 % – низкие (см. рис. 2), 51 % – средней высоты (см. рис. 3), 12 % – высокие (см. рис. 4, 12, 28, 26, 23, 20, 21) и 2 % – очень высокие (см. рис. 4, 19) (см. табл. 2).

По высотно-горловинному указателю (ФБ) (для сосудов с горловиной) 92 % изделий отнесены к категории очень низкогогорлых и 8 % – низкогогорлых (см. табл. 3).

По широтно-горловинному указателю (ФВ) сосуды распределяются по категориям следующим образом: 65 % – широкогорлые, 31 % – среднеширокогорлые, и по 2 % – очень широкогорлых и узкогогорлых (см. табл. 4).

По профилировке шейки (ФГ) в коллекции представлены категории изделий, имеющих профилировку с наклоном внутрь, – 44 %, и очень сильно профилированные сосуды – 56 % (см. табл. 5).

Таблица 1

Номера, месторасположение и параметры сосудов могильника Быстровка-1

Table 1

Numbers, location and parameters of vessels of the Bystrovka-1 burial ground

№ сосуда	Курган / могила	d_B	d_r	d_d	d_t	H	h_r	$h_{пл}$	$h_{пр}$
1	11 / 1	8	—	5	9	7	—	2	5
2	3 / 8	9,5	—	5,5	10	8	—	2	6
3	3 / 9	10,5	—	9	15,5	13,5	—	4,5	9
4	3 / 5	11	—	6	10,5	7,5	—	2	5,5
5	12 / 2	8,5	—	4,5	10	7,5	—	2,5	5
6	3 / 2	15	—	10,5	16,5	11,5	—	4,5	7
7	12 / 8	13	—	5,5	14	11	—	2,5	8,5
8	7 / 4	15	—	9	17	15,5	—	4,5	11
9	11 / 5	10	—	5	11	8,5	—	2,5	6
10	7 / 2	14	—	7	14,5	10,5	—	2,5	8
11	8 / 4	14	—	9	14,5	9,5	—	2,5	7
12	15 / 2	14,5	14,5	10	18,5	22,5	1	9,5	11
13	15 / 2	9,5	—	6	10	7	—	3	4
14	3 / 5	4	—	2,5	4,5	4	—	1	3
15	7 / 7	11	—	7	12,5	11,5	—	3,5	8
16	3 / насыпь	5	—	3	5,5	5	—	1	4
17	9 / 2	14	—	8	14,5	13	—	3,5	9,5
18	15 / 3	18	—	12	24	19	—	8	11
19	4 / 1	12,5	10	—	17	30	7	16,5	6,5
20	3 / 5	11,5	10	—	16,5	22	5	12,5	4,5
21	3 / 7	10,5	9	—	17	25,5	6,5	11,5	7,5
22	3 / 6	13	10,5	—	19,5	23	4,5	11	7,5
23	15 / 2	6,5	7	—	11	13,5	2,5	6	5
24	11 / 1	6	7	—	11	10	1,5	3,5	5
25	7 / 1	6	6,5	—	10,5	11	2	5,5	3,5
26	3 / 1	5	4,5	—	7,5	11,5	1	6,5	4
27	7 / 1	5,5	5,5	4	9	8	0,5	3,5	4
28	12 / 1	6	5,5	4,5	7	8,5	1	4	3,5
29	9 / 2	9	9	4,5	11	9	1	3	5
30	12 / 8	6,5	7	4,5	10	8	1	3,5	3,5
31	8 / 2	9,5	9	8	13	11	1	5	5
32	2 / 1	12	12	13	25	28	3	13	12
33	8 / 1	4,5	4,5	—	8,5	9	1	4	4
34	7 / 7	5,5	5,5	—	7,5	7	1	3,5	2,5
35	7 / 1	5,5	5	—	8,5	9	1	5	3

Окончание табл. 1

№ сосуда	Курган / могила	d_b	d_r	d_d	d_t	H	h_r	$h_{пл}$	$h_{пр}$
36	11 / 2	5,5	5,5	—	8	7	1	3,5	2,5
37	3 / насыпь	8	—	—	8	4	—	—	4
38	7 / 6	10	—	5,5	11,5	9	—	3,5	5,5
39	3 / 7	8	—	4	9	6	—	2	4
40	4 / насыпь	8	—	4,5	8	7	—	—	7
41	12 / 4	6	5,5	4,5	9,5	7,5	1	2,5	4
42	3 / 2	6	—	—	11	16	—	11	5
43	3 / 11	10,5	—	3	12,5	11	—	4,5	6,5
44	12 / 9	7,5	7	—	12,5	14,5	1	8	5,5
45	7 / 5	8	8	7	14	12	1	6	5
46	4 / 5	9	8,5	—	10,5	12,5	1	7	4,5
47	1 / 1	8,5	8	8,5	15	16,5	2	8	6,5
48	1 / 1	6,5	—	4,5	7,5	5	—	2	3
49	1 / 1	7	7	6,5	12	13	1	7,5	4,5

Примечание: d_b – диаметр по венчику сосуда; d_r – диаметр горловины; d_d – диаметр дна; d_t – максимальный диаметр тулова; H – высота сосуда; h_r – высота горловины; $h_{пл}$ – высота плечика; $h_{пр}$ – высота придонной части сосуда.

Note: d_b – the diameter of the rim of the vessel; d_r – the diameter of the neck; d_d – the diameter of the bottom; d_t – the maximum diameter of the body; H – the height of the vessel; h_r – the height of the neck; $h_{пл}$ – the height of the shoulder of the vessel; $h_{пр}$ – the height of the bottom portion of the vessel

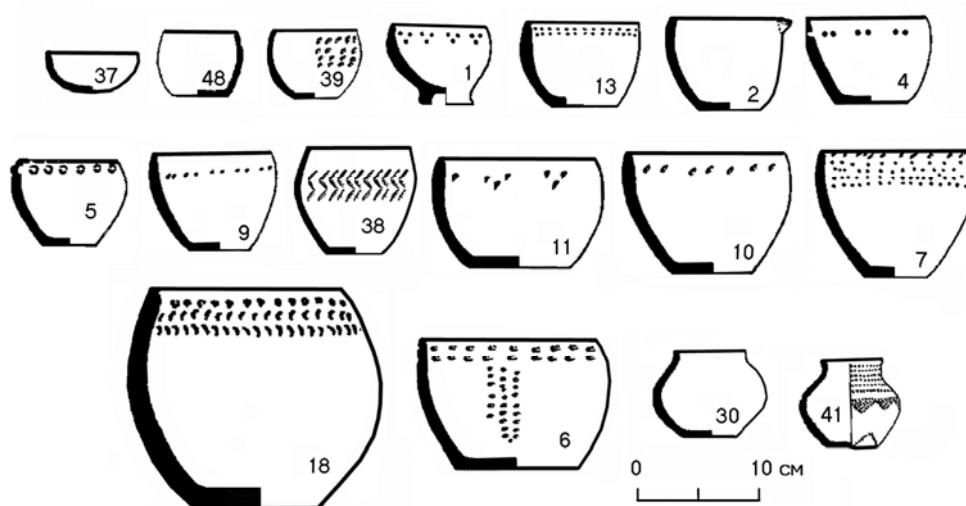

Рис. 2. Керамические сосуды могильника Быстровка-1, относящиеся к категории «низкие» (подготовлено по: [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XXXVIII, 1–11, 13, 15, 17; XXXIX, 24; XL, 1–4]) (здесь и далее индивидуальный номер сосуда расположен внутри его изображения; соотношение номера сосуда и его месторасположения на памятнике см. в табл. 1)

Fig. 2. Ceramic vessels of the category «low» from the burial ground Bystrovka-1 (prepared by: [Troitskaya, Borodovsky, 1994. Table. XXXVIII, 1–11, 13, 15, 17; XXXIX, 24; XL, 1–4]) (here and after, the individual number of the vessel is located inside its image; for the relation between the number of the vessel and its location on the site, see table 1)

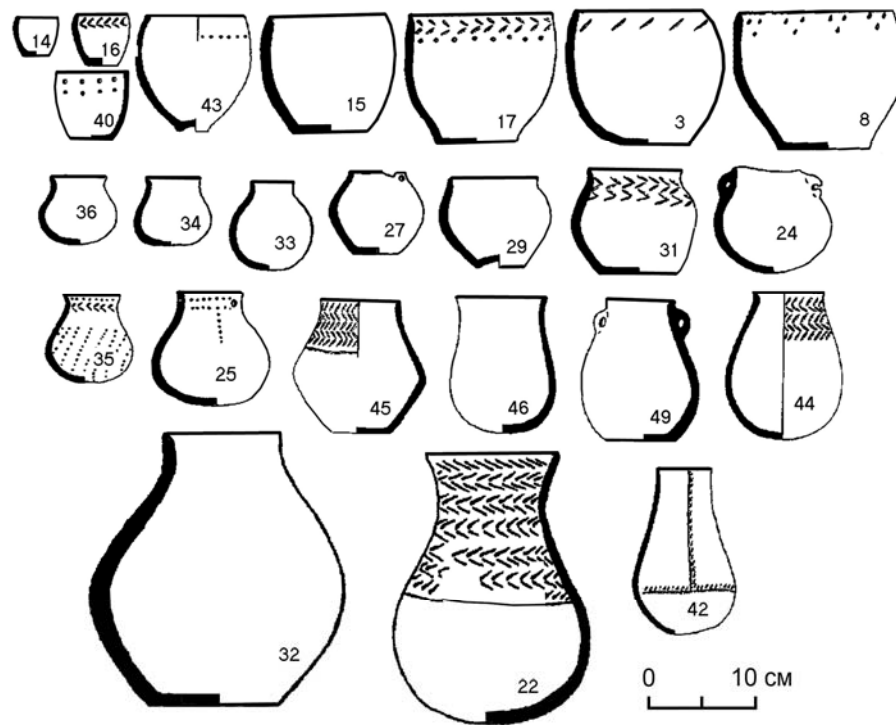

Рис. 3. Керамические сосуды могильника Быстровка-1 категории «средние»
(подготовлено по: [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XXXVIII, 14, 16, 18;
XXXIX, 4, 5, 7, 8, 11, 13–16, 19–23; XL, 5, 6, 8, 9, 10, 12])

Fig. 3. Ceramic vessels of the category «average» from the burial ground Bystrovka-1
(prepared by: [Troitskaya, Borodovsky, 1994, table XXXVIII, 14, 16, 18;
XXXIX, 4, 5, 7, 8, 11, 13–16, 19–23; XL, 5, 6, 8, 9, 10, 12])

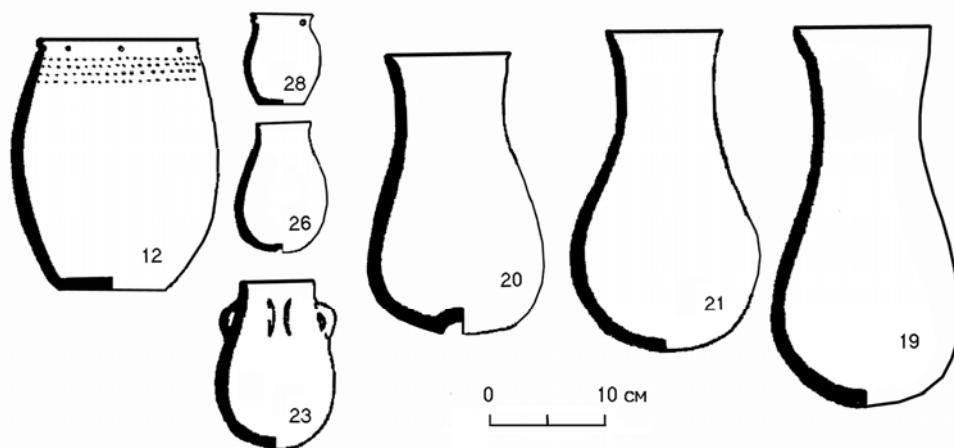

Рис. 4. Керамические сосуды категории «высокие» и «очень высокие» из могильника Быстровка-1 (№ 19)
(подготовлено по: [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XXXVIII, 12; XXXIX, 1, 2, 6, 10, 12])

Fig. 4. Ceramic vessels of the category «high» and «very high» (№ 19) from the burial ground Bystrovka-1
(prepared by: [Troitskaya, Borodovsky, 1994, table XXXVIII, 12; XXXIX, 1, 2, 6, 10, 12])

Таблица 2

Распределение сосудов по категориям высотного указателя ФА^{*}, их количество (шт.) и доля (%)

Table 2

Distribution of vessels of the Bystrovka-1 burial ground on categories of the high-rise index ФА^{*}, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория высотного указателя ФА			
	Очень низкие: до 0,4	Низкие: 0,41–0,8	Средние: 0,81–1,2	Высокие: 1,21–1,6
№ сосуда		1^{**}; 2; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 18; 38; 39; 48; 30; 41; 37	3; 8; 14; 15; 16; 17; 43; 40; 27; 29; 31; 32; 45; 47; 49; 22; 24; 25; 33; 34; 35; 36; 44; 46; 42	12; 28; 20; 21; 23; 26
Количество, шт. / доля, %	–	17 / 35	25 / 51	6 / 12
				Очень высокие: более 1,6 19

* ФА = $H / d_{\text{г}}$.

** Здесь и далее жирным шрифтом обозначены номера сосудов без горловины; курсивом выделены номера сосудов с горловиной (Here in after: the numbers in bold are the numbers of the vessels without the throat; italicized vessel numbers with a throat).

Таблица 3

Распределение сосудов по категориям высотного-горловинного указателя ФБ^{*}, их количество (шт.) и доля (%)

Table 3

Distribution of vessels of the Bystrovka-1 burial ground by categories of the high-altitude and throat index ФБ^{*}, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория высотного-горловинного указателя ФБ			
	Очень низкогогорлые: до 0,5	Низкогогорлые: 0,51–1,5	Среднегорлые: 1,51–3	Высокогогорлые: 3,01–5
№ сосуда	12; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 41; 45; 47; 49; 20; 22; 23; 24; 25; 26; 33; 34; 35; 36; 44; 46	19; 21	–	–
Количество, шт. / доля, %	23 / 92	2 / 8	–	–

* ФБ = $h_{\text{г}} / d_{\text{г}}$.

Таблица 4

Распределение сосудов по категориям широтно-горловинного указателя ФВ^{*}, их количество (шт.) и доля (%)

Table 4

Distribution of vessels of the Bystrovka-1 burial ground by categories of latitudinal index ФВ^{*}, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория широтно-горловинного указателя ФВ				
	Очень узкогорлые: до 0,32	Узкогорлые: 0,33–0,5	Среднеширокие горловины: 0,51–0,65	Широкогорлые: 0,66–1	Очень широкогорлые: свыше 1
№ сосуда	–	32	27; 30; 41; 45; 47; 49; 20; 21; 23; 24; 25; 33; 35; 44; 42	1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 38; 39; 43; 48; 40; 12; 28; 29; 31; 19; 22; 26; 34; 36; 46; 37	4
Количество, шт. / доля, %	–	1 / 2	15 / 31	32 / 65	1 / 2

^{*} ФВ = $(d_b + d_r) / 2 * d_r$.

Таблица 5

Распределение сосудов по категориям указателя профилировки горловины ФГ^{*}, их количество (шт.) и доля (%)

Table 5

Distribution of vessels of the Bystrovka-1 burial ground by the index profile of neck categories ФГ^{*}, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория указателя профилировки горловины ФГ				
	С наклоном внутрь: до 0	Слабо профилиро- ванная: 0,01–0,26	Средне профилиро- ванная: 0,27–0,57	Сильно профилиро- ванная: 0,58–1	Очень сильно про- филированная: свыше 1,01
№ сосуда	12; 27; 29; 30; 32; 45; 49; 23; 33; 34; 36	–	–	–	28; 31; 41; 47; 19; 20; 21; 22; 24; 25; 26; 35; 44; 46
Количество, шт. / доля, %	11 / 44	–	–	–	14 / 56

^{*} ФГ = $5 * (d_b - d_r) / h_r$.

Таблица 6

Распределение сосудов по категориям указателя высотности тулова $\Phi Д^*$, их количество (шт.) и доля (%)

Table 6

Distribution of vessels by the high-rise index of body categories $\Phi Д^*$, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория указателя высотности тулова $\Phi Д$				
	Сильно приплюснутое туловище: до 0,5	Приплюснутое: 0,5–0,85	Округлое: 0,86–1,15	Вытянутое 1,16–1,5	Сильно вытянутое: свыше 1,51
№ сосуда	–	1; 2; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 18; 38; 39; 48; 27; 29; 30; 31; 41; 45; 24; 34; 36	3; 8; 14; 15; 16; 17; 43; 12; 28; 32; 47; 49; 20; 21; 22; 23; 25; 33; 35; 44; 46	19; 26; 42	–
Количество, шт. / доля, %	–	23 / 49	21 / 45	3 / 6	–

$$* \Phi Д = (h_{\text{шт}} + h_{\text{пр}}) / d_{\text{г}}$$

Таблица 7

Распределение сосудов по категориям указателя высоты плечика $\Phi Е^*$, их количество (шт.) и доля (%)

Table 7

Distribution of vessels by shoulder altitude indicator $\Phi Е^*$, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория указателя высотности плечика $\Phi Е$				
	Очень низкое плечико: свыше 2	Низкое: 1,01–2	Среднее: 0,51–1	Высокое: 0,26–0,5	Очень высокое: до 0,26
№ сосуда	1; 19; 20; 42	28; 32; 45; 47; 49; 21; 22; 23; 25; 26; 34; 35; 36; 44; 46	6; 13; 18; 38; 43; 48; 12; 27; 29; 30; 31; 41; 24; 33	1; 2; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 14; 15; 17; 39	16
Количество, шт. / доля, %	4 / 8,3	15 / 31,3	14 / 29,2	14 / 29,2	1 / 2

$$* \Phi Е = h_{\text{пл}} / h_{\text{пр}}$$

Таблица 8

Распределение сосудов по категориям указателя выпуклости плечика ФЖ*, их количество (шт.) и доля (%)

Table 8

Distribution of vessels by categories of the index of shoulder bulge ФЖ*, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория указателя выпуклости плечика ФЖ				
	Очень слабо выпуклое: до 0,25	Слабо выпуклое: 0,26–0,57	Средне выпуклое: 0,58–1	Сильно выпуклое: 1,01–1,5	Очень сильно выпуклое: свыше 1,51
№ сосуда	–	12; 19; 28; 31; 32; 47; 49; 42	3; 6; 8; 13; 14; 15; 17; 18; 38; 48; 27; 30; 41; 45; 20; 21; 22; 23; 25; 26; 35; 44; 46	2; 4; 5; 9; 10; 11; 16; 33; 39; 43; 29; 36	1; 7
Количество, шт. / доля, %	–	8 / 18	23 / 51	12 / 27	2 / 4

* ФЖ = $(d_r - d_n) / 2 * h_{пл}$.

Таблица 9

Распределение сосудов по категориям указателя ширины дна ФИ*, их количество (шт.) и доля (%)

Table 9

Distribution of vessels by categories of the pointer of bottom width ФИ*, their number (p.) and share (%)

Сосуды	Категория указателя ширины дна ФИ			
	Очень узкодонные: свыше 1,5	Узкодонные: 1,01–1,5	Среднедонные: 0,57–1	Широкодонные: 0,25–0,56
№ сосуда	–	–	39; 43; 27; 29; 30; 41; 45; 49	1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 38; 48; 40; 12; 28; 31; 32; 47
Количество, шт. / доля, %	–	–	8 / 24	25 / 76
				Очень широко- донные: до 0,25

* ФИ = $(d_r - d_n) / 2 * h_{нр}$.

Таблица 10

Распределение сосудов по указателям и категориям форм

Table 10

Distribution of vessels from the Bystrovka-1 burial ground by signs and categories of forms

№ сосуда	Указатели и категории форм							
	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
1	0,78	0,00	0,89	–	0,78	0,40	2,25	0,40
2	0,80	0,00	1,00	–	0,80	0,33	2,50	0,33
4	0,73	0,00	1,00	–	0,73	0,33	2,75	0,42
10	0,73	0,00	0,93	–	0,73	0,38	2,50	0,50
11	0,67	0,00	0,93	–	0,67	0,43	2,50	0,43
14	0,80	0,00	0,80	–	0,80	0,33	2,50	0,33
5	0,80	0,00	0,90	–	0,80	0,60	1,67	0,50
6	0,71	0,00	0,88	–	0,71	0,71	1,70	0,43
13	0,70	0,00	1,00	–	0,70	0,75	1,67	0,50
48	0,63	0,00	0,88	–	0,63	0,67	2,00	0,50
8	0,94	0,00	0,88	–	0,94	0,45	1,70	0,36
15	0,92	0,00	0,85	–	0,92	0,50	1,63	0,38
17	0,87	0,00	0,93	–	0,93	0,40	1,88	0,35
18	0,79	0,00	0,75	–	0,79	0,73	1,50	0,55
38	0,75	0,00	0,83	–	0,83	0,67	1,50	0,50
34	0,88	1,67	0,75	0,00	0,88	1,33	0,25	1,33
36	0,88	1,67	0,75	0,00	0,88	1,33	0,25	1,33
3	0,88	0,00	0,69	–	0,88	0,56	1,60	0,39
7	0,79	0,00	0,93	–	0,86	0,33	2,33	0,44
9	0,82	0,00	0,91	–	0,82	0,50	1,83	0,50
2	1,21	0,67	0,79	0,00	1,11	0,91	0,20	0,41
16	0,83	0,00	0,83	–	0,83	0,25	3,00	0,38
19	1,76	5,38	0,76	0,21	1,41	2,43	0,21	1,21
20	1,29	4,17	0,71	0,20	1,06	2,60	0,27	1,70
21	1,53	5,91	0,65	0,15	1,18	1,50	0,33	1,06
22	1,15	3,46	0,65	0,22	0,95	1,38	0,41	1,25
23	1,27	3,57	0,64	0,00	1,00	1,20	0,33	1,10
24	0,91	2,50	0,55	0,33	0,82	0,80	0,50	1,10
25	1,00	3,33	0,55	0,25	0,91	1,50	0,33	1,38
26	1,50	2,00	0,63	0,00	1,38	1,75	0,21	1,00
27	0,89	0,83	0,67	0,00	0,89	1,00	0,38	0,63
28	1,29	1,67	0,86	0,00	1,14	1,00	0,13	0,25
29	0,82	1,11	0,82	0,00	0,73	0,60	0,33	0,60
30	0,80	1,43	0,70	0,00	0,80	1,00	0,38	0,63
31	0,85	1,00	0,77	0,50	0,77	1,00	0,40	0,50
32	1,12	2,50	0,48	0,00	1,00	1,08	0,50	0,50
33	1,00	2,00	0,56	0,00	0,89	1,00	0,50	1,13
35	1,00	1,67	0,67	0,50	0,89	1,67	0,40	1,50
37	0,50	0,00	1,00	–	0,50	0,00	–	1,00
39	0,67	0,00	0,89	–	0,67	0,50	2,25	0,63

Окончание табл. 10

№ сосуда	Указатели и категории форм							
	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
40	0,88	0,00	1,00	–	0,88	0,00	–	0,21
41	0,80	1,67	0,60	0,00	0,70	0,75	0,67	0,63
42	1,45	0,00	0,55	–	1,45	2,20	0,50	1,10
43	0,85	0,00	0,85	–	0,92	0,71	1,30	0,71
44	1,15	1,25	0,62	0,50	1,08	1,33	0,38	1,08
45	0,86	1,25	0,57	0,00	0,79	1,20	0,50	0,70
46	1,18	1,11	0,82	0,00	1,09	1,40	0,14	1,10
47	1,13	2,22	0,60	0,25	0,87	1,60	0,44	0,60
49	1,08	1,43	0,58	0,00	1,08	1,60	0,31	0,50

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

Примечание: 1 – очень маленький; 2 – маленький; 3 – средний; 4 – большой; 5 – очень большой. Соотношение № сосуда и его местонахождения см. в табл. 1

Note: 1 – very small; 2 – small; 3 – medium; 4 – large; 5 – very large. The ratio of the vessel number and its location see in table 1

По указателю ФД, фиксирующему высоту и форму тулова, изделия разделены по категориям приплюснутых – 49 %, с округлым туловом – 45 % и вытянутых – 6 % (см. табл. 6).

Низкие плечики имеют 30 % сосудов памятника, по 29 % изделий зафиксировано со средними и с высокими, по 6 % – с очень низкими и очень высокими плечиками (см. табл. 7). По указателю выпуклости плечика присутствуют сосуды почти всех категорий: слабовыпуклые составляют 18 %, средне выпуклые – 51 %, сильно выпуклые – 27 %, очень сильно выпуклые – 4 % (см. табл. 8).

Круглодонные изделия составляют 32,6 % (16 ед.). Основная масса плоскодонных сосудов имеет широкое дно – 76 %, вторая часть сосудов – среднедонные (24 %).

Полученные результаты позволяют проводить описание и сравнение сосудов коллекции памятника не только на основе указателей форм. Выделяются ряды-группы сосудов, сходных по разному количеству указателей (см. табл. 10). Подобная работа ранее была проведена по материалам коллекции сосудов андроновской культуры могильника Еловка-2 [Мыльникова, Селин, 2015]

Более всего важны изделия, сходные между собой по всем указателям (рис. 5). Зафиксировано 6 морфологических рядов, т. е. шесть групп изделий, имеющих разную форму. Два из них включают по пять сосудов, один – три, три – по два изделия (указаны номера сосудов, а в скобках – контекст их нахождения) (см. табл. 1); сосуды в рядах для наглядности расположены в порядке ранжирования по абсолютным размерам, а не по порядку нумерации:

1) 2 (кург. № 3, мог. 8) + 5 (кург. № 12, мог. 2) + 9 (кург. № 11, мог. 5) + 10 (кург. № 7, мог. 40) + 11 (кург. № 8, мог. 4);

2) 3 (кург. № 3, мог. 9) + 8 (кург. № 7, мог. 4) + 14 (кург. № 3, мог. 5) + 15 (кург. № 7, мог. 7) + 17 (кург. № 9, мог. 2);

3) 6 (кург. № 3, мог. 2) + 13 (кург. № 15, мог. 2) + 48 (кург. № 1, мог. 1);

4) 1 (кург. № 11, мог. 1) + 7 (кург. № 12, мог. 8);

5) 18 (кург. № 15, мог. 3) + 38 (кург. № 7, мог. 6);

6) 35 (кург. № 7, мог. 1) + 44 (кург. № 12, мог. 9).

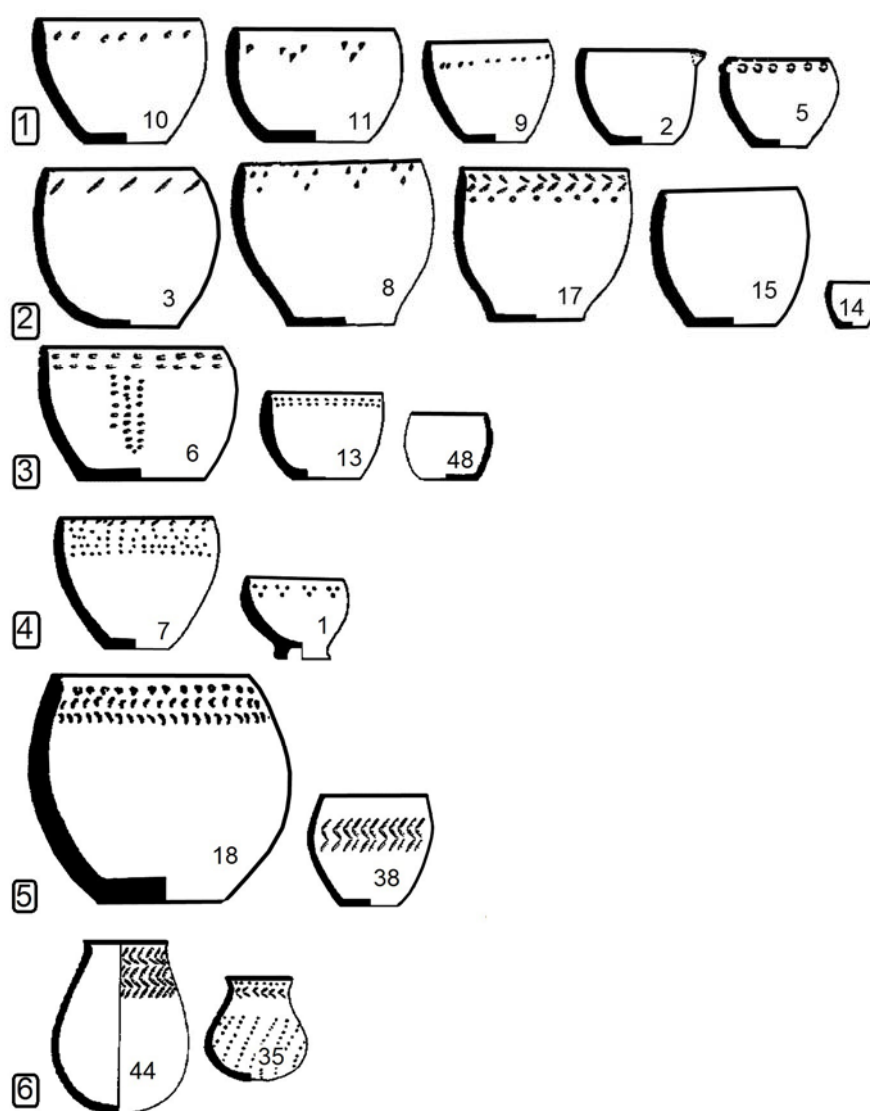

Рис. 5. Морфологические ряды керамических сосудов, подобных по всем указателям (1–5), выделенные в коллекции керамики могильника Быстровка-1 (без масштаба)

Fig. 5. Morphological series of ceramic vessels similar in all directions (1–5) in the collection of ceramics of the Bystrovka-1 burial ground (without scale)

Наличие таких рядов позволяет предполагать, что это группы сосудов, выполненных в рамках одного динамического стереотипа [Бобринский, 1986; 1999; Волкова, 1998; 2010; Мыльникова, Селин, 2015; Цетлин, 2012]. Эти изделия могли быть продуктом одного мастера или представителей одной «школы». По числу выделенных рядов-групп можно говорить минимум о шести гончарах, производящих сосуды в один и тот же отрезок времени (не учитывая еще 28 сосудов, отличающихся друг от друга), точнее, минимум о шести морфологических традициях изготовления изделий. Каждая из групп связана с другими (например, 1-я связана со 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й группами) нахождением морфологически разных сосудов в могилах одного кургана либо в курганах, размещенных в разной удаленности друг от друга (рис. 6). Этот факт также подтверждает изготовление сосудов в определенный отрезок времени (времени функционирования «школы»). Можно «увидеть» курганы, созданные либо

функционирующие в один и тот же период: например, сосуды 6, 13 и 48 из ряда 3 обнаружены в курганах № 3, 12 и 15 соответственно. Данные курганы расположены на некотором удалении друг от друга, но при этом мы можем говорить об их одновременности, основываясь на анализе керамической коллекции всего памятника.

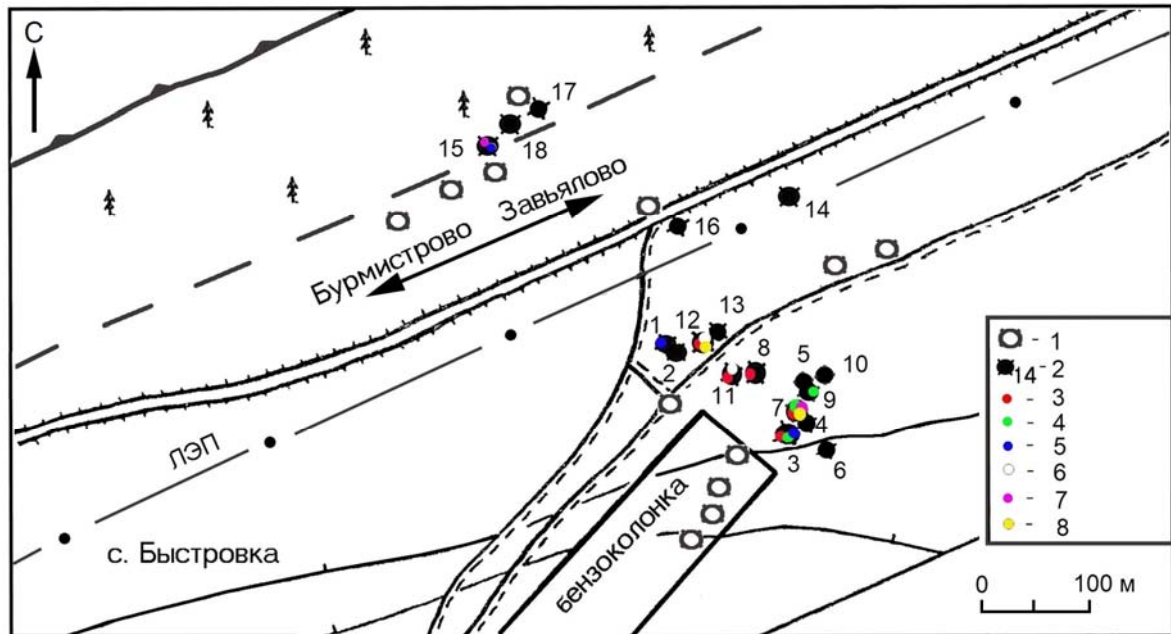

Рис. 6. Схема расположения курганов на могильнике Быстровка-1
(подготовлено по: [Бородавский, 2002. Рис. 50]):

1 – неисследованные курганы; 2 – раскопанный курган и его номер; 3 – местонахождение сосудов 1-го ряда; 4 – местонахождение сосудов 2-го ряда; 5 – местонахождение сосудов 3-го ряда; 6 – местонахождение сосудов 4-го ряда; 7 – местонахождение сосудов 5-го ряда; 8 – местонахождение сосудов 6-го ряда

Fig. 6. The layout of the mounds on the Bystrovka-1 burial ground
(prepared by: [Borodovsky, 2002, fig. 50]):

1 – unexplored burial mound; 2 – excavated burial mound and its number; 3 – location of vessels of the first range; 4 – location of vessels of the second range; 5 – location of vessels of the third range; 6 – location of vessels of the fourth range; 7 – location of vessels of the fifth range; 8 – location of vessels of the sixth range

Отметим курган № 3, где присутствуют две могилы (9 и 5), и курган № 7 (могилы 4 и 7). В них найдены сосуды одного ряда (2) разных размеров, но с аналогичным соотношением параметров. Можно предположить, что в могилах 9 и 5 кургана № 3 захоронены родственники, как и в могилах 4 и 7 кургана № 7.

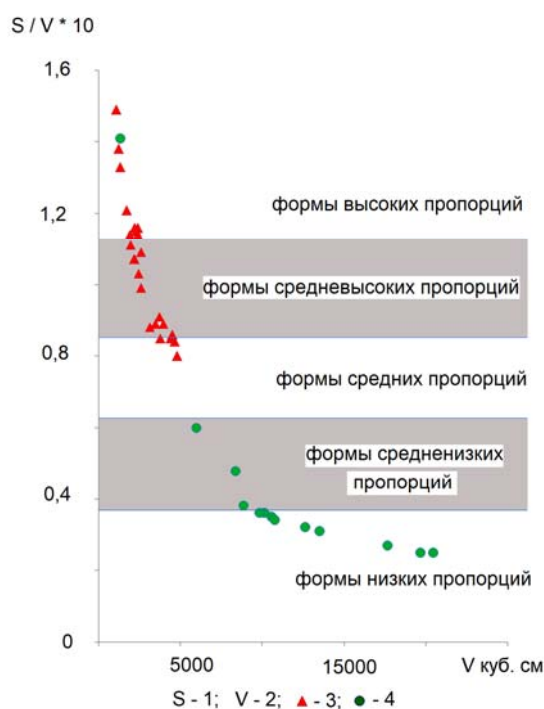
Интересна могила 1 из кургана № 7, где находились сосуд из группы 6 (номер 35) и еще два изделия (номера 25 и 27), не вошедшие в какой-либо ряд, т. е. изготовленные разными мастерами. Это означает, что гончары, сделавшие данные сосуды, работали в одно и то же время. То же самое можно сказать об изделиях номер 15 (ряд 2) и 34 (без ряда), находившихся в могиле 7 кургана № 7. Если предполагать близость по времени совершения захоронений под одной курганной группой, то этим сосудам по времени изготовления могут быть близки номера 8 (курган № 7, могила 4), 10 (курган № 7, могила 2). Сосуд номер 15 (курган № 7, могила 7) относится к ряду 2, где с ним вместе находится уже отмеченная посуда из курганов № 3 (могилы 5 и 9), № 9 (могила 2) и № 7 (могилы 4 и 7). Это значит, что погребения и курганы, где располагались эти изделия, также имели близкое время создания. Курган № 7 (см.

рис. 6) в плане анализа данного вопроса вообще уникальн. В его могилах обнаружены сосуды различных рядов-групп: могилы 8 и 4 из 1-й группы, могилы 4 и 7 из 2-й, могила 6 из 5-й, могила 1 из 6-й. Таким образом, можно отметить, что в могилы одного кургана и даже в одну могилу могли ставить изделия разных мастеров.

Метод выделения классов форм по общей пропорциональности изделий опирается на положение, что у каждого профессионального гончара складывается жесткий стереотип воспроизведения именно той формы сосуда, которую он привык делать. Значит, изготовление новой формы представляет собой процесс внесения изменений в традиционную систему распределения физических усилий. В итоге в первую очередь происходят изменения в навыках воспроизведения общей пропорциональности посуды [Цетлин, 2012 С. 160–164]. Результаты исследования коллекции памятника Быстровка-1, демонстрируемые в виде диаграммы (рис. 7), указывают на преобладание привычных форм. Изделия баночной формы все выполнены в рамках одной традиции. Среди сосудов с горловиной имеются формы-подражания, что говорит о процессах развития гончарной традиции, которые могут быть обусловлены как внутренними причинами, так и внешним влиянием.

Рис. 7. График общей пропорциональности форм керамических сосудов могильника Быстровка-1: 1 – площадь сосуда; 2 – объем сосуда; 3 – сосуды с горловиной; 4 – сосуды без горловины

Fig. 7. Graph of the general proportionality of the forms of ceramic vessels in the Bystrovka-1 burial ground: 1 – vessel area; 2 – vessel volume; 3 – vessels with neck; 4 – vessels without neck

Показательна корреляция изделий могильника Быстровка-1 с коллекциями из иных памятников большереченской культуры в Новосибирском Приобье – Новый Шарап-1, -2, Милованово-1, -8 [Троицкая, Бородовский, 1994]. По своим характеристикам и линии традиции формообразования (рис. 8) коллекция Быстровки-1 занимает особое место: только для нее характерно наличие форм низких пропорций, а линия традиции формообразования отделена от других. Четко отделяется также коллекция памятника Новый Шарап-1, особая по своим размерам (изделия высоких и, частично, средневысоких пропорций) и линии традиции. Другие коллекции, участвующие в корреляционном анализе, занимают промежуточное положение между ними. С учетом того, что исследователи считали памятник Новый Шарап-1 ранним среди других (V–IV вв. до н. э.) [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 15], а Быстровку-1 –

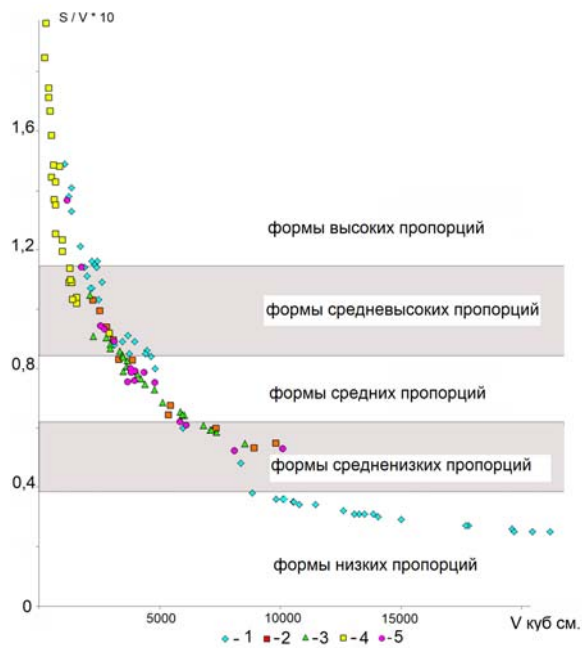

Рис. 8. Сводный график общей пропорциональности форм керамических сосудов из синхронных памятников: 1 – Быстровка-1; 2 – Милованово-2; 3 – Милованово-8; 4 – Новый Шарап-1; 5 – Новый Шарап-2

Fig. 8. Summary graph of the general proportionality of the forms of ceramic vessels from synchronous archaeological objects: 1 – Bystrovka-1; 2 – Milovanovo-2; 3 – Milovanovo-8; 4 – Novyi Sharap-1; 5 – Novyi Sharap-2

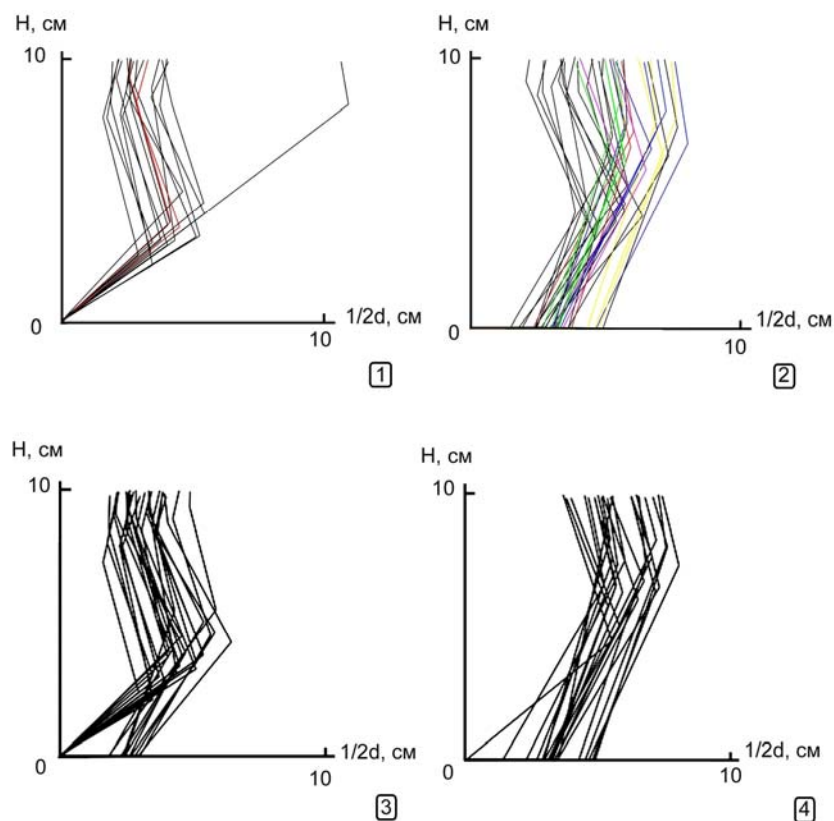

Рис. 9. «Полупрофили» круглодонных (1) и плоскодонных (2) сосудов (цветом выделены сосуды из одного ряда), сосудов с горловиной (3) и без горловины (4) могильника Быстровка-1, выполненные при высоте сосуда 10 см с сохранением пропорций

Fig. 9. «Half-profiles» of round-bottomed (1) and flat-bottomed (2) ceramic vessels (vessels from one row are highlighted in color), vessels with a neck (3) and without a neck (4) made at a vessel height of 10 cm with preservation of proportions of the Bystrovka-1 burial ground

поздним (III–II вв. до н. э.) [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 18], очевидно, различия в традициях пропорциональности изделий объясняются хронологическими причинами и влиянием носителей других культур. Вопрос различия линий формообразования на графике требует дальнейшего анализа, прежде всего – технологии изготовления сосудов.

Полученные выводы для коллекции из памятника Быстровка-1 дублируются и прорисовками «полускелетов» сосудов: на графиках четко видно, что изделия одной «цепочки» (при приведении сосудов к единой высоте с сохранением параметров) имеют практически одинаковый профиль (рис. 9).

Заключение

Таким образом, для керамического комплекса памятника Быстровка-1 типичный «портрет» сосуда большереченской культуры демонстрируют изделия низкой и средней высоты, с приплюснутым или округлым туловом, с сильно профилированной различной высоты горловиной, средне выпуклым не регламентируемой высоты плечиком, с широким плоским и округлым дном. Различия в пропорциях проявляются в профилировке и высоте горловины, а также в высоте плечика.

Выделены группы сосудов, сходных между собой по разному количеству указателей. Анализ изделий, подобных по всем параметрам, позволяет предполагать, что это группы сосудов, изготовленные в рамках одного динамического стереотипа. Они могли быть продуктом одного мастера или узкого круга гончаров (родственников). Анализ планиграфии курганов и могил некрополя Быстровка-1 фиксирует близость совершения захоронений во времени и одновременное функционирование разных частей могильника. Продукция одного «мастера» использовалась здесь не только в захоронениях близких родственников, но и других членов данного сообщества.

Основную часть коллекции составляют изделия привычных форм, что свидетельствует об устойчивости гончарной традиции населения, оставившего данный некрополь. Но при этом среди изделий с горловиной присутствуют «формы-подражания», что говорит об изменении и продолжающемся внутреннем развитии гончарной традиции (изделия с горловиной в большинстве случаев имеют тулово, подобное баночным сосудам) и включении в нее инокультурных элементов, что на графике (см. рис. 7) отражается выходом из основной линии формообразования.

В целом корреляция коллекций продемонстрировала отсутствие единых стандартов в традиции формообразования у изделий из разных памятников.

Список литературы / References

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1986. С. 137–157.

Bobrinsky A. A. O metodike izucheniya form glinyanoi posudy iz arkhologicheskikh raskopok [On Technique of Studying Shapes of Pottery from Archaeological Excavations]. In: Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe in I millennium]. Kuibyshev State Uni. Publ., 1986, p. 137–157. (in Russ.)

Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1988. С. 5–21.

Bobrinsky A. A. Funktsional'nye chasti v sostave emkosteï glinyanoi posudy [Functional Parts in Pottery Containers]. In: Problemy izucheniya arkhologicheskoi keramiki [Issues of studying Archaeological Ceramics]. Kuibyshev State Uni. Publ., 1988, p. 5–21. (in Russ.)

- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical Issues of Studying Ancient Pottery]. Samara, SamSPU Publ., 1999, p. 5–109. (in Russ.)
- Бородавский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 208 с.
- Borodovsky A. P.** Arkheologicheskie pamyatniki Iskitimskogo raiona Novosibirskoi oblasti [Archaeological Sites of the Iskitim District of the Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniuyu istoriko-kul'turnogo naslediya Publ., 2002, 208 p. (in Russ.)
- Волкова Е. В.** Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Volkova E. V.** Keramika Volosovo-Danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoi kul'tury kak istoricheskii istochnik [Pottery of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground of the Fat'yanovo Culture as a Historical Source]. Moscow, Staryi Sad Publ., 1998, 260 p. (in Russ.)
- Волкова Е. В.** Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.
- Volkova E. V.** Novinkovskie mogil'niki fat'yanovskoi kul'tury [Novinkovo Burial Grounds of the Fat'yanovo Culture]. Moscow, IA RAN Publ., 2010, 248 p. (in Russ.)
- Генинг В. Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Gening V. F.** Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [A Program of Statistical Processing for Ceramics from Archaeological Excavations]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1973, no. 1, p. 114–135. (in Russ.)
- Генинг В. Ф.** Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. дум., 1992. 188 с.
- Gening V. F.** Drevnyaya keramika. Metody i programmy issledovaniya v arkheologii [Ancient Ceramics. Methods and Programs of Research in Archaeology]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1992, 188 p. (in Russ.)
- Гребенщиков А. В., Деревянко Е. И.** Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
- Grebenshchikov A. V., Derevianko E. I.** Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya (nachalo epokhi rannego zheleza) [Pottery of the Ancient Tribes of the Amur Region (Beginning of the Early Iron Age)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, 120 p. (in Russ.)
- Жушиховская И. С.** Миграции и культурные контакты в древности в контексте традиций производства // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1. С. 48–53.
- Zhushchikhovskaya I. S.** Migratsii i kul'turnye kontakty v drevnosti v kontekste traditsii proizvodstva [Migrations and Cultural Contacts in Antiquity in the Context of Production Traditions]. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], 1997, vol. 1, p. 48–53. (in Russ.)
- Жушиховская И. С.** Археологическая керамика как индикатор миграций на юге Дальнего Востока // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. акад. А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 125–127.
- Zhushchikhovskaya I. S.** Arkheologicheskaya keramika kak indikator migratsii na yuge Dal'nego Vostoka [Archaeological Ceramics as an Indicator of Migrations in the South of the Far East]. In: Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoi, Vostochnoi i Tsentral'noi Azii [Issues of archaeology and paleoecology of North, East and Central Asia. Materials of the International conference «From century to century», dedicated to the 95th anniversary of acad. A. P. Okladnikov's birth and the 50th anniversary of the Far-Eastern Archaeological Expedition of the Russian Academy of Sciences. Vladivostok, September, 11–25, 2003]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, p. 125–127. (in Russ.)

Кожин П. М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С. 54–70.

Kozhin P. M. Znachenie keramiki v izuchenii drevnikh etnokul'turnykh protsessov [Importance of Ceramics in the Study of Ancient Ethnocultural Processes]. In: *Keramika kak istoricheskii istochnik* [Ceramics as an Archaeological Source]. Novosibirsk, Nauka, 1989, p. 54–70. (in Russ.)

Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Matveeva N. P. Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole [The Sargat Culture in the Middle Tobol Region]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 175 p. (in Russ.)

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Иванова Д. П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н. э.) лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгеровского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 44–66.

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Ivanova D. P. Morfologicheskii analiz sosudov epokhi razvitoi bronzy (pervaya polovina II tys. do n. e.) lesostepnogo Priirtysh'ya (po materialam pogrebal'nykh kompleksov Vengerovskogo mikroraiona) [Morphological Analysis of Vessels of the Developed Bronze Age (first half of the II millennium BC) of the Forest-Steppe Irtysh Basin (based on the materials of the burial complexes of the Vengerovo microdistrict)]. *Arkheologiya etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2014, no. 2 (58), p. 44–66. (in Russ.)

Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В. Ф. Генинга) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 6, № 2. С. 114–122.

Mylnikova L. N., Selin D. V. Kompleks keramiki andronovskoi kul'tury Elovskogo II mogil'nika: morfologicheskii analiz (vozmozhnosti metodiki V. F. Geninga) [A Collection of Ceramics of the Andronovo culture of the Elovskiy II Burial Ground: Morphological Analysis (possibilities of V. F. Gening's method)]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Vestnik of Kemerovo State University], 2015, vol. 6, no. 2, p. 114–122. (in Russ.)

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 202 с.

Papin D. V., Shamshin A. B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku [Barnaul Ob Region during the Time of Transition from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2005, 202 p. (in Russ.)

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Polosmak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 144 p. (in Russ.)

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [The Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob basin]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.)

Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: [б. и.], 1990. 15 с.

Trufanov A. Ya. Kul'tury epokhi pozdnei bronzy i perekhodnogo vremeni k zheleznomu veku v lesostepnom Priirtysh'e [Cultures of the Late Bronze Age and the Transitional Period to the Iron Age in the Forest-Steppe of Irtysh Area]. Cand. histor. sci. diss. Kemerovo, 1990, 15 p. (in Russ.)

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.

Tsetlin Yu. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of the Historical-Cultural Approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / Молодин В. И., Парцингер Г., Кривоногов С. К. и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi [Chicha – a Fortification of the Transition Period from the Bronze to Iron Age in the Baraba Forest-Steppe / Molodin V. I., Parzinger G., Krivonogov S. K. et al.]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, vol. 3, 248 p. (in Russ.)

- Шульга П. И.** К характеристике каменной культуры // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 161–173.
- Shulga P. I.** K kharakteristike kamenskoj kul'tury [On Characteristic of the Kamenskaya Culture]. In: Voprosy arkheologii i istorii Yuga Zapadnoi Sibiri [Questions of Archaeology and History of the South of Western Siberia]. Barnaul, AltSPA Publ., 2013, p. 161–173. (in Russ.)
- Arnold D. E.** Ceramic Theory and Cultural Process. Cambridge, N. Y., Cambridge Uni. Press, 1989, 286 p. (New studies in archaeology).
- Gifford J. C.** The type-variety method ceramics classification as an indicator of cultural phenomena. *American Antiquity*, 1960, vol. 25, no. 3, p. 341–347.
- Nordström H. A.** Cultural Ecology auf ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Firth and the Fourth Millennia BC. Stockholm, Almgvist and Wiksell, 1972, 200 p.
- Shepard A. O.** Ceramics for archaeologist. Washington, Carnegie Institution of Washington, 1965, 380 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
12.03.2018

Сведения об авторах / Information about Authors

Мыльникова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), ассистент кафедры археологии этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Lyudmila N. Mylnikova, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Assistant Professor at the Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

l.mylnikova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0196-5165

Борzych Ксения Анатольевна, специалист по консервации археологических коллекций отдела музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Ksenia A. Borzykh, specialist in conservation of archaeological collections at the Department of Museum Studies at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

k.borzukh@gmail.com

УДК 572.08, 902

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-121-136

Первые результаты изучения палеоантропологических и археологических материалов эпохи ранней бронзы из могильника Березовый Остров-1 (Новосибирское Приобье)

П. В. Сырикова¹, С. Г. Росляков², А. В. Зубова^{3,4}

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный краеведческий музей
Новосибирск, Россия*

³ *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

⁴ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена первым результатам изучения палеоантропологического материала эпохи ранней бронзы, обнаруженного в погребальном комплексе Березовый Остров-1 в Новосибирском Приобье. В ней анализируется половозрастной состав серии, и особенности палеодиеты популяции, оставившей могильник. Реконструкция рациона питания группы проводилась на основании распределения частот патологий зубной системы (кариес, гипоплазия эмали, зубной камень, заболевания пародонта и т. д.). Патологический статус серии ближайшее сходство демонстрирует с характеристиками неолитической популяции из могильника Венгерovo-2А. Распределение маркеров палеодиеты свидетельствует о комплексном рационе питания, в котором присутствовали как мясная составляющая, так и местные дикорастущие растения. Отдельные патологические маркеры отмечают высокий уровень пищевого стресса в группе. Полученная информация о демографической ситуации в группе, оставившей могильник Березовый Остров-1, схожа с данными серии усть-тартасской культуры из некрополя Сопка-2/3А.

Ключевые слова

Новосибирское Приобье, ранняя бронза, усть-тартасская культура, Березовый Остров-1, патологии зубной системы, палеодемография, палеодieta.

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект 14-50-00036)

Для цитирования

Сырикова П. В., Росляков С. Г., Зубова А. В. Первые результаты изучения палеоантропологических и археологических материалов из могильника Березовый Остров-1 (Новосибирское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 121–136. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-121-136

© П. В. Сырикова, С. Г. Росляков, А. В. Зубова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Paleoanthropological and Archaeological Studies of Early Bronze Age materials from Berezovy Ostrov-1 Burial Ground (Novosibirsk Ob Region): Preliminary Results

P. V. Syrikova¹, S. G. Roslyakov², A. V. Zubova^{3,4}

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Museum of Local History and Nature
Novosibirsk, Russian Federation

³ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

⁴ Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. This article aims at analyzing anthropological data from the burial ground Berezovy Ostrov-1. The materials studied belong to the Siberian population of the Early Bronze Age. We studied the demographic situation, dental and postcranial pathologies. We also analyzed the burial rites and inventory in terms of the sex and age of the buried. Our main aim was to characterize the lifestyle, the diet and the ritual practice of this micropopulation.

Results. We estimated the safety of the anthropological materials related to the Early Bronze Age community from the burial ground Berezovy Ostrov-1, analyzed the sex and age composition and pathological status of the buried and compared the demographic data of the Berezovy Ostrov-1 micropopulation with the distribution of sex and age in the Sopka-2/3 and Sopka-2/3A groups, which attribute to the Ust'-Tartas culture. As a result of sex and age identification, we found some similarities of the demographic structure of the population studied and the Ust'-Tartas groups from the burial ground Sopka-2. As for the ritual rites, we can ascertain some regularity. Stone tools, arrowheads and ornaments as objects of the same nature are typical for women, as well as for men and children. At the same time, we observe no burials of cremated women, newborns and children under 2 years old. In terms of pathologies, Berezovy Ostrov-1 site is characterized by increased frequencies of linear hypoplasia, calculus and periodontal diseases and an average frequency of caries. We can assume that the basic diet of the population included meat and wild plants, which is typical for hunter-gatherers. An increased frequency of linear hypoplasia indicates a possible famine or transferred diseases at the stage of tooth enamel formation. Our comparison with the Neolithic and Odinoovo groups of the Baraba forest-steppe indicates that the diet in the Berezovy Ostrov-1 group was similar to that in the Neolithic series from Vengerovo-2A.

Conclusion. The first results of our analysis reveal general correspondence of the adaptation models observed on the territory of the Novosibirsk Ob region to the characteristics of the populations of hunter-gatherers. We draw a conclusion about difficult conditions for the population of Berezovy Ostrov-1 and acute shortage of food resources. Correlation of the sex-age characteristics of the buried with the peculiarities of the funeral rite allows us to assume that there existed a special burial rite for newborns and children under the age of one year.

Keywords

Novosibirsk Ob region, Early Bronze Age, Berezovy Ostrov-1, dental pathologies, paleodemography

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

For citation

Syrikova P. V., Roslyakov S. G., Zubova A. V. Paleoanthropological and Archaeological Studies of Early Bronze Age materials from Berezovy Ostrov-1 Burial Ground (Novosibirsk Ob Region): Preliminary Results. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 121–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-121-136

Введение

Основным объектом рассмотрения в данной статье является палеоантропологический материал из некрополя Березовый Остров-1 в Новосибирском Приобье, относящегося к эпохе ранней бронзы. Первоначально археологические памятники, синхронные погребениям Березового Острова, относили к так называемой игрековской культурной общности. Начало их систематического изучения связано с территорией Томского Приобья, где М. Н. Комаровой были изучены материалы Томского могильника, открытого в 1887 г. А. В. Адриановым (см. [Марочкин, 2014. С. 45]). В дальнейшем они активно изучались В. И. Матюшенко, который

также исследовал могильник Самусь III [Матюшенко, 1960. С. 2] и пришел к выводу, что в одну культурную группу можно объединить Самусьский, Томский могильники и могильник на Старом мусульманском кладбище. Он датировал их концом IV – началом III тыс. до н. э. и отнес к эпохе неолита [Там же. С. 4]. В 1970 г. В. И. Матюшенко открыл стоянку Игреково I. Ее материалы были отнесены Г. В. Сеницыной к этой же группе памятников [1986. С. 100], которая в дальнейшем у некоторых авторов получила название игрековской.

Самый крупный погребальный комплекс этого времени был открыт в 1979 г. В. И. Молодиным в Барабинской лесостепи на памятнике Сопка-2 [Молодин, 2001. С. 6]. Он включает в себя две группы погребений (Сопка-2/3 и Сопка-2/3А). На основании материалов этого комплекса В. И. Молодиным была выделена усть-тартасская археологическая культура IV – конца III тыс. до н. э. [Там же. С. 114–116].

Происхождение культурных традиций, фиксируемых в перечисленных памятниках, большинство исследователей связывает с археологической общностью гребенчато-ямочной керамики [Молодин, 2001; Косарев, 1981]. Серийные антропологические данные, позволившие объективно обсуждать происхождение их носителей и особенности адаптивных стратегий рассматриваемых культур, в большинстве случаев отсутствуют. Они были получены только для усть-тартасской культуры Барабинской лесостепи, где Т. А. Чикишевой были описаны краниологические, одонтологические и демографические характеристики серий из памятников Сопка-2/3 и Сопка-2/3А [Чикишева, 2012. С. 67–79]. Она отмечает, что краниологически обе серии имеют большое сходство с предшествующими им неолитическими популяциями Северной Барабы. Они относятся к особому типу внутри северной евразийской антропологической формации [Там же. С. 68, 77], представители которой в эпоху неолита – раннего металла занимали обширный ареал в лесостепной зоне Западно-Сибирской и Восточно-Европейской равнины. Дополнительная специфика краниологического комплекса носителей усть-тартасской культуры, по мнению Т. А. Чикишевой, обусловлена контактами с носителями большемысской и серовской культур [Там же. С. 83].

На территории Новосибирского и Томского Приобья антропология населения эпохи ранней бронзы изучена намного хуже. В Новосибирском Приобье до сих пор опубликованы описания только четырех черепов, полученных при раскопках погребений усть-тартасской культуры на памятнике Крохалевка-13 [Зубова, 2012]. По результатам их изучения было описано два комплекса краниологических признаков, присутствующие как у мужчин, так и у женщин. Первый из них соответствует характеристикам северной евразийской антропологической формации [Там же. С. 31–32]. Второй большее сходство проявляет с некоторыми находками из Южной Сибири. Общие характеристики этих материалов позволяют предполагать общность происхождения населения Барабинской лесостепи и Новосибирского Приобья, однако малое количество черепов из Приобья до последнего времени не позволяло провести их полноценное сравнение.

Восполнить этот пробел позволяют новые материалы, полученные экспедицией НГКМ под руководством С. Г. Рослякова на памятнике Березовый Остров-1 в Мошковском районе Новосибирской области. Он расположен в урочище на останце террасы левого берега Оби, в 1,5 км от ее надпойменной террасы, на правом берегу р. Уень. Останец представляет собой «остров» посреди пойменного луга высотой до 11 м, длиной 615 м (по линии ЮЗ-СВ) и шириной 300 м. В результате многолетних исследований на его территории было выявлено несколько культурных комплексов и изучено 19 погребений эпохи раннего металла.

Основной целью данной статьи является введение в научный оборот данных о половозрастной структуре, полученных из этих погребений палеоантропологической серии, особенно в аспектах погребально-ритуальной практики изученной группы населения эпохи раннего металла и анализ ее адаптивных стратегий, реконструируемых на основании палеодемографических и палеопатологических данных.

Результаты исследований и обсуждение

В 2011–2017 гг. на памятнике были раскопаны 19 погребений эпохи ранней бронзы. Антропологическая серия из них включает в себя 30 костяков различной степени сохранности¹. Для каждого из них по возможности был определен пол и биологический возраст. Возраст погребенных определялся с учетом таких показателей, как степень зарастания швов черепа, закрытие основно-затылочного синостоза, стертость зубов и состояние суставных поверхностей на костях посткраниального скелета [Алексеев, 1966. С. 31; Алексеев, Дебец, 1964. С. 36–38]. Пол определялся только для взрослых индивидов по особенностям строения костей черепа и таза [Алексеев, Дебец, 1964. С. 29–34].

В качестве маркеров адаптации были привлечены одонтологические характеристики черепов с сохранившимися зубами. Они изучались по программе учета патологий зубной системы, которая включала в себя регистрацию признаков физиологического стресса, показателей, характеризующих уровень гигиены и общее состояние здоровья популяции, а также маркеров палеодиеты. Регистрировалась линейная гипоплазия эмали, одонтогенные абсцессы, заболевания пародонта, кариес и зубной камень [Larsen et al., 1991; Forshaw, 2014; Keenleyside, 2007; Strohm, Alt, 1998; Alt, Türp, 1998; Alt, Pichler, 1998; Alt et al., 1998; Schulz et al., 1998; Huss-Ashmore et al., 1982]. Наличие или отсутствие признака определялось для каждого индивида как один случай, без учета количества пораженных зубов.

Погребения эпохи раннего металла на памятнике Березовый Остров-1 совершены в могильных ямах, вырытых в материке и расположенных параллельными рядами под углом к краю останца террасы. Крайние западные погребения расположены у самой кромки обрыва. Скелеты лежат вытянуто на спине, головой на СВ. В нескольких случаях были встречены захоронения без черепов, у некоторых индивидов отсутствовали кости стоп и кистей. В одном погребении не зафиксирован череп, а кости стоп обожжены. В целом состояние скелетов из погребений, совершенных по обряду ингумации, позволяет предполагать, что между смертью индивида и его захоронением проходило какое-то время.

Два захоронения взрослых индивидов выполнены по обряду трупосожжения, совершенного в могильной яме. В двух других погребениях обнаружены кремированные останки детей, в одном случае они расположены в ногах взрослого.

В двух погребениях присутствовали целые плоскодонные баночные сосуды, в двенадцати – каменный инвентарь и изделия из рога (вкладышевый наконечник копья, каменные наконечники стрел, топоры, бифасиальные ножи, шлифованные ножи, точильные бруски, отщепы, роговые отжимники, наконечники стрел, бусы, нашивки из зубов животных и раковин). Оригинальной находкой и фактом обряда является помещение у левого виска головы или слева у груди путовой кости лошади. Сосуды, за одним исключением, располагались вне могильной ямы, за головой погребенного. Все сосуды плоскодонные, баночной формы с прямым округлым венчиком, орнаментированные горизонтальными линиями, нанесенными отступающей палочкой, иногда по спирали. На дне сосудов также отступающей палочкой изображен крест, вписанный в окружность, нанесенную по линии ребра дна сосуда. В культурном слое собран разнообразный материал, видимо, связанный с грунтовым могильником, – каменные орудия (наконечники стрел, тесла, скребки, заготовки наконечников стрел, нуклеусы, обломки изделий, отщепы и ножевидные пластины), сосуд в обломках и фрагменты керамики.

В погребении 1 совершено захоронение по обряду ингумации. Останки принадлежат женщине 20–25 лет. Найденные кости включают фрагменты черепа с нижней челюстью, фрагменты атланта и бедренных костей. Женщина страдала от заболеваний пародонта, признаки которых наблюдаются на альвеолярном крае верхних первых и вторых премоляров, верхних первых моляров, нижних левых первого и второго моляров. В альвеоле верхнего

¹ Серия включает 27 костяков, хранящихся в ИАЭТ СО РАН, а также 2 скелета мужчин 25–30 и 35–40 лет и один скелет индивида с не определенным из-за крайне плохой сохранности материала полом и возрастом.

правого первого моляра отмечен абсцесс. Точечная гипоплазия затрагивает верхние клыки женщины, линейная обнаружена на нижнем правом клыке. Оба верхних первых премоляра поражены кариесом. Зубной камень фиксируется почти на всех найденных в погребении зубах.

В погребении 13 обнаружены останки четырех человек, захороненных по обряду ингумации. Скелеты расположены друг за другом в анатомическом порядке. Могила была нарушена перекопами в более позднее время и норой животного. По этой причине от скелетов погребенных остались преимущественно кости конечностей. Черепа у всех четверых индивидов отсутствовали, найдено лишь несколько обожженных фрагментов, но не вполне ясно, принадлежали ли они этим четырем людям.

Первый скелет относился, судя по всему, к человеку, достигшему половой зрелости. Среди костей найдены диафиз правой бедренной кости, диафизы большой и малой берцовых костей, дистальный эпифиз плечевой кости, поврежденная таранная кость, фрагмент лопатки, сильно поврежденная пяточная кость. Вплотную к нему лежали отдельные фрагменты обожженных костей.

Второму индивиду на момент смерти было около 17 лет, поблизости от него найдены фрагменты обгоревших костей. Зафиксированы фрагменты плечевых костей, локтевой кости, таза, диафизы бедренных и больших берцовых костей, эпифизы бедренных костей, поврежденная правая коленная чашечка, поврежденные правые таранная и пяточная кости.

Третий скелет принадлежит половозрелой женщине. Обнаруженные останки включают: фрагменты таза, поврежденные бедренные кости, поврежденную правую большую берцовую кость и фрагменты левой, фрагмент лопатки, эпифизы больших берцовых костей, фрагменты малых берцовых костей, поврежденные пяточные кости, таранные кости, фрагмент правой плечевой кости с дистальным эпифизом, фрагменты лучевой кости.

Четвертый скелет принадлежал человеку старше 20 лет. Среди останков распознаны фрагменты таза, бедренных костей, больших берцовых костей.

В погребении 14 представлены останки шести разных человек. Изначально было определено нахождение в могиле четырех скелетов. Но, вероятно, из-за нарушения ямы поздними земляными работами туда попали фрагменты костей еще двух индивидов. У всех захороненных отсутствуют черепа.

Первый костяк, лежащий в стороне, принадлежал ребенку, умершему в возрасте 6–8 лет. Найдены фрагмент седьмого шейного позвонка, 12 поврежденных грудных позвонков, 4 поясничных позвонков, поврежденные лопатки, фрагменты ребер, ключицы, плечевые кости без эпифизов, лучевые и локтевые кости, фрагменты таза, фрагменты бедренных костей и их эпифизы, большие берцовые кости и их эпифизы, малые берцовые кости, поврежденная левая пяточная кость, плюсневые кости и кости пальцев ног.

Второй погребенный умер в возрасте 10–12 лет. Сохранившиеся останки включают в себя фрагменты шейных, грудных и поясничных позвонков, фрагменты ребер, фрагменты плечевых костей, лучевых и локтевых, бедренных, больших и малых берцовых костей и их эпифизы, пяточные, таранные кости, фрагменты таза и лопаток.

Третий индивид был положен на ноги второго. На момент смерти ребенку было около 3–4 лет. Найдены шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагменты ребер, бедренные, большие берцовые, плечевые, лучевые, локтевые кости и их эпифизы, фрагменты таза, пяточные и таранные кости, клиновидные кости, ключицы, плюсневые кости.

Четвертый скелет был также расположен поверх третьего. Он принадлежал ребенку 2–3 лет. Найденные кости включают левую бедренную кость, большие и малые берцовые, локтевые, лучевые кости и их эпифизы, фрагменты ребер, таза, ключиц, шейных и грудных позвонков и поврежденную правую лопатку.

В погребении 15 располагались останки двух человек, один из которых, мужчина в возрасте 35–40 лет, был захоронен по обряду труположения, второй, ребенок 3–4 лет, кремнирован. Могила была нарушена звериной норой, из-за чего кости нижних конечностей пред-

ставлены не полностью. В яме обнаружен фрагментированный череп с нижней челюстью, фрагменты ключиц, плечевых, лучевых, большой берцовой и бедренных костей. Рядом со скелетом располагались путовая кость лошади, каменный оселок и два ножа.

У погребенного отмечены прижизненные травмы верхнего левого латерального резца, верхних первых премоляров, нижнего правого второго премоляра, нижнего правого второго моляра. Нижний левый второй премоляр поражен кариесом. На всех сохранившихся зубах отмечен зубной камень. Резорбция альвеолярного края отмечена на нижних вторых молярах, в других случаях определение патологии затруднено из-за плохой сохранности материалов. Линейная гипоплазия эмали наблюдается на верхних латеральных резцах, нижнем левом клыке, нижних вторых молярах.

Останки ребенка 3–4 лет были помещены в ногах взрослого одним скоплением. Среди них присутствуют фрагменты черепа, костей верхних и нижних конечностей. Обнаруженные зубы включают в себя верхний молочный клык и нижние моляры, закладки верхних постоянных резцов, нижнего левого клыка и левого первого премоляра.

В погребении 17 находился скелет женщины 60–65 лет. Обнаружен фрагментированный череп с нижней челюстью, фрагменты шейных, грудных позвонков, таза, ребер, ключиц, плечевые, лучевые, большие берцовые кости, фрагменты костей кисти.

Посмертно утрачен лишь верхний правый второй моляр. Пришеечный кариес отмечен на верхнем левом клыке. Зубной камень затрагивает все зубы. Линейная гипоплазия эмали зафиксирована на верхнем правом медиальном резце, верхнем левом латеральном, верхнем правом первом премоляре, нижних резцах и клыках. Наблюдается также абсцесс в альвеоле верхнего правого резца. Вокруг останков располагались каменное тесло, нож, отщеп.

В погребении 18 захоронены кремнированные кости мужчины 30–35 лет. Они расположены двумя скоплениями: одно представляет собой сожженный череп, второе состоит из фрагментов костей конечностей, ребра, лопатки. Кремация сопровождалась каменными ножами (рис. 1, 1–2), наконечником стрелы (рис. 1, 3) и плоскостонным сосудом (рис. 1, 4).

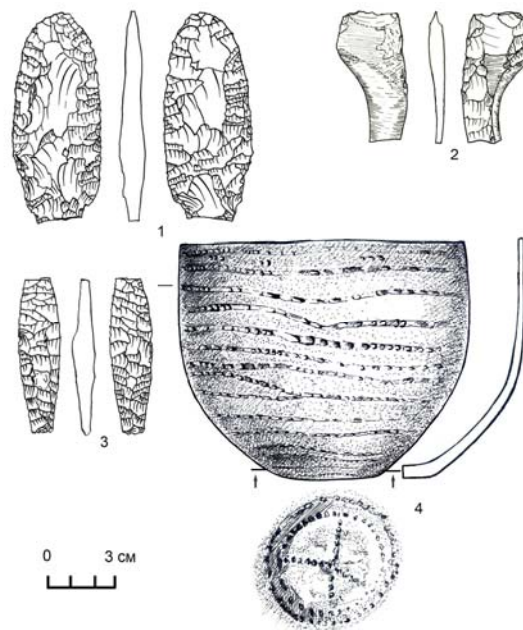

Рис. 1. Сопроводительный инвентарь из погребения 18:

1, 3 – каменные ножи; 2 – наконечник стрелы; 4 – сосуд с орнаментированным дном

Fig. 1. Grave goods from tomb 18:

1, 3 – stone knives; 2 – stone arrowhead; 4 – ceramic vessel with a designed bottom

Скелет из погребения 19 принадлежал мужчине 45–50 лет. Найден фрагментированный череп с нижней челюстью, фрагменты шейных, грудных, крестцовых позвонков, таза, поврежденные бедренные, большие берцовые, локтевые, лучевые, плечевые кости, фрагменты лопаток, ребер, коленные чашечки, ладьеобразные и полулунная кость. Отсутствуют кости ступней; вероятно, причиной тому послужила нора, нарушившая юго-западную часть ямы.

Верхний левый второй резец, верхний правый второй премоляр, верхние левые первый и второй моляры и нижний правый первый премоляр утеряны посмертно. Наблюдается гиподонтия нижних третьих моляров. Стертость и плохая сохранность не позволяют определить признаки заболеваний на всех зубах. Зубной камень отмечен на верхнем правом латеральном резце, верхнем левом клыке, верхнем правом и вторых молярах, нижнем левом медиальном резце, нижнем правом клыке, нижних левых первом и втором молярах. Линейная гипоплазия отмечена на верхнем левом резце и верхнем левом клыке. Верхние третьи моляры развернуты окклюзионными поверхностями кзади и наружу. На нижней челюсти наблюдается очень большой абсцесс в области правой ветви, возникший, судя по всему, в результате травмы. Абсцессы также отмечены в альвеолах нижнего левого латерального резца, нижних клыков, первых премоляров, нижних правых первого и второго моляра: инфекция могла распространиться по нижнечелюстному каналу. Абсцессы затрагивают и верхнюю челюсть: правый клык, правый второй премоляр, правый первый моляр.

Погребальный инвентарь состоял из путовой кости лошади, отщепов (рис. 2, 3), наконечника копья (рис. 2, 1), сланцевой плитки, каменных ножей (рис. 2, 2).

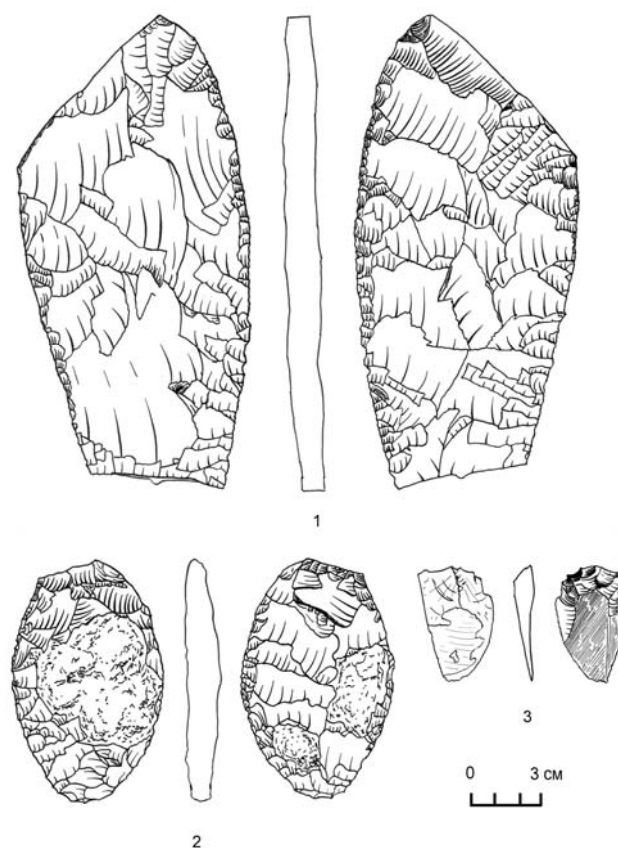

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь из погребения 19:
1 – наконечник копья; 2 – нож; 3 – орудие на отщепе

Fig. 2. Grave goods from tomb 19:
1 – stone spear point; 2 – stone knife; 3 – lithic flake tool

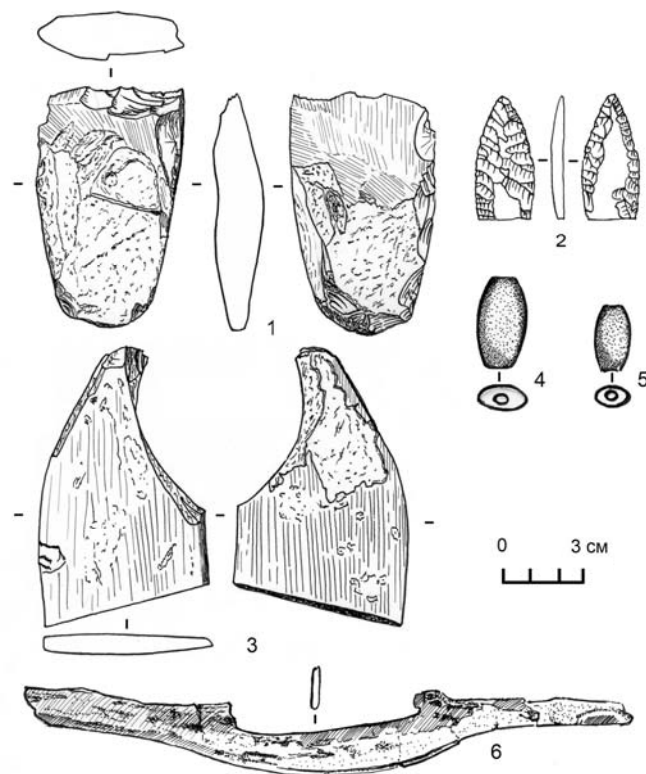

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь из погребения 20:
1 – топор; 2 – наконечник стрелы; 3 – фрагмент пластины;
4 – бусины; 5 – изделие из рога

Fig. 3. Accompanying inventory from burial 20:
1 – ax; 2 – arrowhead; 3 – plate fragment;
4 – beads; 5 – horn product

Погребение 20 совершено по обряду кремации в могильной яме. Скелет принадлежал взрослому индивиду младше 35 лет. Среди сохранившихся костей распознаны фрагменты черепа, нижней челюсти, позвонков, костей верхних конечностей и отдельные кости кисти. Сильная фрагментация и деформация костей вследствие воздействия огня не позволяют достоверно установить пол погребенного (по отдельным фрагментам черепа можно предположить, что это был мужчина).

В захоронении также обнаружены сопроводительное изделие из рога (рис. 3, 5), каменный топор (рис. 3, 1), наконечник стрелы (рис. 3, 2), роговые бусы (рис. 3, 4).

В погребении 21 найден скелет женщины 20–35 лет. Череп отсутствовал. Фрагментарно сохранились позвонки, таз, ребра, большие берцовые, бедренные кости, ключицы, а также плечевые, локтевые, лучевые кости и кости ступней. В могильной яме были обнаружены два фрагмента керамики. Данное погребение может относиться к более раннему, неолитическому времени.

Погребение 24 принадлежало взрослому индивиду. Представлены неинформативные фрагменты черепа, таза, малой берцовой и плечевой костей. Из сопроводительного материала в могиле найдены лишь фрагменты керамики.

В погребении 27 захоронен мужчина 20–25 лет. Найден фрагментированный череп с нижней челюстью, бедренные кости, большие и малые берцовые, плечевые, локтевые, лучевые кости, поврежденные лопатки, ребра и ключицы, фрагменты грудины, шейных, грудных

и поясничных позвонков, таза, фрагменты таранной и пяточной костей, плюсневые кости, поврежденная клиновидная кость.

Зубная система мужчины демонстрирует среднюю степень изношенности. Наблюдается ретенция нижнего левого клыка. Нижний правый второй премоляр утрачен при жизни. При жизни травмированы верхние медиальные и правый латеральный резцы. Зубной камень отмечается почти на всех зубах. Линейная гипоплазия затрагивает верхние левые медиальный и латеральный резцы, верхние клыки, нижние латеральные резцы. Погребение сопровождалось каменным ножом, отщепом, черешковым наконечником стрелы, наконечником копья из рога с вставленными по краям каменными лезвиями, стержнями из рога.

Скелет из погребения 29 принадлежал мужчине старше 20 лет. Захоронение было разрушено грабительской ямой. Остатки представлены фрагментами таза, позвонков, бедренных, больших берцовых, плечевых, локтевых, лучевых костей, надколенников, костей ступней, ребер. В могиле также был обнаружен один зуб – верхний правый латеральный резец. На его эмали имеется линейная гипоплазия, он был также поражен зубным камнем. Вместе со скелетом обнаружены наконечник стрелы из камня, каменные ножи.

Погребение 30 содержало останки индивида 20–35 лет. Костяк представлен фрагментами верхних и нижних конечностей, таза и ребра. Остеологического материала недостаточно, чтобы достоверно определить пол погребенного, но массивность костей позволяет предположить, что это мужчина. Сопроводительный инвентарь включал один каменный отщеп.

В яме 30 обнаружены фрагменты нижней челюсти, принадлежавшей взрослому человеку. Найдены нижний правый первый премоляр, нижние правые первый и второй моляры. Зубной камень наблюдается на первом премоляре и втором моляре. На втором моляре также отмечена точечная гипоплазия. В области моляров имеется резорбция края альвеол.

Скелет из погребения 31 принадлежал женщине 30–35 лет. Найден фрагментированный череп с нижней челюстью, плечевые кости, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагменты левых лучевой и локтевой кости, поврежденные ключицы и лопатки, фрагменты таза, бедренные кости и большие берцовые, левая коленная чашечка, полулунная кость, головчатая кость, кость-трапеция, трапецевидная кость, кости пясти.

Верхний левый латеральный резец утерян посмертно. Зубной камень отмечен почти на всех зубах. Линейная гипоплазия наблюдается на верхних медиальных и правом латеральном резцах, верхних клыках и первых премолярах, нижних правых первом и втором резцах, нижних клыках и первых премолярах. Резорбция альвеолярного края отмечена на верхнем правом медиальном резце. В могильной яме располагались керамический сосуд, костяная пластина, бусы из ракушек и зубов зверей и путовая кость лошади.

В погребении 32 обнаружены останки женщины около 40 лет, в ее ногах были положены зубы ребенка приблизительно 5 лет. Найден фрагментированный череп с нижней челюстью, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагменты лопаток, ребер, ключицы, таза, плечевых, локтевых костей, пястная кость, коленная чашечка.

Верхний левый клык, нижний левый второй премоляр, нижний левый первый моляр повреждены при жизни. Зубной камень наблюдается почти на всех зубах. Линейная гипоплазия отмечена на верхнем правом медиальном и латеральных резцах, верхнем левом клыке, нижнем левом клыке, нижнем левом третьем моляре. Резорбция альвеол фиксируется на верхнем левом клыке, верхних первых и вторых премолярах, верхнем правом первом моляре, верхних вторых молярах, нижних правых первом и втором молярах.

Молочные зубы ребенка включают верхний левый латеральный резец, верхний левый клык, верхние правые первый и второй моляры, нижний правый второй моляр.

В погребении 33 найдено скопление зубов ребенка 5–6 лет в прокале, рядом с ними были также расположены бедренные, большие берцовые, плечевые, лучевые, локтевые кости, фрагменты позвонков, таза и ребер, отдельные кости стопы.

Среди зубов найдены молочные и постоянные. Обнаружены верхние латеральные постоянные резцы и клыки, нижние вторые постоянные резцы, нижние первые постоянные моля-

ры, верхний правый медиальный и латеральный молочный резец, верхний левый молочный клык, нижние первые молочные резцы, левый второй молочный резец, нижние молочные клыки, нижние первые и вторые молочные моляры. Зубной камень отмечен на нижних медиальных молочных резцах, нижнем левом втором молочном резце, нижнем левом молочном клыке.

В погребении 34 найдены кремированные фрагменты костей ребенка, умершего в возрасте до 5 лет, расположенные в анатомическом порядке. Среди останков распознаны фрагменты черепа, позвонков, плечевых, лучевых, локтевых костей.

Как видно из индивидуальных описаний антропологического материала, сохранность костяков в погребениях оставляла желать лучшего, и точно определить половозрастные характеристики удалось не во всех случаях. Тем не менее анализ полученных данных показал, что в целом на особенностях ритуальной практики половозрастная структура серии из этого могильника отразилась слабо. Отметим только две детали, которые могут быть с ней связаны. Первая – это отсутствие в погребениях новорожденных и детей до 2 лет, что позволяет предположить наличие для них особого обряда захоронения. Второй нюанс – отсутствие женских скелетов в захоронениях по обряду кремации. В двух случаях кремированные скелеты принадлежали мужчинам и в двух – детям.

На основании полученных половозрастных данных был вычислен средний возраст смерти в выборке, процентное соотношение среди погребенных мужчин, женщин и детей (табл. 1, 2). Как правило, эти данные используются в качестве маркеров кумулятивного биологического стресса, характеризующих адаптивные способности популяции, оставившей могильник. Однако в нашем случае численность серии невелика, и ее демографический состав явно нарушен, о чем свидетельствует отсутствие новорожденных и младенцев в возрасте младше 2–3 лет. Соответственно, данные о численности некоторых половозрастных категорий в составе погребенных использовались в большей степени для характеристики комплекса погребально-ритуальной обрядности, нежели для анализа адаптивных возможностей оставившего его населения. Несмотря на это, нужно отметить, что многие из характеристик выборки находят аналогии в усть-тартасской серии из некрополя Сопка-2/3А [Чикишева, 2012. Табл. IV]. Это касается соотношения численности детей и взрослого населения, процента женщин в составе группы и возрастного распределения смертности у детей и подростков (для старших возрастных категорий этот показатель рассчитать невозможно из-за большого процента индивидов, пол и возраст которых нельзя точно определить) (см. табл. 1; 2).

Совпадение этих показателей позволяет предположить, что обе группы существовали в рамках одной демографической модели.

Отсутствие данных о распространении патологий зубной системы в серии с памятника Сопка-2 не позволило сравнить характеристики пищевых стратегий в синхронных группах Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи. Сравнение с более ранними и более поздними группами охотников-собирателей Барабы (табл. 3) показало, что рацион питания в группе из могильника Березовый Остров-1 в целом соответствовал неолитической модели. В первую очередь об этом свидетельствуют средняя частота и умеренная степень выраженности кариеса, который даже в случаях присутствия не образует крупных полостей в твердых тканях зуба. Низкие значения подверженности кариесу в древних популяциях, как правило, ассоциируются с потреблением твердой пищи, не богатой углеводами. Такая структура питания характерна для общностей охотников-собирателей: в рацион входили лишь небогатые углеводами дикорастущие растения [Forshaw, 2014. P. 530; Caselitz, 1998. P. 205; Keenleyside, 2007. P. 264; Scott, Turner, 1988. P. 115; Murphy et al., 2013. P. 2549].

Среди популяций с присваивающим хозяйством случаи присутствия кариеса встречаются при употреблении большого количества крахмалистых диких корней и луковок [Свято, 2014. С. 151]. Плоский профиль стертости эмали коренных зубов [Forshaw, 2014. P. 529, 530; Мачикек, Зубова, 2012] и распределение сколов эмали также свидетельствуют о том,

Таблица 1

Половой состав серий эпохи раннего металла
из некрополей Березовый Остров-1, Сопка-2/3 и Сопка-2/3А

Table 1

Sex composition of the Early Bronze Age anthropological series
of Berezovy Ostrov-1, Sopka-2/3 and Sopka-2/3A burial grounds

Некрополь	Мужчины		Женщины		Дети		Пол не установлен		Итого	
	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%
Березовый Остров-1	7	24,1	7	24,1	8	27,7	7	24,1	29	100
Сопка-2/3	19	38,8	23	46,9	7	14,3	–		49	100
Сопка-2/3А	25	39,2	18	28,1	19	29,7	2	3	62	100

Примечание: все данные, кроме материалов памятника Березовый Остров-1, приведены по: [Чикишева, 2012. Табл. IV].

Таблица 2

Демографические характеристики серий эпохи раннего металла
из некрополей Березовый Остров-1, Сопка-2/3 и Сопка-2/3А

Table 2

Demographic characteristics of the Early Bronze Age anthropological series
of Berezovy Ostrov-1, Sopka-2/3 and Sopka-2/3A burial grounds

Возраст	Березовый Остров-1						Сопка-2/3						Сопка-2/3А					
	мужчины		женщины		дети		мужчины		женщины		дети		мужчины		женщины		дети	
	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%
0-4	–	–	–	–	3	10,3	–	–	–	–	2	4,1	–	–	–	–	8	12,5
4-10	–	–	–	–	4	13,7	–	–	–	–	2	4,1	–	–	–	–	8	12,5
10-14	–	–	–	–	1	3,4	–	–	–	–	3	6,1	–	–	–	–	3	4,7
15-19	–	–	–	–	1	3,4	1	2	5	10,2	–		1	1,6	2	3,1	–	

Возраст	Березовый Остров-1						Сопка-2/3						Сопка-2/3А					
	мужчины		женщины		дети		мужчины		женщины		дети		мужчины		женщины		дети	
	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%	инд.	%
20-24	1	3,4	2	6,8	-		2	4,1	6	12,2	-		2	3,1	3	4,7	-	
20-30	-		2*	6,8	-		-		-		-		-		-		-	
25-29	3	10,3	-		-		3	6,1	3	6,1	-		7	10,2	2	3,1	-	
30-34	-		1	3,4	-		2	4,1	3	6,1	-		1	1,6	1	1,6	-	
35-39	2	6,8	1	3,4	-		5	10,2	2	4,1	-		4	6,3	2	3,1	-	
40-44	-		-		-		1	2	1	2	-		5	7,8	6	9,4	-	
45-50	1	3,4	-		-		4	8,2	3	6,1	-		4	6,3	-		-	
50+	-		1	3,4	-		1	2	-		-		1	1,6	-		-	
Возраст и пол не установлены	7 (23 %)						-						-					

Примечание: все данные, кроме материалов памятника Березовый Остров-1, приведены по: [Чикишева, 2012. Табл. IV]; * – два сильно фрагментированных женских скелета, по которым возраст можно установить лишь в пределах 10 лет.

Таблица 3
Частота патологий зубной системы в серии могильника Березовый Остров-1
и у населения Барабинской лесостепи периода неолита – бронзы

Table 3

Dental pathologies frequency in the series
of Berezovy Ostrov-1 burial ground and in the Neolithic and Early Bronze Age groups from Baraba forest-steppe

Патология	Памятник	Мужчины		Женщины		Пол не определен		Всего
		n/N	%	n/N	%	n/N	%	
Кариес	Березовый Остров-1	1/3	33,3	1/4	25	0/2	0	2/9
	Преображенка-6	6/13	46,2	1/4	25	–	–	7/17
	Сопка-2/4-А	3/36	8,3	4/38	10,5	0/1	0	7/75
	Тартас-1	1/6	16,7	3/9	33,3	0/3	0	4/18
	Венгерово-2А	1/8	12,5	2/5	40	–	–	3/13

Патология	Памятник	Мужчины		Женщины		Пол не определен		Всего
		<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>	%	<i>n/N</i>
Гипоплазия эмали	Березовый Остров-1	3/3	100	4/4	100	2/2	50	9/9
	Преображенка-6	4/8	50	1/3	33,3	–	–	5/12
	Сопка-2/4-А	1/31	3,2	4/27	14,8	0/1	0	5/59
	Тартас-1	1/5	20	0/7	0	0/1	0	1/13
	Венгерово-2А	1/7	14,3	0/4	0	–	–	1/11
Заболевания пародонта	Березовый Остров-1	1/2	50	3/3	100	–	–	4/5
	Преображенка-6	12/13	92,3	5/5	100	–	–	17/18
	Сопка-2/4-А	35/37	94,6	41/42	97,6	1/1	100	77/81
	Тартас-1	5/5	100	1/9	11,1	0/1	0	6/15
	Венгерово-2А	2/6	33,3	3/5	60	–	–	5/11
Прижизненная утрата зубов	Березовый Остров-1	1/3	33,3	0/4	0	–	–	1/7
	Преображенка-6	4/13	30,8	0/5	0	–	–	4/18
	Сопка-2/4-А	1/37	2,7	4/42	9,5	0/1	0	5/80
	Тартас-1	1/5	20	2/8	25	0/1	0	3/14
	Венгерово-2А	0/7	0	1/5	20	–	–	1/12
Зубной камень	Березовый Остров-1	3/3	100	4/4	100	2/2	50	9/9
	Преображенка-6	13/13	100	4/4	100	–	–	17/17
	Сопка-2/4-А	27/35	77,1	28/38	73,7	1/1	100	56/74
	Тартас-1	6/6	100	8/9	88,9	2/2	100	16/17
	Венгерово-2А	8/8	100	5/5	100	–	–	12/12
Сколы эмали	Березовый Остров-1	2/2	100	2/4	50	0/2	0	4/8
	Преображенка-6	7/13	53,9	4/5	80	0	0	11/18
	Сопка-2/4-А	–	–	–	–	–	–	–
	Тартас-1	6/6	100	7/9	77,8	3/3	100	16/18
	Венгерово-2А	4/6	66,7	4/5	80	–	–	8/11

Примечание: *n* – количество случаев наличия признака; *N* – общее количество наблюдений. Все данные, кроме материалов памятника Березовый Остров-1, приведены по: [Зубова и др., 2016].

что как в неолитической серии, так и в группе из могильника Березовый Остров-1, растительный компонент диеты не был связан с массовым употреблением зерновых продуктов.

Характер распределения отложений зубного камня, который обнаружен у всех взрослых индивидов и в памятнике Березовый Остров-1, и в могильнике Венгерово-2А, указывает на рацион, базирующийся на твердой, богатой белками, пище [Keenleyside, 2007. P. 265; Forshaw, 2014. P. 531; Murphy et al., 2013. P. 2549–2550].

Заключение

Таким образом, характерными чертами рациона питания группы из Березового Острова-1 были его комплексность и сочетание высокого процента белковой пищи с активным употреблением местных дикорастущих растений. Несмотря на то что эта модель оставалась стабильной на протяжении как минимум трех тысяч лет [Зубова и др., 2016. С. 113] и, по-видимому, обладала высокой адаптивной ценностью, изучаемое население находилось в ситуации острой нехватки пищевых ресурсов, о чем свидетельствует высокая частота гипоплазии эмали, отмеченной у всех взрослых индивидов. Этот признак является свидетельством пережитого в раннем возрасте физиологического стресса, например недостаточного питания или заболеваний, перенесенных в детстве [Forshaw, 2014. P. 532; Schulz et al., 1998. P. 298–299; Huss-Ashmore et al., 1982. P. 442, 443].

Результаты изучения палеоантропологических и археологических материалов из погребений эпохи раннего металла могильника Березовый Остров-1 позволили сделать несколько выводов.

Взаимосвязь между половозрастными характеристиками погребенных и обрядом захоронения отсутствовала. Единственное исключение – младенцы и дети в возрасте до двух лет, для которых, по-видимому, существовал особый обряд, исключающий их погребение на общем могильном поле.

Наблюдается общее соответствие моделей адаптации на территории Новосибирского Приобья характеристикам популяций охотников-собирателей Барабинской лесостепи, зафиксированным в материалах некрополей Венгерово-2А и Сопка-2/3А. Об этом говорят схожее распределение демографических показателей во всех трех сериях и аналогичный неолитическому состав патологий зубной системы в группе из Березового Острова.

Отдельно нужно отметить тяжелые условия существования популяции, оставившей захоронения на Березовом Острове и острый дефицит у нее пищевых ресурсов.

Список литературы / References

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.** Краниометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
Alekseev V. P., Debets G. F. Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranioimetry: methods of craniometrical studies]. Moscow, Nauka, 1964, 128 p. (in Russ.)
- Алексеев В. П.** Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
Alekseev V. P. Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry: methods of anthropological studies]. Moscow, Nauka, 1966, 251 p. (in Russ.)
- Зубова А. В.** Антропологические материалы усть-тартасской культуры из могильника Крохалевка-13 // Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников / Т. Н. Троицкая, В. А. Сумин, А. А. Адамов. Новосибирск: Ярус, 2012. С. 30–34.
Zubova A. V. Antropologicheskie materialy ust'-tartasskoi kul'tury iz mogil'nika Krokhalievka-13 [Anthropological materials of Ust'-Tartas culture from Krokhalievka burial ground]. In: Drevnosti Kudryashovskogo bora [Antiquities from Kudryashov pine-forest]. 2012, p. 30–35. (in Russ.)
- Зубова А. В., Марченко Ж. В., Гришин А. Е.** Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи (одонтологические данные) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 107–115.

- Zubova A. V., Marchenko Zh. V., Grishin A. E. Struktura pitaniya nositelei odinovskoi kul'tury Barabinskoi lesostepi (odontologicheskie dannye) [Structure of alimentation of the Odino culture population from the Baraba forest-steppe]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnology], 2016, vol. 3 (34), p. 107–115. (in Russ.)
- Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.
Kosarev M. F. Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981, 276 p. (in Russ.)
- Марочкин А. Г.** Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.
Marochkin A. G. Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita [Funeral practices of Neolithic and Chalcolithic populations in Upper Ob region]. Cand. histor. sci. diss. Kemerovo, 2014, 205 p. (in Russ.)
- Матющенко В. И.** Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1960. 16 с.
Matyushchenko V. I. Neolit i bronzovyi vek v basseine r. Tomi [Neolithic and Bronze Age in Tom' River region]. Cand. histor. sci. syn. diss. Tomsk, 1960, 16 p. (in Russ.)
- Мачикек М. Л., Зубова А. В.** Пищевые стратегии в скотоводческих обществах: одонтологические данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 149–157.
Machikek M. L., Zubova A. V. Pishchevye strategii v skotovodcheskikh obshchestvakh: odontologicheskie dannye [Dental wear patterns and subsistence activities in early nomadic pastoralist communities of the Central Asian steppes]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2012, vol. 3 (51), p. 149–157. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 127 с.
Molodin V. I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Burial ground Sopka-2 on the Om River]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, vol. 1, 127 p. (in Russ.)
- Святко С. В.** Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 58. С. 143–156.
Svyatko S. V. Analiz zubnykh patologii naseleniya Minusinskoi kotloviny (Yuzhnaya Sibir') epokh eneolita – rannego zheleza: novye dannye po diete [Dental Paleopathological Analysis of the Eneolithic – early Iron Age Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia: Paleodietary Implications]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2014, vol. 58, p. 143–156. (in Russ.)
- Синицына Г. В.** Игреково I – памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986. С. 100–108.
Sinitsyna G. V. Igrekovo I – pamyatnik neolita v Srednem Priob'e [Igrekovo I – Neolithic burial ground in Middle Ob' region]. In: Paleolit i neolit [Paleolithic and Neolithic epoch]. Leningrad, Nauka, 1986, p. 100–108. (in Russ.)
- Чикишева Т. А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
Chikisheva T. A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza [Dynamics of anthropological differentiation of South-Western Siberian population in Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk, IAE Publ., 2012, 468 p. (in Russ.)
- Alt K. W., Pichler S. L.** Artificial Modifications on Human Teeth. In: Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects. Wien, Springer, 1998, p. 387–417.
- Alt K., Türp J.** Hereditary Dental Anomalies. In: Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects. Wien, Springer, 1998, p. 95–128.
- Alt K., Türp J., Wächter R.** Periapical Lesions – Clinical and Anthropological aspects. In: Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects. Wien, Springer, 1998, p. 247–276.
- Caseltz P.** Caries – Ancient Plague of Humankind. In: Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects. Wien, Springer, 1998. p. 206–226.
- Forshaw R.** Dental Indicators of Ancient Dietary Patterns: Dental Analysis in Archaeology. *British Dental Journal*, 2014, vol. 216, p. 529–535.

- Huss-Ashmore R., Goodman A., Armelagos G.** Nutritional Inference from Paleopathology. *Advances in Archeological Method and Theory*, 1982, vol. 5, p. 395–474.
- Keenleyside A.** Dental Pathology and Diet at Apollonia, a Greek Colony on the Black Sea. *International Journal of Osteoarcheology*, 2007, p. 262–279.
- Larsen C. S., Shavit R., Griffin M. C.** Dental Caries Evidence for Dietary Change: An Archeological Context. *Advances in Dental Anthropology*, 1991, no. 10, p. 179–202.
- Murphy E., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsyna M.** Iron Age Pastoral Nomadism and Agriculture in the Eurasian Steppe: Implications from Dental Paleopathology and Stable Carbon and Nitrogen Isotopes. *Journal of Archaeological Science*, 2013, vol. 40, p. 2547–2560.
- Schulz M., Carli-Thiele P., Schmidt-Schulz T., Kierdorf U., Kierdorf H., Teegen W.-R., Kreutz K.** Enamel Hipoplasias in Archeological Skeletal Remains. In: *Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects*. Wien, Springer, 1998, p. 293–312.
- Scott R., Turner C.** Dental Anthropology. *Annual Review of Anthropology*, 1988, vol. 17, p. 99–126.
- Strohm T., Alt K.** Periodontal Disease – Etiology, Classification and Diagnosis. In: *Dental Anthropology: Fundamentals, Limits and Prospects*. Wien, Springer, 1998, p. 229–246.

Материал поступил в редколлегию
Received
04.04.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Сырикова Полина Валерьевна, магистрант Университета Бордо I (cours de la Libération, 351, CS 10004, Talence, 33405, France)
Polina V. Syrikova, Master Student, University of Bordeaux (351 cours de la Libération, CS 10004, Talence, 33405, France)
syrikova96@inbox.ru

Росляков Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Новосибирский государственный краеведческий музей (Красный проспект, 23, Новосибирск, 630099, Россия)
Sergey G. Roslyakov, PhD in History, Leading Researcher, Novosibirsk State Museum of Local History and Nature (23 Krasny Ave., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)
s_roslyakov@museum.nsk.ru

Зубова Алиса Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия), старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
Alisa V. Zubova, PhD in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (3 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation), Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
zubova_al@mail.ru

УДК 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-137-145

Орнаментированная булава – ударное оружие и символ власти военачальника у кыргызов Тянь-Шаня

Ю. С. Худяков^{1,2}, К. Т. Акматов³

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

³ Кыргызско-Турецкий университет Манас
Бишкек, Кыргызская республика

Аннотация

Анализируется булава редкого вида – небольшое железное орнаментированное боевое навершие, закрепленное на длинной деревянной рукояти. Данная булава находится в составе коллекции предметов вооружения, приобретенных музейными сотрудниками в ходе экспедиционных исследований на территории Кыргызстана. В настоящее время коллекция хранится в собрании Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге. В результате проведенных нами работ составлено описание данной булав. Проанализированы некоторые характерные особенности рассматриваемого изделия, позволяющие предполагать его возможное функциональное использование. Прослежены основные события по истории изучения различных видов ударного оружия ближнего боя, имевшегося на вооружении у населения Тянь-Шаня в позднем Средневековье и в Новое время. Выявлено, что навершие этого экземпляра несколько уступает по своим размерам обычным, более крупным, кыргызским булавам. В то же время оно отличается от них своеобразной орнаментацией. Эти особенности позволяют предположить возможность различного функционального использования данной булав – в качестве ударного оружия в ходе рукопашных схваток и в виде символа власти военачальника. Предложено определение хронологии предмета, а именно позднее Средневековье – Новое время.

Ключевые слова

Кыргызстан, позднее Средневековье, Новое время, булава, железное боевое навершие, орнаментация, длинная деревянная рукоять

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 0329-1016-0003).

Выражаем признательность ведущему научному сотруднику Русского этнографического музея И. В. Старостиной за возможность изучить данную редкую находку.

Для цитирования

Худяков Ю. С., Акматов К. Т. Орнаментированная булава – ударное оружие и символ власти военачальника у кыргызов Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 137–145. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-137-145

Ornamental Mace as a Strike Weapon and Symbol of Power of a Military Commander of the Tian Shan Kyrgyz

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, K. T. Akmatov³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

³ Kyrgyz-Turkish Manas University
Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract

Purpose. We analyzed an extremely rare finding of a mace with a small ornamental iron battle top fastened to a long wooden handle. This mace is a part of a collection of armament objects acquired by museum workers in the course of

expeditions on the territory of Kyrgyzstan over the past decades. At present, this collection is stored in the Russian Museum of Ethnography in Saint Petersburg. During the previous historical period, when museum workers had been searching and gathering objects of traditional culture of different peoples on the territory of Central Asia, that finding was acquired together with other characteristic objects of traditional cultures from that region on the territory of Kyrgyzstan. Firstly, it was stored in the Museum of the Peoples of the USSR. We aimed at dating the artifact and identifying its purpose.

Conclusion. We traced primary events in the history of studying different types of close combat strike weapons which were used by Kyrgyz warriors in Tian Shan during the Late Middle Ages and New Time. A result of the research conducted is a description of the ornamental iron battle top and the wooden handle of this mace decorated with carved rhomb ornaments. We date the artifact as belonging to the period of Late Middle Ages – New Time. According to the terms used for such types of weapons, the mace could have been used as a striking weapon; however, its ornamental battle top is of a smaller size than that of traditional maces, so it could have been used as a symbol of power.

Results. We conclude that this mace could have been a strike weapon in the course of close and hand-to-hand combats led by Kyrgyz warriors, but also it could have been used as a symbol of power by military commanders of the Kyrgyz forces.

Keywords

Kyrgyzstan, Late Middle Ages, New Time, mace, strike iron battle top, figuration, long wooden handle

Acknowledgements

The work was conducted within the frameworks of the government-commissioned research project 0329-1016-0003.

The authors would like to thank I. V. Starostina, a leading researcher at Russian Museum of Ethnography, for the opportunity to study this rare find of the Kyrgyz mace.

For citation

Khudyakov Yu. S., Akmatov K. T. Ornamental Mace as a Strike Weapon and Symbol of Power of a Military Commander of the Tian Shan Kyrgyz. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 137–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-137-145

Введение

Важным условием сохранения и этнокультурного развития кыргызского народа в период его проживания на Тянь-Шане и на сопредельных территориях, начиная с переселения из Южной Сибири в эпоху «Кыргызского Великодержавия» в IX–X вв. и вплоть до Нового времени, было его достаточно развитое для того времени военное дело. За прошедшие после решающей победы над уйгурами столетия кыргызам неоднократно приходилось отстаивать свое существование в борьбе с разными внешними противниками. В течение развитого Средневековья они неоднократно оказывались в сфере внешнего воздействия со стороны некоторых центрально-азиатских тюркских и монгольских народов, таких как турфанские уйгуры, кидани, найманы и монголы. В начале II тыс. н. э. кыргызы смогли освоить и заселить лесные районы территории Притяньшанья, известной под названием Моголистан [Бартольд, 1963. С. 513–519]. В мусульманских источниках развитого Средневековья тяньшанских кыргызов называли «дикими львами Моголистана», которые с соседними народами находятся в постоянном противоборстве, непрерывно «воюют и враждуют» [Кыргызы..., 1996. С. 34, 60]. В последующем в течение позднего Средневековья и Нового времени тяньшанским кыргызам приходилось неоднократно противостоять военному давлению со стороны Джунгарского ханства. Соответственно, оружие имело большое значение в комплексе материальной культуры народа.

Целью настоящего исследования является определение функционального назначения сравнительно небольшой булавы, происходящей из собрания Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге, с орнаментированным боевым навершием, закрепленным на длинной деревянной рукояти. Для реализации заявленной цели необходимо проследить основные этапы истории изучения вооружения и военного дела кыргызов в течение второй половины XIX – начала XXI в.; оценить полученные результаты и на этой базе определить характер орнаментации и конструктивные особенности анализируемой булавы. Такое исследование представляется достаточно актуальным, поскольку ранее столь оригинальное оружие данного типа не было объектом целенаправленного оружейведческого исследования (изучались булавы более крупных размеров, увенчанные шипами) [Худяков, Борисенко, 2015. С. 76–79].

История изучения оружия кыргызов Тянь-Шаня

Отдельные сведения о вооружении и военном деле кыргызов Тянь-Шаня Нового времени приводятся в сочинениях и путевых заметках некоторых российских путешественников, ученых и любителей старины, совершивших путешествия в Кыргызстан в XIX в. В дневниковых записях известного казахского ученого, находившегося на российской военной службе, Ч. Ч. Валиханова, имеется описание путешествия на оз. Иссык-Куль, совершенного им в 1856 г. Во время этой поездки он осмотрел и зарисовал кыргызские могилы в долине р. Тюп. К ограде одного из этих погребений был прислонен шест с бунчуком и подвешен сложносоставной лук с натянутой тетивой [Валиханов, 1984. С. 330–331]. В следующем году на оз. Иссык-Куль совершила путешествие российская научная экспедиция под руководством известного географа П. П. Семенова-Тян-Шанского. Ее участники осмотрели некоторые кыргызские надмогильные сооружения, на одном из которых они обратили внимание на изображение всадника с пикой в руках [Семенов, 1946. С. 182–183]. Работавший в составе этой экспедиции И. Бардашов отметил, что в распоряжении кыргызских воинов было довольно много огнестрельного оружия – фитильных ружей конандского ремесленного производства [История..., 1984. С. 611]. Художник экспедиции П. М. Кошаров сделал очень точные рисунки кыргызского огнестрельного и холодного оружия, внешнего вида конных воинов с копьями в руках [Абрамзон, 1953. Отд. III, 3; Отд. IV, табл. VII; Отд. IV, табл. VIII; Тетрадь № 2. Рис. 14]. В 1860-х гг. несколько поездок на Тянь-Шань (в котловину оз. Иссык-Куль и Чуйскую долину) совершил известный ученый-тюрколог В. В. Радлов, который описал способ кочевания, характерный для кыргызов. По его мнению, именно это и было причиной их особой «воинственности» [Радлов, 1989. С. 348].

В конце XIX – начале XX в. информативные сведения об особом «воинском укладе», характерном для кыргызов Тянь-Шаня, были собраны и осмыслены Б. Солтоноевым. В его сочинении повествуется об участии в военных действиях разных возрастных групп кыргызских воинов и рассказывается о некоторых прославленных батырах. Упоминаются разные тактические приемы военных действий. Согласно его реконструкции, кыргызы воевали только в конном строю, применяя луки, ружья, копья, бердыши и дубинки; сабли использовались редко» [Кыргызы..., 1996. С. 402–404]. Вероятнее всего, он называл «бердышами» ударные боевые топоры «ай-балта», крепившиеся на длинных деревянных рукоятях.

Целенаправленное изучение вооружения и военного дела кыргызов Тянь-Шаня в середине XX в. началось после того, как исследователи стали активно привлекать для анализа материалы кыргызского героического эпоса. Существенный вклад в изучение особенностей военного дела кыргызов в результате изучения сказаний «Манас» в 1940-х гг. внес этнограф С. М. Абрамзон, который отметил наличие у них разных родов войск [Абрамзон, 1944. С. 170–171]. В течение последних десятилетий материалы кыргызского героического эпоса стали важным источником для изучения особенностей военного дела кыргызов Тянь-Шаня [Манас, 1994. С. 316–328, 342–350]. Так, охарактеризовав образ главного героя – батыра и военачальника Манаса, исследователь из Кыргызстана С. Мусаев описал разные виды его оружия и доспехов, упоминавшиеся в эпических сказаниях. В их числе особое внимание он уделил гладкой пике Манаса, названной «сырнайза», а также его «живому ружью», изготовленному иранскими мастерами-оружейниками в провинции Исфаган, его мечу и боевому топору «ай-балта», который автор назвал «бердышом». С. Мусаев упомянул также о панцире «ак-колпок» кыргызского богатыря, основа которого была изготовлена супругой Манаса. Среди других атрибутов кыргызского батыра в сочинении этого автора отмечены флаги с полотнищами белого и серого цвета. Имеются в героических сказаниях упоминания и об использовании ручного ударного оружия [Мусаев, 1979. С. 123, 159–161].

В работе А. Садыкова приводились некоторые сведения об изготовлении и использовании кыргызами древкового колющего оружия – пик [1982. С. 51]. И. Б. Молдобаевым изучались сведения о кыргызских боевых знаменах, содержащиеся в сказаниях эпоса «Жаныш

и Байыш» [Молдобаев, 1983. С. 82]. В последующий период этим исследователем были рассмотрены другие виды оружия, упоминающиеся в эпических сказаниях, в том числе боевые топоры кыргызских воинов «ай-балта» [Молдобаев, 1989. С. 122–123]. Проведя сравнительный анализ поэтических образов батыров в эпических сказаниях тюркских и монгольских народов, Р. С. Липец упомянула о поединках воинов на пиках, описанных в кыргызском героическом эпосе «Манас» [Липец, 1984. С. 66].

Некоторые сведения о вооружении и военном деле кыргызов приведены в обобщающих трудах по истории Кыргызстана. В изданном в 1968 г. исследовании по истории Кыргызстана опубликована кольчуга из железных колец, с короткими рукавами, датированная XVI–XVII вв. [История..., 1968. С. 242].

Более подробно вооружение кыргызских воинов описано в издании по истории Кыргызстана 1984 г. По мнению авторов данного раздела, основным оружием дистанционного боя в историческом прошлом были луки и стрелы. В XVIII в. они освоили использование фитильных ружей. В ближнем бою атаковали противника пиками, копьями, саблями, боевыми топорами «ай-балта». Для защиты использовали кожаное защитное покрытие – «ак-колпок», а также кольчуги [История..., 1984. С. 611, 620].

Некоторые проблемы изучения военного дела кыргызов Тянь-Шаня в XVI–XVIII вв. были рассмотрены в книге А. М. Мокеева. Автором приведены сведения из китайских источников XVIII в. о характерных особенностях десятичной системы деления войска и народа у тянь-шанских кыргызов в течение рассматриваемого периода, о возможности сбора войск максимально возможной численности в случае особой необходимости, о делении войска на два крыла и центр, о военных командирах. Среди тактических приемов, применявшихся кыргызскими воинами в ходе военных действий в горных условиях, отмечено проведение разведок и заманивание противника. Упомянуто также и об использовании ружей и пик [Мокеев, 2010. С. 142–146].

Характерные особенности символики копий, бунчуков и знамен были проанализированы Ю. С. Худяковым в совместной работе с А. Ю. Борисенко и Ж. Орозбековой [Худяков и др., 2016. С. 167–173].

О подготовке воинов в ходе проведения у кыргызов традиционных народных игр и спортивных состязаний упоминается в работе Г. Н. Симакова [1990. С. 64–72].

В составе комплекса вооружения кыргызов известны и булавы. Они представлены находками боевых наконечников ударно-дробящего оружия, происходящих с городища Кара-Джигач в Чуйской долине Кыргызстана. Одно из них – бронзовое четырехгранное с выступающими гранеными шипами, укрепленное на шестигранной втулке. Второе – железное, кубической формы с четырьмя угловыми выступами [Камышев, 2004. С. 84, Рис. 1, 2]. Ю. С. Худяковым и А. Ю. Борисенко были описаны железные булавы, хранящиеся в некоторых музейных собраниях Кыргызстана [Худяков, Борисенко, 2015. С. 76–79].

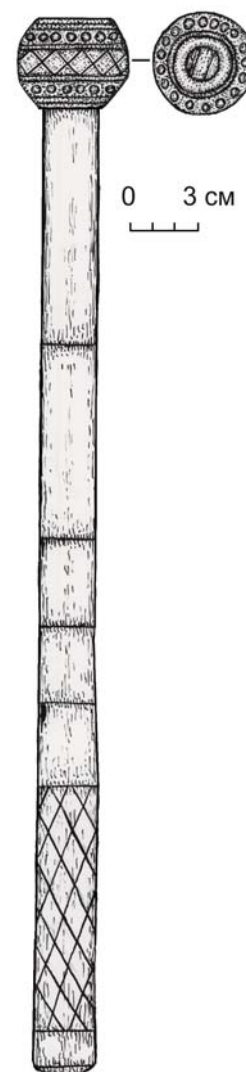
Как можно видеть из приведенных сведений о комплексе вооружения кыргызов, такой вид оружия ближнего боя, как булавы, в целом был малопредставительным. Это могло быть связано с их особым статусом в сфере вооружения, в связи с чем важно вводить в научный оборот появляющиеся новые материалы по данной теме.

Результаты исследований

Разнообразные предметы вооружения кыргызских воинов позднего Средневековья и Нового времени находятся в некоторых музеях Кыргызстана и России. Представительная коллекция кыргызского оружия хранится в Русском этнографическом музее в Санкт-Петербурге. В прошлом эти находки были привезены для Музея народов СССР из экспедиций по Средней Азии. В составе собрания имеются боевые топоры «ай-балта» и небольшая булава с длинной деревянной рукоятью (см. рисунок).

Булава с орнаментированным боевым навершием
и деревянной рукоятью

A mace with an ornamental fighting top
and a wooden handle

Железное навершие булавы представляет собой цилиндрическое изделие со сферическим расширением в средней части и сужением к обоим окончаниям, а также со сквозным округлым отверстием для крепления длинной, округлой в сечении, деревянной рукояти. Длина навершия 5,5 см, диаметр в средней части 4 см. Внешняя поверхность украшена несколькими, полосами орнамента, расположенными перпендикулярно рукояти. В средней, наиболее расширенной части, навершие оформлено неширокой полосой ромбических фигур, соединенных углами между собой. С обеих сторон от нее расположены узкие горизонтальные полосы. С внешней стороны имеются полосы, поверхность которых оформлена рядами небольших окружностей. С обеих внешних сторон окончания отмечены узкие двойные полосы (см. рисунок).

Навершие укреплено на одном из концов длинной, округлой в сечении, деревянной рукояти. Ее длина – 72 см, диаметр – 2,5 см. Рукоять разделена на семь небольших отсеков, каждый из которых составляет в длину от 3 до 7 см. Ближайший к окончанию рукояти отсек украшен сетчатым ромбическим орнаментом.

Обращают на себя внимание сравнительно небольшие размеры предмета. Исследованные в предшествующие годы железные навершия булав кыргызских воинов отличались несколько более крупными размерами, некоторой массивностью и выступающими шипами или дугообразными, находящимися между угловатыми углублениями, ребрами. У железных булав из собраний кыргызстанских музеев «Манас-Ордо» и «Раритет» боевые навершия достигали в диаметре 5,3 см, при высоте шипов у одного из них от 0,3 до 0,9 см. [Худяков, Борисенко, 2015. С. 78].

Обсуждение

Булавы являются одним из самых древних видов оружия ближнего боя. По мнению М. В. Горелика, они использовались в таком качестве у народов Средне-Азиатского региона в течение долгого исторического периода, вплоть до окончания первой четверти I тыс. до н. э. В дальнейшем, по его мнению, они стали служить символами власти военных предводителей. Однако у некоторых кочевых и оседло-земледельческих народов Евразии булавы продолжали использоваться в качестве ударного оружия ближнего боя в течение исторических периодов поздней древности, раннего, развитого и позднего Средневековья [Горелик, 1993. С. 59–60]. Такой же позиции относительно использования булав у некоторых древних племен Северной Азии придерживается и А. И. Соловьев [2003. С. 35].

В пользу достаточно эффективного использования данного вида ударного оружия в ходе ближних боевых столкновений свидетельствуют описания в кыргызском героическом эпосе «Манас» некоторых поединков. Судя по ним, булавы применялись воинами с обеих проти-

воборствующих сторон после того, как были использованы другие средства нападения. В то же время воины могли поражать своих противников булавами, когда те были вооружены мечами. Противостоять ударам вражеских булав воины могли, используя свои щиты, шлемы и доспехи [Манас, 1988. С. 429, 435].

В кыргызских эпических сказаниях представлена разнообразная терминология, служившая для обозначения различных видов булав. Как было определено Р. А. Бейбутовой в ее исследовании по оружейной терминологии, содержащейся в сказаниях эпоса «Манас», такой вид ударного оружия ближнего боя, как «палица» или «дубина», обозначался кыргызским термином «союл». В данном термине отразилось обозначение именно этих названий ручного ударного оружия ближнего боя, в то время как «булавы» назывались другими, хотя и близкими по своему значению терминами – «союл-баш» или «чоюн-баш». Употреблялись кыргызами и некоторые другие названия для обозначения булавы, такие как «курсу» или «тогет-мек» [Бейбутова, 1995. С. 134–135]. Наличие нескольких специальных терминов для обозначения булавы может свидетельствовать в пользу использования кыргызскими воинами данного вида оружия ближнего боя. В то же время особенности описываемой нами булавы, в первую очередь ее малые размеры и оригинальность орнамента, не находят аналогий в археологических материалах и отражения в героическом эпосе.

Заключение

Рассматриваемая находка навершия булавы свидетельствует в пользу предположения об использовании кыргызами вплоть до периода этнографической современности данного вида ударного оружия ближнего боя. В то же время небольшое по размеру и интенсивно орнаментированное навершие, насаженное на орнаментированную же деревянную рукоять, позволяют предполагать, что подобные, специально украшенные, предметы могли рассматриваться и в качестве символа власти кыргызских военачальников.

Список литературы / References

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Тр. Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. 1. С. 167–180.

Abramson S. M. Cherty voennoi organizatsii i tekhniki u kirgizov (po istoriko-etnograficheskim dannym i materialam epasa «Manas») [Characteristics of Military Organization and Tactics of the Kyrgyz People (based on historical and ethnographical data and materials of the Epic of Manas)]. In: Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Kirgizskogo filiala AN SSSR [Writings of Institute of Language, Literature and History of the Kyrgyz Branch of AS of the USSR]. Frunze, 1944, vol. 1, p. 167–180. (in Russ.)

Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857 г.) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 15. С. 148–167.

Abramson S. M. Etnograficheskii al'bom khudozhnika P. M. Kosharova (1857 g.) [Ethnographical Album of Artist P. M. Kosharov (1857)]. In: Sbornik muzeya antropologii i etnografii [Works of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AS USSR Publ., 1953, vol. 15, p. 148–167. (in Russ.)

Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В. В. Соч. М.: Вост. лит., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 471–543.

Bartold V. V. Kirgizy. Istoricheskii ocherk [The Kyrgyz people. A Historical Review]. In: Bartold V. V. Sochineniya [Works]. Moscow, Vostjchnaya literatura Publ., 1963, vol. 2, part 1, p. 471–543. (in Russ.)

- Бейбутова Р. А.** К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 125–137.
- Beibutova R. A.** K istorii nazvanii oruzhiya kirgizskogo voina v epose «Manas» [On the History of Weapon Names Used by Kyrgyz Warriors in the Epic of Manas]. In: Voennoe delo i srednevekovaya arkhologiya Tsentral'noi Azii [Military Science and Medieval Archaeology of Central Asia]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1995, p. 125–137. (in Russ.)
- Валиханов Ч. Ч.** Дневник поездки на Иссык-Куль в 1856 г. // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 306–357.
- Valikhanov Ch. Ch.** Dnevnik poezdki na Issik-Kul 1856 g. [A Journal of a trip to Lake Issyk-Kul in 1856]. In: Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii [Collection of Works]. In 5 vols. Alma-Ata, Kazakhskaya Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1984, vol. 1, p. 306–357. (in Russ.)
- Горелик М. В.** Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Gorelik M. V.** Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n. e.) [Weapons of the Ancient East (from the 4th millennium to the 4th century BC)]. Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.)
- История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. 1. 708 с.
- Istoriya Kirgizskoi SSR [History of the Kyrgyz SSR]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1968, vol. 1, 708 p. (in Russ.)
- История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Т. 1. 798 с.
- Istoriya Kirgizskoi SSR. S drevneishikh vremen do serediny XIX v. [History of the Kyrgyz SSR. From Ancient History to the Middle of the 19th Century]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1984, vol. 1, 798 p. (in Russ.)
- Камышев А. М.** Оружие ближнего боя с городища Кара-Джигач // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 1. С. 83–85.
- Kamyshev A. M.** Oruzhie blizhnego boya s gorodishcha Kara-Dzhigach [Close Combat Weapons from the Ancient Settlement of Kara-Dzygach]. In: Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii [Military Science of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2004, vol. 1, p. 83–85. (in Russ.)
- Кыргызы: источники, история, этнография. Бишкек: Изд-во «Шам», 1996. 524 с.
- Kyrgyzy: istochniki, istoriya, etnografiya [The Kyrgyz People: Sources, History, Ethnography]. Bishkek, Sham Publ., 1996, 524 p. (in Russ.)
- Липец Р. С.** Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.
- Lipets R. S.** Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongolskom epose [Images of a Baghatur and his Horse in the Turkic and Mongolian Epics]. Moscow, Nauka, 1984, 263 p. (in Russ.)
- Манас. Киргизский героический эпос. М.: Наука, 1988. Кн. 2. 689 с.
- Manas. Kirgizskii geroicheskii epos [Manas. The Kyrgyz Heroic Epic]. Moscow, Nauka, 1988, vol. 2, 689 p. (in Kirg., Russ.)
- Манас. Великий поход. Киргизский эпос. 2-е изд. Бишкек: Изд-во «Шам», 1994. 404 с.
- Manas. Velikii pokhod. Kirgizskii epos [Manas. The Great March. The Kyrgyz Epic]. 2nd ed. Bishkek, Sham Publ., 1994, 404 p. (in Russ.)
- Мокеев А.** Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане (этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй половине IX – сер. XVIII в.). Бишкек: Кыргыз.-Тур. ун-т «Манас», 2010. 280 с.
- Mokeev A.** Kyrgyzy na Altaie i na Tyan'-Shane (etapy etnicheskoi i politicheskoi istorii kyrgyzskogo naroda vo vtoroi polovine IX – seredine XVIII v.) [The Kyrgyz People in the Altai Mountains and Tian Shan (stages of ethnical and political history of the Kyrgyz people from the second half of the 9th century to the middle of the 18th century)]. Bishkek, Kirgiz-Tur. Uni. «Manas», 2010, 280 p. (in Russ.)
- Молдобаев И. Б.** Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе: Илим, 1983. 169 с.
- Moldobaiev I. B.** Epos «Janysh i Baiysh» kak istoriko-etnograficheskii istochnik [“Janysh-Baiysh” Epic as a Historical and Ethnographical Source]. Frunze, Ilim Publ., 1983, 169 p. (in Russ.)

- Молдобаев И. Б.** Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1989. 152 с.
- Moldobaiev I. B.** Epos «Manas» kak istochnik izucheniya dukhovnoi kul'tury kyrgyzskogo naroda [The Epic of Manas as a Source of Research on the Spiritual Culture of the Kyrgyz People]. Frunze, Ilim, 1989, 152 p. (in Russ.)
- Мусаев С.** Эпос «Манас». Научно-популярный очерк. Фрунзе: Илим, 1979. 205 с.
- Musaev S.** Epos «Manas». Nauchno-populyarnyi ocherk [The Epic of Manas. Popular science essay]. Frunze, Ilim Publ., 1979, 205 p. (in Russ.)
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Pages of a Diary]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Садыков А.** Героические мотивы в эпосе «Манас». Фрунзе: Илим, 1982. 135 с.
- Sadykov A.** Geroicheskie motivy v epose «Manas» [Epic Motivations in the Epic of Manas]. Frunze, Ilim Publ., 1982, 135 p. (in Russ.)
- Семенов П. П.** Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1946. 256 с.
- Semenov P. P.** Puteshestvie v Tyan'-Shan' 1856–1857 gg. [Travelling to Tian Shan in 1856–1857]. Moscow, Geografiz Publ., 1846, 256 p. (in Russ.)
- Симаков Г. Н.** Народные развлечения и военное воспитание у киргизов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1990. Вып. 2. С. 48–74.
- Simakov G. N.** Narodnye razvlecheniya i voennoe vospitanie u kirgizov [Popular Entertainment and Military Upbringing of the Kyrgyz People]. In: *Ethnograficheskie aspekty traditsionnoi voennoi organizatsii narodov Kavkaza i Srednei Azii* [Ethnographic Aspects of the Traditional Military Organization of the Peoples of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, IE AS USSR Publ., 1990, vol. 2, p. 48–74 (in Russ.)
- Соловьев А. И.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
- Soloviev A. I.** Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do Srednevekov'ya [Weapons and Armor. Siberian Weapons: from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk, INFOLIO-Press Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.** Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 3: Археология и этнография. С. 76–82.
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu.** Iron Maces from the Chuy and Talas Valleys of Kyrgyzstan (from the Collection of the «Manas-Ordo» and «Raritet» Museums). *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, no. 3: Archaeology and Ethnography. p. 76–82. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж.** Символика копий, бунчуков и знамен в традиционной культуре кыргызов Тянь-Шаня и Алая // ЭО. 2016. № 3. С. 162–179.
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova J.** Simvolika kopii, bunchukov i znamen v traditsionnoi kul'ture kyrgyzov Tyan'-Shanya i Alaya [Symbolism of Spears, Tags and Banners in the Traditional Culture of the Kyrgyz People (Tian Shan and Alai)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Digest], 2016, no. 3, p. 162–179. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

11.11.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

khudjakov@mail.ru

ORCID 0000-0002-4741-9971

Акматов Кунболот Токтосунович, кандидат исторических наук, специалист археолого-этнографического музея-лаборатории Кыргызско-Турецкого университета Манас (пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызская республика)

Kunbolot T. Akmatov, PhD in History, specialist of the archeological-Ethnographic Museum-Laboratory of the Kyrgyz-Turkish University Manas (56 Mira Ave., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan)

kunbolot@mail.ru

ORCID 0000-0003-4227-3554

УДК 39

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-146-158

Три сабли с деревянными рукоятями конца XVII – середины XIX века из Национального музея Республики Казахстан

Л. А. Бобров¹, Д. Исмаилов^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

Аннотация

В статье рассмотрены три сабли, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Казахстан (ПМО 3025-1.2, ПМО 6265, ПМО УК 8227) в г. Астана. На основании анализа конструкции и системы оформления установлено, что одна сабля (ПМО 3025-1.2) представляет собой разновидность переднеазиатских шамширов. Клинок с хвостовиком, гарда и деревянные ножны с обоймицами изготовлены иранскими или, менее вероятно, среднеазиатскими оружейниками XVIII – середины XIX в. Деревянная рукоять с заклепками, кожаная обтяжка ножен и металлический наконечник были добавлены уже во время нахождения сабли в музейном собрании. Отличительными особенностями другой сабли (ПМО 6265), происходящей с территории Южного Казахстана, являются относительно небольшой изгиб остроугольного клинка, аутентичная деревянная рукоять и покрывающий эфес кожаный чехол. Сабля изготовлена среднеазиатскими или, менее вероятно, иранскими оружейниками в XVIII – середине XIX в. (в последнем случае, рукоять и чехол выполнены узбекскими или казахскими мастерами). Третья сабля (ПМО УК 8227) сочетает классический «шамширный» клинок и наверхи с деревянной рукоятью с относительно редким вариантом гарды. На основании особенностей конструкции сабля датирована концом XVII – серединой XIX в. При этом монтаж деревянной рукояти был произведен в XIX в. Сабли рассматриваемой серии наглядно иллюстрируют сведения письменных источников о преобладании в казахском комплексе длинноклинового оружия XVIII–XIX вв. импортной продукции (иранского и среднеазиатского производства).

Ключевые слова

Казахстан, XVII–XIX вв., вооружение кочевников, клинковое оружие, сабли, шамширы

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Авторы выражают благодарность заместителю директора НМРК по фондовой деятельности Абаю Каримтаевичу Сагубалдину за возможность ознакомления с рассматриваемыми образцами длинноклинового оружия, а также ведущему научному сотруднику, хранителю оружейной кладовой Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) Денису Александровичу Шереметьеву за консультацию относительно системы крепления «щечек» позднейших сабельных рукоятей.

Для цитирования

Бобров Л. А., Исмаилов Д. Три сабли с деревянными рукоятями конца XVII – середины XIX века из Национального музея Республики Казахстан // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-146-158

Three Sabers with Wooden Hilts of the 17th – mid 19th Centuries from the National Museum of the Republic of Kazakhstan

L. A. Bobrov¹, D. Ismailov^{1,2}

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

Abstract

Purpose. The article provides a detailed description of three sabers with wooden hilts stored in the funds of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (PMO 3025-1.2, PMO 6265, PMO UK 8227), Astana.

© Л. А. Бобров, Д. Исмаилов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Results. Based on the structural analysis of the items and their design, we identified that Saber 1 from the NMRC (PMO 3025-1.2) is one of the varieties of Persian Shamshirs. The blade with the shank, garda and a wooden sheath with hoop could have been made by Iranian or, less likely, Central Asian armorers in the 18th – middle of the 19th centuries. The wooden hilt with rivets, leather-covered scabbard and a metal tip were added while the saber was in the museum collection. A distinctive feature of Saber 2 of NMRC (PMO 6265), which originates from the territory of Southern Kazakhstan, is a relatively small bending of an acute-angled blade, an authentic wooden hilt and a leather case covering the hilt. The last two elements are not typical for products of Persian craftsmen but are quite often found on the weapons of the Uzbek and Kazakh soldiers of the New Age. According to the construction and design we conclude that Saber 2 could have been made by Central Asian, or, less likely, Iranian armorers in the 18th – mid 19th centuries (in the latter case, the hilt and the cover might have been made by Uzbek or Kazakh masters). Saber 3 (ПМО УК 8227) combines the classic “shamshirs” blade and a pommel with a wooden hilt and a relatively rare version of the guard. Based on the design features, the saber is dated to the end of the 18th – mid 19th centuries. The fastening system of its “cheeks” indicates that the wooden hilt might have been made and added in the 19th century.

Conclusion. The weapons of the series under review vividly illustrate the data from written sources on the prevalence of sabers with long blades imported from Iran and Central Asia among Kazakh soldiers during the 18th – 19th centuries.

Keywords

Kazakhstan, nomadic weapons, bladed weapons, sabers, shamshirs

Acknowledgements

The work was conducted within the frameworks of the government-commissioned research project 33.5677.2017/8.9. The authors would like to thank the stock activity deputy director of the NMRC Abay K. Satubaldin for the opportunity to get acquainted with the samples of long bladed weapons considered, and a leading researcher, keeper of the weapons storage room of the Russian Ethnographic Museum (St.-Petersburg) Denis A. Sheremet'ev for his advice on the mounting system of the “cheeks” of the later saber hilts

For citation

Bobrov L. A., Ismailov D. Three Sabers with Wooden Hilts of the 17th – mid 19th Centuries from the National Museum of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 146–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-146-158

Введение

Согласно данным письменных, изобразительных и фольклорных источников сабля являлась важным элементом комплекса вооружения состоятельных казахских воинов позднего Средневековья и Нового времени [Кушкumbaев, 2001. С. 67–69; Ахметжан, 2007. С. 98–103; Большой атлас..., 2008. С. 489; Бобров, Пронин, 2012. С. 572, 577]. Однако всестороннее изучение данной темы невозможно без продолжения исследования особенностей конструкции и системы оформления подлинных образцов длинноклинкового оружия казахов Казахстана из археологических памятников, а также музейных и частных собраний. Таким образом, введение в научный оборот новых профильных вещественных материалов представляет собой важную и актуальную научную задачу.

В фондах Национального музея Республики Казахстан (далее НМРК) хранятся несколько единиц длинноклинкового оружия, которые соотносятся с комплексом вооружения тюркских воинов Центральной Азии позднего Средневековья и Нового времени. Данные сабли, шашки, палаши отличаются оригинальными элементами конструкции, а также нестандартной системой декоративного оформления, что представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, военных историков и этнографов. Изучение данных образцов позволяет уточнить некоторые особенности формирования и эволюции комплекса вооружения населения Казахстана XVII–XIX вв. [Бобров, Исмаилов, 2016. С. 203–208].

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о трех таких саблях из собрания НМРК (номера хранения ПМО 3025-1,2, ПМО 6265, ПМО УК 8227). Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции рассматриваемых сабель, зафиксировать особенности их декоративного оформления, уточнить датировку и атрибуцию. Для облегчения восприятия материала мы обозначим их, как сабля 1, сабля 2 и сабля 3 (рис. 1–3 соответственно).

*Рис. 1. Сабля ПМО 3025-1, 2:
1, 2 – общий вид; 3 – фрагмент клинка; 4, 5 – рукоять; 6 – фрагмент ножен
(фото Д. Исмаилова)*

*Fig. 1. Saber PМО 3025-1, 2:
1, 2 – general form; 3 – fragment of the blade; 4, 5 – hilt; 6 – fragment of the scabbard
(photo by D. Ismailov)*

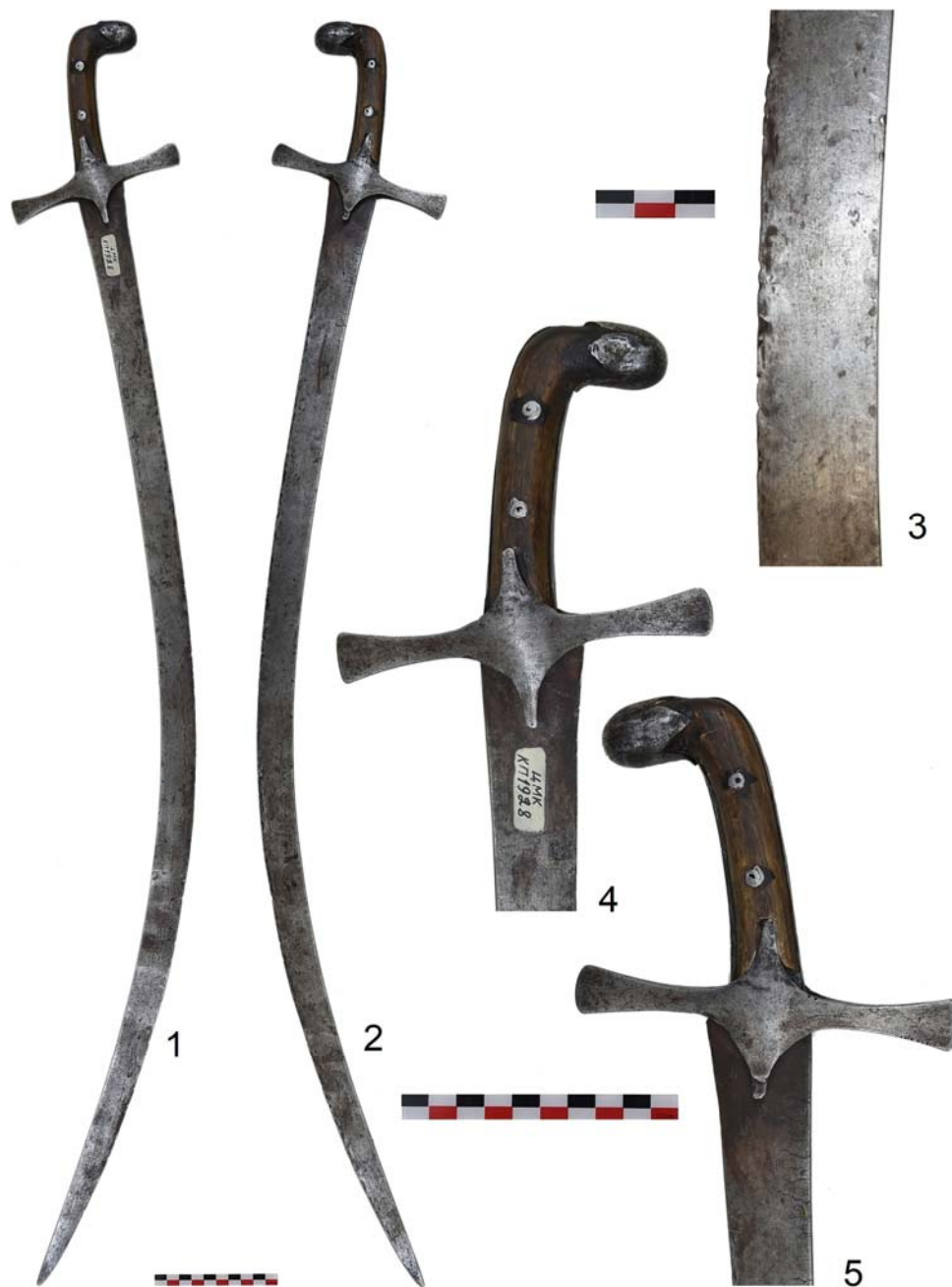

Рис. 2. Сабля ПМО 6265):

1, 2 – общий вид; 3 – фрагмент клинка; 4, 5 – рукоять
(фото Д. Исмаилова)

Fig. 2. Saber PMO 6265:

1, 2 – general form; 3 – fragment of the blade; 4, 5 – hilt
(photo by D. Ismailov)

*Рис. 3. Сабля ПМО УК 8227:
1, 2 – общий вид; 3 – фрагмент клинка; 4, 5 – рукоять
(фото Д. Исмаилова)*

*Fig. 3. Saber PMO UK 8227:
1, 2 – general form; 3 – fragment of the blade; 4, 5 – hilt
(photo by D. Ismailov)*

Черно-белые фотографии «сабли 2» и «сабли 3» (в одной проекции) были впервые опубликованы К. С. Ахметжаном в 2007 г. и атрибутированы, как «казахские сабли из коллекции ЦГМ РК и ПЦК РК» [Ахметжан, 2007. С. 103, рис. 75, 3, 4]. Однако ни один из указанных образцов длинноклинкового оружия еще не становился объектом специального научного исследования.

Результаты исследований и обсуждение

По форме сабельной полосы все рассматриваемые экземпляры относятся к сильноизогнутым клинкам с остроугольным острием. Между собой сабли различаются размерами, особенностями конструкции и системы оформления.

По результатам изучения документации установлено, что первоначальным местом хранения сабли 1 являлся Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ЮКОИМК) в г. Чимкент. 27 июля 2000 г. главный хранитель фонда ЮКОИМК Р. И. Бекталиева передала ее «на постоянное хранение» в Президентский центр культуры Республики Казахстан (Астана), откуда сабля и поступила в фонды НМРК. Согласно Акту № 12 от 14 июля 2001 г., сабля 1 (ПМО 3025-1,2) была приобретена у Р. Е. Сейсекеновой и описана сотрудниками НМРК следующим образом: «Кылыш кынымен – сабля в ножнах. Металл, дерево, кожа, резьба по дереву. Коррозия, конец клинка утрачен, лезвие иззубрено, крестовина ослаблена, ножны растрескались, конец ножен утрачен, кожаное покрытие ножен утрачено»¹. В другом описании той же сабли, выполненном на казахском языке, содержится ряд важных уточнений: «На ослабевшей железой основе рукояти есть отверстия от гвоздей фиксировавших саму рукоять. Эфес сабли сделан в виде креста. Эфес ослаблен... Ножны сделаны из дерева, обтянуты кожей. Кожа сохранилась только на конце ножен. В остальной части кожи нет. Ножны выструганы из двух дощечек, изнутри углублены. Для прочной фиксации снаружи обтянуты кожей. На поверхности дерева с правой стороны выгравированы геометрические орнаменты. На деревянные ножны закреплены две железные обкладки (обоймицы) копиевидной формы. Эти обкладки служили для укрепления ножен и привязки шнура. Кончик ножен разделен. И на этой части кончика сохранилась обтянутая кожа. На конце ножен, возможно, был металлический наконечник»².

Сопоставив данное описание с нынешним состоянием сабли, необходимо отметить, что оружие подверглось реставрационным работам с элементами реконструкции, которые будут более подробно рассмотрены далее (см. рис. 1).

По сравнению с двумя другими аналогами сабля 1 обладает наименьшей общей длиной, но при этом самым широким и массивным клинком (см. таблицу). Последний не имеет елмани, орнамента, клейм, рисунков или надписей. Поверхность полосы патинирована, поэтому определить структуру металла затруднительно (см. рис. 1, 1–3). По косвенным данным можно предположить, что она изготовлена из обычной стали. Почти прямой у рукояти клинок начинает сильно изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы (см. рис. 1, 1, 2). Лезвие имеет незначительные повреждения.

Эфес состоит из рукояти и гарды (см. рис. 1, 4, 5). Рукоять простая, без декора и инкрустации. Навершие изгибается под прямым углом, что придает всей конструкции характерную Г-образную форму. Рукоять сабли образуют две деревянные «щечки», которые крепятся к черену (хвостовику) с помощью трех пар металлических заклепок, одна из которых расположена на навершии рукояти, а две другие – у верхнего уса перекрестья и у основания навершия. Деревянная поверхность «щечек» тщательно обработана. Металлический наконечник на навершии рукояти отсутствует. Крестообразная гарда выполнена из стали, патинирована. Горизонтальные стержни крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются миниатюрными головками в виде железных шариков. Характерной особенностью оформления гарды являются очень узкие лопасти перекрестия.

¹ Акт № 12 от 14.07.2001 г.

² Перевод с казахского Д. Исмаилова.

Сабли из собрания Национального музея Республики Казахстан
(размеры в мм)

Sabers from the collection of the National Museum of the Republic of Kazakhstan
(dimensions in mm)

Параметры	Сабля 1 (ПМО 3025/1,2)	Сабля 2 (ПМО 6265)	Сабля 3 (ПМО УК 8227)
Длина сабли наибольшая (от навершия рукояти до острия)	840	860	905
Длина клинка (от основания лезвия до острия)	765	740	780
Ширина / толщина клинка у рукояти	35/6	30/5	35/5
Ширина / толщина клинка в центральной части	28/5	25/4	27/4
Ширина / толщина клинка на расстоянии 20 мм от острия	11/3	18/2	11/2
Длина рукояти (от навершия до конца перекрестия)	110	110	110
Ширина рукояти (соответствует ширине хвостовика)	25	25	25
Длина крестовины	130	120	140
Длина перекрестия	68	—	65
Длина ножен	765	—	—
Ширина ножен возле устья	46	—	—
Ширина ножен в центральной части	50	—	—
Ширина ножен на расстоянии 20 мм от окончания ножен	30	—	—
Длина наконечника ножен	110	—	—
Глубина выреза на наконечнике ножен	70	—	—
Ширина петель для темляка	20	—	—
Расстояние между петлями	145	—	—

Ножны состоят из двух деревянных плашек, обтянутых черной кожей, стык которой выведен на тыльную сторону (см. рис. 1, 1, 2, 6). На поверхности плашки, формирующей лицевую поверхность ножен, вырезан растительный орнамент в виде нескольких прямых и изогнутых линий, образующих две пары трехлепестковых цветочных бутонов, обращенных венчиками друг к другу (рис. 1, 6). Устье ножен оформлено удлинено-трапециевидными вырезами под нижнюю лопасть перекрестия сабельной гарды. Прибор ножен состоит из двух стальных обоймиц и двухчастного наконечника. Обоймицы миндалевидной формы дополнены овальными петлями для пасовых ремней (см. рис. 1, 1, 2, 6). Нижний конец ножен снабжен длинным кожаным конусовидным наконечником, украшенным заклепками с металлическими шляпками. Поверх кожаного насажен более короткий стальной наконечник с остроугольными вырезами. По своему оформлению он не гармонирует с другими элементами сабеля и ножен (рис. 1, 1, 2).

Анализ конструкции сабли позволяет отнести ее к одному из вариантов переднеазиатских «шамширов» [Холодное оружие..., 2006. С. 206; Khorasani, 2006. P. 424–429, 432–439, 446–452, 454–483, 485–487, 492–495, 498, 499, 501–553; Armaments..., 2008. P. 142; Бобров, Ше-

реметьев, 2013. С. 226, 227; Кулаков и др., 2013. С. 91; Фролов, 2009. С. 33; Хайдаков, 2013. С. 48, 107]. Основное отличие от большинства эталонных образцов заключается в относительно редкой шарообразной форме головок крестовины гарды, а также материале «щечек» рукояти, которые изготовлены не из рога или кости, а из дерева. Последний элемент совершенно не типичен для иранских «шамширов» [Anthony, 2003. Р. 204; Khorasani, 2006. Р. 424–554; 2010. Р. 487–506; Alexander, 2015. Р. 182, 183], однако часто встречается на изделиях среднеазиатских и казахских оружейников [Бобров, Пронин, 2012. С. 575, 578; Милосердов, 2016. С. 380]. Тем не менее данный фактор не может учитываться при атрибуции рассматриваемой сабли, так как, по всей видимости, деревянная рукоять была установлена на нее уже в период нахождения в музейном собрании. Согласно паспорту оружия, «на ослабевшей железой основе рукояти есть отверстия от гвоздей, фиксировавших саму рукоять...» (см. выше), т. е. хвостовик был лишен заклепок и, вероятно, «щечек». Достоверно установить материал, из которого они были выполнены (рог, кость, дерево), а также наличие в первоначальной комплектации сабли металлического навершия рукояти, не представляется возможным.

Конструкция и система оформления гарды, клинка, обоймиц и планок ножен позволяют предположить, что сабля была изготовлена персидскими или, значительно менее вероятно, среднеазиатскими мастерами XVIII – середины XIX в. Схожие по конструкции и оформлению сабли хранятся в музейных собраниях России, Ирана, Республики Казахстан и в частных коллекциях [Холодное оружие..., 2006. С. 206; Ахметжан, 2007. С. 103; Хайдаков, 2013. С. 48, 107]. Что касается ножен, то они также встречаются среди иранских материалов, происходящих, в том числе, с территории Казахстана. Так, например, очень близкое оформление имеют хранящиеся в РЭМ (№ 8761-137556) сабельные ножны от иранского шамшира, принадлежавшего казахскому воину Младшего жуза второй половины XVIII – середины XIX в. [Бобров, Шереметьев, 2013. С. 229, 240, 241].

В завершение обзора сабли 1 необходимо еще раз подчеркнуть, что данный образец длинноклинкового оружия был подвергнут реставрации с элементами реконструкции. Некоторые элементы рукояти и ножен были добавлены к сабле уже в период нахождения в музейном собрании. К их числу относятся деревянные «щечки» и заклепки рукояти, металлический наконечник и кожаная обтяжка ножен (возможно, за исключением кожаного наконечника). Данный факт необходимо учитывать при дальнейшей работе с этим оружейным комплектом.

Сабля 2 (см. рис. 2) поступила в собрание НМРК из фондов ПЦКРК, куда она, в свою очередь, была передана из Южно-Казахстанского музея в г. Чимкент (прежн. инв. № КП 760, Акт № 3 от 15 ноября 2004 г.). От описанного выше экземпляра рассматриваемая сабля отличается меньшей длиной и кривизной клинка (см. таблицу), а также оригинальным оформлением эфеса.

Клинок стальной, цельнокованый, без елмани, орнамента, клейм, оригинальных рисунков или надписей³. Поверхность полосы сильно патинирована (рис. 2, 1–3). Почти прямой у рукояти клинок начинает постепенно изгибаться в центральной части и приобретает максимальной кривизну в нижней трети сабельной полосы (см. рис. 2, 1, 2). Лезвие имеет многочисленные повреждения: выбоины, зазубрины и сколы (рис. 2, 3). Некоторые из них могут быть атрибутированы, как следы ударов о твердую поверхность. Конец клинка обломан, однако геометрия изгиба сходящихся лезвия и обуха указывает на то, что он имел остроугольную форму (рис. 2, 1, 2).

Эфес клинка состоит из рукояти и гарды (рис. 2, 4, 5). Г-образная рукоять, снабженная деревянными «щечками»⁴, покрыта двухчастным чехлом из органического материала (предположительно, тщательно выделанной кожи). Образующие его лопасти сшиты тонким кожаным ремешком по торцам рукояти. Чехол имеет значительные повреждения, в том числе разрезы, разрывы и утери отдельных фрагментов лопастей. Вероятно, первоначально, он по-

³ Надписи краской были нанесены уже в период пребывания сабли в музейных собраниях.

⁴ Деревянные фрагменты рукояти видны в разрывах кожаного чехла, покрывающего эфес.

крывал не только рукоять, но и большую часть гарды. В пользу данного предположения свидетельствует сохранившееся органическое покрытие на одном из стержней крестовины (рис. 2, 4, 5). Установить особенности оформления навершия рукояти (ввиду наличия чехла) не представляется возможным. Цельнометаллическая гарда, предположительно, имеет крестообразную форму и гладкую поверхность. Горизонтальные стержни крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются миниатюрными головками в виде массивных шляпок, отделенных от основной части крестовины выпуклыми ободками⁵. Нижняя лопасть перекрестья имеет удлиненно-трапециевидную форму. Гарда повреждена – отогнута (наклонена) в сторону обуха клинка.

По всей видимости, в отличие от предыдущего экземпляра сабля 2 сохранила оригинальную конструкцию и систему оформления эфеса, включая деревянные «щечки» и кожаный чехол.

Форма гарды этой сабли сближает ее с классическими переднеазиатскими шамширами. Однако в позднем Средневековье и раннем Новом времени гарды указанного образца получили распространение во многих регионах мусульманского Востока. Чехол из бархата, атласа, кожи и других органических материалов являлся характерным элементом оформления среднеазиатских и казахских сабель Нового времени [Царскосельский арсенал, 2000. С. 27; Ахметжан, 2007. С. 103, рис. 75, 1, 4; Бобров, Пронин, 2012. С. 575, рис. 1, 3, 9, 10; Образцов, 2015. С. 152]. Так, например, чехлом из вытертого синего бархата снабжена хивинская (или кокандская) сабля середины XIX в. из собрания Государственного Эрмитажа, подаренная императору Александру II кокандским ханом Саидом Мухаммедом Худояр-ханом в 1868 г. [Образцов, 2015. С. 152]⁶. Вырезной, украшенный растительным орнаментом, кожаный чехол покрывает гарду среднеазиатской сабли XVIII в. из собрания Царскосельского арсенала [Царскосельский арсенал, 2000. С. 27] и т. д.

Неярко выраженный изгиб клинка, деревянная рукоять и наличие чехла на эфесе позволяют отнести саблю к числу изделий среднеазиатских оружейников XVIII – середины XIX в. Несколько менее вероятно, что сабля была изготовлена иранскими мастерами, однако и в этом случае чехол и деревянные «щечки» указывают на факт ее использования жителями Казахстана и (или) Мавераннахра⁷. Владельцем сабли мог быть состоятельный казахский или узбекский воин.

Сабля 3 (см. рис. 3) имеет наибольшую общую длину и самый длинный клинок (см. таблицу). Последний изготовлен из стали и, как в двух предыдущих случаях, не имеет елмани, орнамента, клейм, оригинальных надписей⁸. Спуски клинка незначительно выпуклые. Почти прямой у рукояти клинок начинает резко изгибаться в центральной части и приобретает максимальную кривизну в нижней трети сабельной полосы. На рабочей части лезвия и у острия фиксируются повреждения – выбоины и сколы (см. рис. 3, 1–3).

Сабельный эфес состоит из рукояти и гарды (см. рис. 3, 4, 5). Навершие рукояти изгибается под прямым углом, что придает всей рукояти характерную Г-образную форму. Выполненные из дерева «щечки» тщательно отшлифованы. Они крепятся к хвостовику с помощью двух свернутых в трубку металлических листов, пропущенных через сквозные отверстия черена и «щечек» и расклепанных по обеим сторонам рукояти. Один из фиксаторов расположен ближе к навершию, а второй – возле уса перекрестья. Листы расклепаны на поверхности

⁵ По своей конструкции головки крестовины представляют собой переходный вариант от шляпковидных к шаровидным.

⁶ Данная сабля снабжена шамширным клинком, выполненным иранскими оружейниками в конце XVIII в. [Образцов, 2015. С. 152].

⁷ Характерно в данной связи, что, по данным музейных сотрудников, сабля происходит с территории Южного Казахстана.

⁸ Надписи на правой стороне клинка были нанесены уже в период пребывания сабли в музейных собраниях. На левой стороне клинка, у острия, зафиксирована С-образная гравировка (?). Однако определить обстоятельства ее появления на оружии не удалось.

«щечек» таким образом, что образуют характерные спирали, украшающие эфес⁹. Стыки «щечек» (по торцу рукояти) перекрыты массивными металлическими пластинами. Стальной наконечник навершия выполнен в виде наперстка, край которого оформлен четырьмя остроугольными фестонами-лепестками.

Крестообразная металлическая гарда имеет гладкую поверхность, на которой фиксируются многочисленные повреждения: насечки, сколы, царапины, разрывы металла. Горизонтальные стержни перекрестия расширяются к концу, образуя характерные удлинненно-трапециевидные лопасти (см. рис. 3, 4, 5). Благодаря тому, что гарда несколько отогнута (наклонена) в сторону обуха, видна трапециевидная выемка на «щечках», предназначенная для верхних стержней перекрестия.

Форма клинка позволяет отнести его к одной из разновидностей шамширов. Однако конструкция эфеса имеет симбиотический характер. Если Г-образная рукоять и наперстковидное навершие действительно близки классическим шамширам [Холодное оружие..., 2006. С. 206, 207, 210; Khorasani, 2006. Р. 437, 454, 482, 491, 521, 522, 540, 547, 551; Анисимова, 2013. С. 163; Восточное оружие..., 2013. С. 150, 151, 154, 155], то деревянные «щечки» указывают на возможное участие в монтажке эфеса мастеров Средней Азии или Казахстана. Что касается гарды сабли, то она восходит к крестообразным гардам Средневековья и раннего Нового времени [Ленц, 1908. Т. 8, фото А. 9; Горелик, 2002. С. 64. Рис. 14; 19; Государева Оружейная палата, 2002. С. 154–157; Khorasani, 2006. Р. 435, 436; Художественное оружие..., 2010. С. 117, рис. 244; Кулаков и др., 2013. С. 47; Заблоцкий, 2014. С. 201; Двуреченский, 2015. С. 56, рис. 12, 1; Rivkin, Isaac, 2017. Р. 90, 144, 149, 153; Курмановский, 2018. С. 37, илл. 6]. При этом позднейшие аналоги подобных гард (часто весьма богато оформленные) применялись в комплекте с сильноизогнутыми клинками (в том числе с клинками шамширов) до XVIII – середины XIX в. включительно [Астацатурян, 2002. С. 113, 114; Шедевры..., 2004. С. 123; Холодное оружие..., 2006. С. 190; Khorasani, 2006. Р. 461, 470, 477; 2010. Р. 487; Художественное оружие..., 2010. С. 96, рис. 162; Hilmi Aydin, 2012. Р. 197; Анисимова, 2013. С. 163; Восточное оружие..., 2013. С. 142, 143, 162, 163; Кулаков и др., 2016. С. 88; Заблоцкий, 2014. С. 246; Rivkin, 2015. Р. 187–190; Хайдаков, 2016. С. 107, 158].

По совокупности признаков сабля 3 может быть атрибутирована как изделие иранских или среднеазиатских мастеров. Наиболее вероятной датой изготовления ее металлических элементов следует признать конец XVII – середину XIX в. В том случае, если сабля была изготовлена в Иране, монтаж типичных для Средней Азии деревянных «щечек» был, вероятно, осуществлен уже на территории Мавераннахра или Казахстана. Конструкция фиксаторов пластин в виде скрученных металлических листов позволяет предположить, что монтажка деревянных «щечек» рукояти была произведена в XIX в.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что сабли из собрания НМРК позволяют уточнить состав и некоторые особенности развития комплекса длинноклинкового оружия кочевников Казахстана Нового времени. Собранные материалы подтверждают данные письменных источников о том, что значительная масса клинков и готовых сабель ввозилась в регион с территории Ирана и Средней Азии. Однако казахские кочевники творчески перерабатывали импортное оружие, дополняя иностранные клинки оригинальными типами сабельных рукоятей.

⁹ Согласно данным старшего научного сотрудника, хранителя оружейной кладовой РЭМ (Санкт-Петербург) Д. А. Шереметьева, подобное конструктивное решение характерно для позднего и недорогого клинкового оружия (кавказских кинжалов и др.). Вероятно, оно стало широко применяться после того, как листовой металл стал доступен и дешев.

Список литературы / References

- Анисимова М. А.** Оружие Востока XV – первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.
- Anisimova M. A.** Oruzhie Vostoka XV – pervoi poloviny XX veka: iz sobraniya Voennno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi [Eastern Weapons of the 15th – First Half of the 20th Centuries from the Collection of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2013, 527 p. (in Russ.)
- Аствацатурян Э. Г.** Турецкое оружие. СПб.: ООО Изд-во Атлант, 2002. 336 с.
- Astvatsaturyan E. G.** Turetskoe oruzhie [Turkish Weapons]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2002, 336 p. (in Russ.)
- Ахметжан К. С.** Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкітап, 2007. 216 с.
- Akhmetzhan K. S.** Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of the Traditional Kazakh Weapons]. Almaty, Almatykitap Publ., 2007, 216 p. (in Russ.)
- Бобров Л. А., Исмаилов Д. М.** Сабли тюркских кочевников XVIII–XIX вв. из фондов Национального музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея Атырауской области // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 203–210.
- Bobrov L. A., Ismailov D. M.** Sabers of the Turkic Nomads of the 18th – 19th Centuries from the Funds of the National Museum of the Republic of Kazakhstan and the Local History Museum of the Atyrau Region. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 203–210. (in Russ.)
- Бобров Л. А., Пронин А. О.** Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 2. С. 572–581.
- Bobrov L. A., Pronin A. O.** Tipologiya kazakhskikh sabel' XVI – serediny XIX v. [The Typology of the Kazakh Sabers of the 16th – Mid 19th Centuries]. In: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [The Cultures of Eurasia Steppe and their Interaction with Ancient Civilizations]. St. Petersburg, IIMK RAN, Periferiya Publ., vol. 2, p. 572–581. (in Russ.)
- Бобров Л. А., Шереметьев Д. А.** Сабли казахских воинов из фондов Российского этнографического музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 7: Археология и этнография. С. 223–245.
- Bobrov L. A., Sheremet'ev D. A.** Sabers of the Kazakh Soldiers from the Funds of the Russian Museum of Ethnography. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 223–245. (in Russ.)
- Большой атлас истории и культуры Казахстана.** Алматы: Abdi company, 2008. 880 с.
- Bol'shoi atlas istorii i kul'tury Kazakhstana** [A Big Atlas of the History and Culture of Kazakhstan]. Almaty, Abdi company Publ., 2008, 880 p. (in Russ.)
- Восточное оружие в частных собраниях.** СПб.: Русская коллекция, 2013. 368 с.
- Vostochnoe oruzhie v chastnykh sobraniyakh** [Eastern Weapons in Private Collections]. St. Petersburg, Russkaya kollektsiya Publ., 2013, 368 p. (in Russ.)
- Горелик М. В.** Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.
- Gorelik M. V.** Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Tatar Armies in the 10th – 14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons]. Moscow, Vostochnyi gorizont Publ., 2002, 84 p. (in Russ.)
- Государева Оружейная палата.** СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Gosudareva Oruzheynaya palata** [Tzar's Armory]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2002, 408 p. (in Russ.)
- Двореченский О. В.** Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Государственный музей-заповедник Куликово поле, 2015. 498 с.
- Dvurechenskii O. V.** Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov [Cutting Weapon of the Moscow State in the 15th – 17th Centuries]. Tula, State Museum-Reserve Kulikovo pole Publ., 2015, 498 p. (in Russ.)

Заблоцкий В. Сабли мира. М.: АСТ, 2014. 263 с.

Zablotskii V. Sabli mira [Sabers around the World]. Moscow, AST Publ., 2014, 263 p. (in Russ.)

Курмановский В. С. К вопросу о происхождении сабель «ордынок» // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. М.: БуксМарт, 2018. Вып. 1. С. 30–39.

Kurmanovskii V. S. K voprosu o proiskhozhdenii sabel' «ordynok» [On the Origin of “Ordynka” Sabers]. In: Istoricheskoe oruzhie v muzeinykh i chastnykh sobraniyakh [Historical Weapons in Museum and Private Collections]. Moscow, BuksMART Publ., 2018, iss. 1, p. 30–39. (in Russ.)

Кулаков О., Сарычев М., Воронцов М., Гвоздевич А. Холодное оружие донских казаков. Воронеж: Казачий стан, 2013. 260 с.

Kulakov O., Sarychev M., Vorontsov M., Gvozdevich A. Kholodnoe oruzhie Donskikh kazakov [Cutting Weapons of the Don Cossacks]. Voronezh, Kazachii stan Publ., 2013, 260 p. (in Russ.)

Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

Kushkumbaev A. K. Voennoe delo kazakhov v XVII–XVIII vekakh [Kazakh Military Art in the 17th – 18th Centuries]. Almaty, Daik-Press Publ., 2001, 172 p. (in Russ.)

Ленц Э. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия императорского Эрмитажа. СПб.: [б. и.], 1908. 156 с.

Lents E. Al'bom izobrazhenii vydayushchikhsya predmetov iz sobraniya oruzhiya imperatorskogo Ermitazha [Album of Outstanding Items from the Collection of Weapons of the Imperial Hermitage]. St. Petersburg, 1908, 156 p. (in Russ.)

Милосердов Д. Ю. Типология рукоятей сабли шамшир. Определение региональности шамширов при помощи формы и остеологических материалов рукояти // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. Ч. 3. С. 370–386.

Miloserdov D. Yu. Tipologiya rukoyatei sabli shamshir. Opredelenie regional'nosti shamshirov pri pomoshchi formy i osteologicheskikh materialov rukoyati [Typology of Shamshir Hilts. Determining the Regional Characteristics of Shamshirs according to the Form and Osteological Materials of the Hilt]. In: Voina i oruzhie. Noveye issledovaniya i materialy [War and Weapon. New research and materials]. St. Petersburg, VIMAIVIS Publ., 2016, pt. 3, p. 370–386. (in Russ.)

Образцов В. Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. 232 с.

Obraztsov V. N. Oruzhie Vostoka v sobranii Ermitazha [Weapons of the East in the Hermitage Collection]. St. Petersburg, State Ermitazh Publ., 2015, 232 p. (in Russ.)

Фролов Б. Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар: Диапазон-В, 2009. 320 с.

Frolov B. E. Kholodnoe oruzhie kubanskikh kazakov [Cutting Weapons of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, Diapazon-V Publ., 2009, 320 p. (in Russ.)

Хайдаков К. С. Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. М.: Барс, 2013. 215 с.

Khaidakov K. S. Shamshiry. Starye sabli i tainy drevnikh masterov [Shamshirs. Old Sabers and Secrets of Ancient Masters]. Moscow, Bars Publ., 2013, 215 p. (in Russ.)

Хайдаков К. С. Персидские сабли. Некоторые вопросы атрибуции. М.: Фронткнига, 2016. 160 с.

Khaidakov K. S. Persidskie sabli. Nekotorye voprosy atributsii [Persian Sabers. Some Issues of Attribution]. Moscow, Frontkniga Publ., 2016, 160 p. (in Russ.)

Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб.: ИП МАК, 2006. 248 с.

Kholodnoe oruzhie v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Cutting Weapons in the Collection of the Russian Museum of Ethnography]. St.-Petersburg, IP MAK Publ., 2006, 248 p. (in Russ.)

Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. 272 с.

Khudozhestvennoe oruzhie iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki [Artistic Weapons from the collection of the State Hermitage. An Exhibition Catalogue]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2010, 272 p. (in Russ.)

- Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. СПб.: Издательство Атлант, 2004. 320 с.
- Shedevry i raritety klinkovogo oruzhiya iz fondov muzeev Sankt-Peterburga, khudozhestvennykh masterskikh i chastnykh kollektsii [Masterpieces and Rarities of Bladed Weapons from the Collections of Museums in St. Petersburg, Art Workshops and Private Collections]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2004, 320 p. (in Russ.)
- Царскосельский арсенал. СПб.: Изд. дом «Балтика», 2000. 135 с.
- Tsarskosel'skii arsenal [The Tsarskoye Selo Arsenal]. St. Petersburg, Baltika Publ., 2000, 135 p. (in Russ.)
- Alexander D. G.** Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 2015, 336 p.
- Anthony C. Tirri.** Islamic Weapons. Magrib to Moghul. New York, Indigo Publishing, 2003, 483 p.
- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008, 264 p.
- Hilmi Aydin.** Sultanların Silahları. Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu. Ankara, Topkapı Sarayı Publ., 2012, 227 p. (in Turk.)
- Khorasani M. M.** Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen, Legat-Verlag GmbH & Co. KG, 2006, 776 p.
- Khorasani M. M.** Lexicon of Arms and Armor from Iran. Tubingen, Legat Publ., 2010, 560 p.
- Rivkin K.** Arms and Armor of Caucasus. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 2015. 328 p.
- Rivkin K., Isaac B.** A Study of the Eastern Sword. Mankato, 2017, 360 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
14.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Bobrov Leonid A., Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanities; Associate Professor of the Department of Archaeology and Ethnography at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

spsml@mail.ru
 ORCID 0000-0001-5071-1116

Исмаилов Данияр, младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, аспирант кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), младший научный сотрудник Национального музея Республики Казахстан (пр. Тәуелсіздік, 54, Астана, 010000, Казахстан)

Ismailov Daniyar, junior researcher at the Laboratory for Humanities at Novosibirsk State University, Postgraduate Student of the Department of Archaeology and Ethnography at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), junior researcher at the National Museum of the Republic of Kazakhstan (54 Tauelsizdik Ave., Astana, 010000, Kazakhstan)

ismailov dm@mail.ru
 ORCID 0000-0002-0211-4103

УДК 393

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-159-171

Семантика традиционной погребально-поминальной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XIX – первая половина XX века)

В. В. Николаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена реконструкции традиционной погребально-поминальной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая и ее семантики. Источниковой базой исследования стали полевые материалы автора и других участников этнографических экспедиций АлтГУ 2001–2004 гг., дополненные архивными данными. Смерть человека и успешный переход его души из земного в иной мир требовали соблюдения комплекса обрядов и обычаев, наполненных символизмом. Члены семьи усопшего и социум в целом через обрядовые практики поддерживали цикличность жизни, обеспечивая благополучный переход души умершего в иной мир и защиту живых в опасный период. Погребально-поминальный комплекс включал три этапа: подготовительный, когда тело умершего омывали и одевали, изготавливали «новый» дом и инвентарь; собственно похороны и поминки.

Ключевые слова

Алтай, конец XIX – первая половина XX в., кумандинцы, тубалары, челканцы, погребально-поминальные обряды, семантика

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР XII.186.3 (проект № 0329-2018-0006 «Традиционное мировоззрение народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений»)

Для цитирования

Николаев В. В. Семантика традиционной погребально-поминальной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XIX – первая половина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 159–171. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-159-171

Semantics of Traditional Funeral Rites of the Indigenous Population in the Northern Altai Foothill (Late 19th – First Half of 20th Century)

V. V. Nikolaev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article reconstructs traditional funeral memorial rituals of the indigenous peoples inhabiting the Northern Altai foothills (the Kumandins, the Tubalars and the Chelkans) and its semantics.

Results. The funeral memorial rituals included three stages: preparation of the deceased for the ritual, funeral and commemoration. The preparatory period for transition to another world included washing the body, dressing, preparing a new “house” for the deceased (coffin, deck, grave, frame, platform, etc.) and preparing the accompanying equipment (things and food needed on the way to another world). The burial day began with the preparation of the burial site at sunrise. In the middle of the day, the relatives carried the body of the deceased out of the house, mourned and made their way to the dead person’s new “house”. At the burial site, the participants of the procession said goodbye and buried the body. This day culminated in the commemoration of the deceased and purification of the participants of the ritual at sunset. The commemoration stage was accompanied with meetings, feeding and seeing off the soul of the dead person.

© В. В. Николаев, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Conclusions. Death determined the onset of the transition period for the deceased. A successful transition of the soul from one world to another had to be ensured by the correct performance of a complex of rites and rituals. At the same time, rituals were aimed at preserving the lives of living relatives and protecting the society. Elements of the rites had a symbolic character. Ritual practices were intended to ensure the cyclical nature of life. Influence of Russian and Orthodox traditions on indigenous Altai population led to transformations of the funeral and memorial rites and rituals. At the same time, the semantics of the rituals stayed the same and passed on from generation to generation.

Keywords

Altai, late 19th – first half of 20th century, Kumandins, Tubalars, Chelkans, funeral and memorial rites, semantics

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program XII.186.3 (project 0329-2018-0006 “Traditional worldview of the peoples of Siberia: ways of sustainability and change”)

For citation

Nikolaev V. V. Semantics of Traditional Funeral Rites of the Indigenous Population in the Northern Altai Foothill (Late 19th – First Half of 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 159–171. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-159-171

Введение

Изучение погребально-поминальной обрядности коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) началось в XIX в. В это время появились работы Г. Гельмерсена [1840], А. М. Горохова [1840], миссионера В. И. Вербицкого [1993]. В конце столетия северные алтайцы привлекли внимание и представителей науки – Н. М. Ядринцева [1881], А. В. Адрианова [1886] и др. В начале XX в. в местах расселения кумандинцев и челканцев побывали Н. Б. Шерр [1903] и К. Хильден [2000]. Большинство сведений, собранных исследователями дореволюционной России, касались материальной культуры коренного населения региона. Сведения относительно обрядов жизненного цикла носили во многом фрагментарный характер.

Более систематическими исследования традиционной культуры стали в советское время. Н. А. Баскаковым [1958; 1966; 1978; 1985], Л. П. Потаповым [1974; 1991] и другими исследователями были собраны сведения по материальной и духовной культуре кумандинцев, тубаларов и челканцев. В этот период издаются монографии Ф. А. Сатлаева по кумандинцам [1974], Е. М. Тошачевой по родильной и погребально-поминальной обрядности северных алтайцев [1978], в 1990-е гг. Е. П. Кандараковой по духовной культуре челканцев [1999], статьи В. Д. Славнина по погребальному обряду кумандинцев [1990], Г. Б. Сыченко [2000] и Д. А. Функа [2002] о челканских обычаях, сопровождавших похороны. По тубаларам к настоящему времени так и не было опубликовано ни одной монографии, а статьи Е. А. Бельгибаева [2004] не исчерпывают проблемы.

Целью данной работы является реконструкция традиционной погребально-поминальной обрядности кумандинцев, тубаларов и челканцев и ее семантики. В основу исследования положен полевой материал, полученный автором и другими участниками этнографических экспедиций АлтГУ в 2001–2004 гг. в населенных пунктах Красногорского и Солтонского районов Алтайского края и Турочакского района Республики Алтай (хранится в МАЭ АлтГУ¹), дополненный архивными данными из Государственного архива Алтайского края.

Предпохоронная обрядность

В представлениях коренного населения предгорий Северного Алтая о смерти и загробном существовании умерших ярко проявилась вера в двойника не только самого человека, но и погребенных с ним животных, различных вещей и предметов, которые служили покойному на новом месте обитания в тех же формах и для тех же целей, что и при жизни на земле. Усопшие на том свете продолжали рождаться и расти, заниматься хозяйством (земледелием,

¹ Ф. 1. П. 1, 3, 6, 11, 12.

охотой), выкуриванием араки и т. д. [Потапов, 1991. С. 150; Славнин, 1994. С. 64; 1990. С. 134].

Автохтоны предполагали наличие входа-отверстия в мир предков – *ол черте*, *ол черзя*, *ол чер* у кумандинцев и челканцев (букв.: та земля), *ары дьол* – у тубаларов (букв.: по ту сторону). Они считали, что загробный мир находится на двойнике нашей планеты *чер сюрюнде*, за небом и за Кудаем (*техри сыртында*) [Баскаков, 1966. С. 104; 1985. С. 180, 221; Славнин, 1994. С. 64; 1990. С. 134]. Для алтае-саянских шаманистов были характерны верования в трехчленность и многослойность мира [Потапов, 1991. С. 139, 141].

После смерти человека *тын* уходит из него (как пар, как мотылек). В таком случае говорили: *тын узюлпарды* (букв.: дыхание оборвалось) или *улюнь*. *Сюръ* или *сюрну* – название двойника человека после смерти, вещественной материализации *чула*, которая затем превращалась в *узют*, т. е. в посмертную, внеземную форму *кут*, определяемую в страну предков. Слово *узют* со значением «мертвец», «покойник» известно в средневековых письменных источниках. Это значение сохранилось и у кумандинцев. Они различали *узют* до переселения в иной мир и после. В первом случае он считался опасным для живых родственников покойного, а во втором нет. Причину смерти связывали с деятельностью злых духов (*кудерб-е-аза* и *кудертгиш-аза*), которых посылал к неугодному человеку забрать его душу Эрлик (глава подземного мира) с разрешения Ульгения. Душа доставлялась в подземный мир, где над ней творился суд. Во избежание опасности приносились жертвы Эрлику и его помощникам [Баскаков, 1978. С. 110; Потапов, 1991. С. 31, 54, 257; Сатлаев, 1974. С. 150–151, 163; Славнин, 1990. С. 134–135; Сыченко, 2000. С. 125; Шерр, 1903. С. 112]².

Представления об аде и рае, Эрлике, как главе страны умерших, появилось позднее, под воздействием христианства. Влиянием православия Л. П. Потапов [1991. С. 31] объяснял и появление обобщенного названия верховного божества – Кудай (от перс. *khuda*). По данным же Н. А. Баскакова [1958. С. 35], термин *кудай* был заимствован из таджикского или персидского языка в среднетюркскую эпоху (X–XV вв.).

Таким образом, представления коренного населения предгорий Северного Алтая были во многом идентичны и имели древнетюркские корни. При этом отмечались более поздние напластования под влиянием мировых религий, в частности христианства.

Со смертью человека начиналась подготовка покойного (*усрхан*, *улькан*, *калган*) к дороге в иной мир. Заранее к такому событию не готовились, так как считалось, что этим можно навлечь преждевременную гибель. Трагическое событие накладывало на соплеменников охранительные ограничения. Пока в доме находился покойник, в гости не приходили. Члены семьи, где случилось несчастье, также были ограничены в свободе передвижения по деревне. При встрече с ними соседи их сторонились. С наступлением сумерек запрещалось выходить на улицу³.

На всех окнах и у двери на ночь клали железные вещи, например топор или нож, и зажигали свечу. Пчелиный воск считался священным, чистым продуктом. Это делалось для того, чтобы в дом не проник дух усопшего. Так делали в течение семи суток, если умершей была женщина, а если мужчина – то в течение девяти ночей. В доме закрывались все предметы, способные отражать, например зеркало (*кусунге*). Пока тело находилось в доме, родственники и близкие покойника ночью не спали, тихо разговаривали, понемногу пили араку. Считалось, что *узют* рядом, поэтому, готовясь пить, каждый из присутствующих окунал в свою чашку безымянный палец и стряхивал его три раза, говоря: «*Менг ичкеным, сага чедым болзун*» («Что я выпью, пусть тебе достанется») [Сатлаев, 1974. С. 162; Славнин, 1990. С. 135–136; Ядринцев, 1881. С. 18]⁴.

Сразу после смерти 2–3 старших родственника или ровесника обмывали тело покойного (мужчину – мужчины, женщину – женщины). Вначале усопший находился в сидячем поло-

² МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2.

³ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10; 1. К. 22; 23; 26. Л. 6–7; 3; 4.

⁴ Там же. К. 22; 23. Л. 6–7; 3.

жении, а затем его укладывали на лавку (*орынак*). Обмывали обязательно теплой водой (*сеок чунтан*). После этого воду (*суунъан*), которая считалась грязной, выливали за ограду, где не ходили люди. Во время данного обряда «обмывальщики», для того чтобы покойнику было хорошо в загробном мире, что-то наговаривали [Славнин, 1990. С. 135]⁵. У челканцев, в отличие от кумандинцев, в прошлом были люди, специализировавшиеся на обмывании умерших [Кандаракова, 1999. С. 152].

В случае если умершим был младенец, то его обмывала мать. Затем его укутывали в тряпки и, положив в колыбель, уносили в лес. Если же возраст ребенка превышал один год, то его вместе с колыбелью клали в могилу одного из родителей. Девочкам в таком случае обязательно заплетали 9–12 косичек (*чурмеч*) и украшали бубенчиками [Тоцакова, 1978. С. 154]⁶. Видимо, погребение ребенка с одним из родителей практиковалось лишь в ситуации их одновременной смерти.

После того, как покойника обмыли, кумандинцы его одевали, во что придется. Для умершего шамана специально шили одежду [Назаров, 2004. С. 12]⁷. По данным В. Д. Славнина [1990. С. 135], на усопшего надевали любую его одежду, кроме новой. С нее спарывались пуговицы. Обувь и пояс не завязывали. По другой информации, для покойного выбирали лучший костюм. Тубалары и челканцы поступали иначе: труп зашивали в шубу [Адрианов, 1886. С. 187]. В прошлом челканцы хоронили умершего босым [Кандаракова, 1999. С. 153].

Осуществив вышеперечисленные действия, тело отошедшего в мир иной человека клали на лавку. Правую руку определяли на животе у основания ребер, левую – вытягивали вдоль туловища. Предполагалось, что в правой руке *узют* должен держать *ульге* (предначертанное), в котором был обозначен весь его жизненный путь. С этим он должен был предстать перед Кудаем и предками на «великом суде» (*улук чаргыда*). На лавку в изголовье ставили чашку с несоленым талканом и небольшой туесок с аракой, а также черепок с воском и льняным фитилем. В таком положении умерший оставался два дня до погребения [Сатлаев, 1974. С. 162; Славнин, 1990. С. 135]. Пока усопший находился в доме, делали гроб (*карчак*, *карт*, *чайан* – кум., *жайан*, *каршак* – челк.) из необработанных рубанком досок пихты (*кизбе*), кедра (*чурук*, *кусух*), сосны (*шибе*) или осины (*аспак*) [Баскаков, 1985. С. 159; 1972. С. 220; Николаев, 2003. С. 366; Хильден, 2000. С. 91]⁸. У каждого сеока было свое родовое дерево. Для сеока чедыбер, например, таким деревом являлся кедр. Только из него можно было изготавливать гроб для покойного [Славнин, 1990. С. 134–135].

Сбитый из дерева «ящик» не обшивался и состоял из собственно гроба и крышки. Позднее богатые люди, видимо, копируя русский обычай, стали также обшивать гроб черной тканью (*кара тавар*)⁹. Традиции изготовления гроба, возможно, предшествовало использование колоды. Для ее изготовления при помощи топора и тесла бревно раскалывали пополам, а затем выбирали середину. Одна половинка служила для умершего «гробом», а вторая – крышкой [Бельгибаев, 2004. С. 16; Славнин, 1990. С. 135].

Дно гроба или колоды кумандинцы застилали старой одеждой усопшего (челканцы – белой тканью и сухими березовыми листьями или стружкой), а оставшуюся одежду дарили на память друзьям. Сыну из одежды ничего не оставляли: «*Терлек кишмты – азе таналарден баланы*» («Одежду давать – к сыну злые духи привяжутся») [Кандаракова, 1999. С. 153; Славнин, 1990. С. 135–136]. Затем в «ящик» перекладывали тело. Как и в предыдущих обрядах, родственники в этом не принимали никакого участия. Запрещалось даже дотрагиваться

⁵ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 1; 11. Оп. 7; 1. К. 32; 21. Л. 4, 23; 1–2; 3–4.

⁶ Там же. П. 1; 6. Оп. 7; 2. К. 32; 24. Л. 4, 23; 2.

⁷ Там же. П. 11. Оп. 10, 11. К. 35. Л. 9–10.

⁸ Там же. П. 1; 6. Оп. 7; 2. К. 32; 24. Л. 4, 23; 2.

⁹ Там же. П. 6. Оп. 3. К. 9. Л. 2.

до гроба, в противном случае в 40–50 лет могла заболеть поясница [Кандаракова, 1999. С. 153; Славнин, 1990. С. 135]¹⁰.

Спорным является участие шамана в предпохоронной обрядности. По мнению Л. П. Потапова [1991. С. 154] и В. Д. Славнина [1990. С. 366], представитель религиозного культа принимал участие лишь в проводах души усопшего на сороковой день. По другой информации, его специально приглашали, чтобы изгнать злой дух из тела покойного [Николаев, 2003. С. 366].

В случае смерти принявшего православную веру челканца «над умершим... нельзя было камлать», т. е. шамана не приглашали¹¹. Из этого можно сделать вывод, что, видимо, в противоположной ситуации (если умер «язычник») камлание было необходимой частью погребального обряда.

Перед камланием вся посуда в доме переворачивалась вверх дном, для того чтобы душа умершего не спряталась. Рядом с телом человека ставили блюда с блинами и другой пищей, а также высокие туюски, в которых шаман замешивал тесто и впоследствии стряпал лепешки. Во время камлания кам бил себя веником с ленточками или березовой веточкой (*садырлак*), держа ее в левой руке, по правой стороне груди. Он ритмично двигался и вел «разговор» с покойным о том, как он умер, почему и т. д. Считалось, что если шаман сильно рыдает, то, значит, жалеет усопшего. После завершения обряда родственникам сообщались результаты: удалось ли изгнать злого духа. Камлание проводилось в присутствии родственников отошедшего в мир иной (в противном случае терялся смысл действий кама), либо, по другим сведениям, без свидетелей [Николаев, 2003. С. 366]¹².

Погребение

День похорон (у кумандинцев на второй день после смерти, а у челканцев на третий) становился последним моментом, когда сородичи могли увидеть своего родственника или соседа. На похороны (*ульхан*) собиралось все мужское население села, а также жена и мать усопшего или дальние родственницы. Остальные женщины и дети не присутствовали [Кандаракова, 1999. С. 153; Сатлаев, 1974. С. 162; Славнин, 1990. С. 136]¹³. Подготовка начиналась с восходом солнца, когда несколько человек отправлялись копать могилу. Завершалось все «проводами» духа умершего на тот свет точно с закатом, символизируя ход человеческого бытия от рождения до «ухода в иной мир» [Славнин, 1991. С. 199].

Могилу (*ире, кишесёке, могони, ора могузюну, оро, сёклер*) копали в длину и в глубину в рост человека, в направлении с востока на запад. Заранее не было принято ее рыть, так как могильную яму нельзя было оставлять пустой на ночь. Кладбища (*кижи сеоги*), возникшие в конце XIX – начале XX в. под влиянием православия, находились на холмах или других возвышенных местах, потому что в низинах вода, а покойник не должен был лежать в ней. Родственников хоронили в один ряд [Кандаракова, 1999. С. 160; Сатлаев, 1974. С. 163; 1993. С. 135; Хильден, 2000. С. С. 91]¹⁴. Ранее же, до появления кладбищ, место захоронения выбирали родственники [Кандаракова, 1999. С. 160]¹⁵.

На отсутствие специально отведенных мест для захоронения покойников указывает, например, то, что в прошлом кумандинцы иногда покидали жилище после захоронения своего родственника [Гельмерсен, 1840. С. 258]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения¹⁶.

¹⁰ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 1. Оп. 7. К. 32. Л. 4, 23.

¹¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 80. Л. 74 об.

¹² МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 1; 6; 11. Оп. 9; 3; 1. К. 20; 49; 11; 27. Л. 43; 37; 2; 3–4.

¹³ Там же. П. 3. Оп. 4. К. 33. Л. 4, 5.

¹⁴ Там же. П. 11. Оп. 10. К. 17. Л. 1.

¹⁵ Там же. П. 12. Оп. 1. К. 39.

¹⁶ Там же. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19.

В полдень тело в гробу выносили головой вперед люди, копавшие могилу, и клали на телегу (*абра*) или сани (*шанак*). Крышку гроба (*чаяным крышка*) прибавали у могилы [Кандаракова, 1999. С. 160; Николаев, 2003. С. 366]¹⁷.

По другим данным, выносили ногами вперед, лицом на юг (традиционная ориентация двери в жилищах кумандинцев южная или юго-восточная) во второй половине дня (*кунтуш кыйпарганда*) и устанавливали на скамье во дворе. Здесь присутствующие прощались с усопшим. «Ящик» накрывали крышкой и по концам стягивали обручами из черемуховых прутьев [Сатлаев, 1974. С. 162; Славнин, 1990. С. 136]¹⁸. После выноса покойника на окно ставили стакан с водой и хлебом. Воду периодически меняли, хлеб оставался тот же, а через сорок дней воду выливали, а хлеб скармливали скотине¹⁹.

Присутствующие женщины оплакивали (*сыгыт*) покойника (как взрослого, так и младенца). Стоя у гроба, они складывали ладони вместе, подносили их к лицу и негромко причитали, низко кланяясь в сторону гроба [Тошакоева, 1978. С. 153]. Обряд *сыгыт* присутствовал и у челканцев. Горечь утраты (*кереестенжит*) выражали не только женщины, но и мужчины [Кандаракова, 1999. С. 154; Сыченко, 2000. С. 117; Функ, 2002. С. 252].

Обряд оплакивания имеет древние корни. В китайских династийных летописях сообщалось, что перед входом в дом, где лежал покойник, гость надрезал ножом свое лицо и плакал. Таким образом он поступал семь раз [Бичурин, 1950. С. 230]. Слово *сыгыт* (*syuyt*) встречается в древнетюркских рунических надписях [Потапов, 1991. С. 152].

После прощания с усопшим процессия отправлялась к месту погребения, возглавляемая лошадью, запряженной в сани или волокушу (*ат сорткузи*, *ат тарбаши агаи*) из березовых или пихтовых жердей, на которых закреплялся гроб. Лошадь должна была идти сама, а участники двигались за ней следом. В случае бедности семьи тело умершего к могиле могли донести на руках или похоронить под окном [Сатлаев, 1974. С. 163; Славнин, 1990. С. 136]²⁰.

Доставив к могиле, гроб ставили на черенки лопат (подробнее о типах захоронения у северных алтайцев см.: [Николаев, 2005]), затем начинали его опускать в яму изголовьем на запад (*кун ашчинза*). Каждый из присутствующих брал комья земли (обязательно глину – не гумусированную почву) и бросал в могилу три раза, проходя по три раза с южной стороны на запад, север и восток, т. е. по ходу солнца [Бельгибаев, 2004. С. 16; Славнин, 1990. С. 136–137, 143]²¹. По данным же Ф. А. Сатлаева [1974. С. 163], прощальные круги делали по завершении всех обрядов, когда уходили.

После того, как каждый из участников бросил горсти земли, гроб оказывался присыпанным. Обручи-стяжки перерубали и могилу закапывали. Черенки лопат вытаскивали, ломали и оставляли у места погребения. Таким же образом поступали с жердями волокуши или саними, что было связано с верованиями в их возрождение в «другой земле». С собой уносили лишь железные части. С проникновением христианства на Алтай на могилах стали ставить деревянный крест (*крест*) и оградку (*читын*) [Кандаракова, 1999. С. 160; Потапов, 1991. С. 150; Сатлаев, 1974. С. 163; Славнин, 1990. С. 137]²².

Установка креста на могиле связана с влиянием православия. Так, миссионер Созоповской миссии Стефан Борисов отмечал в 1902 г., что после крещения Мочоан Осиповой (в крещении Татьяна) жительница аила Кобия вскоре умерла. Ее некрещеный муж Бойдон похоронил жену в стороне от дороги на опушке леса и рядом водрузил крест по образцу поставленного среди аила. Кроме того, через сорок дней прислал священнику один рубль

¹⁷ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3; 6. Оп. 4; 3; 2. К. 33; 9; 24. Л. 4–5; 2; 2.

¹⁸ Там же. П. 6. Оп. 3. К. 9. Л. 2.

¹⁹ Там же. П. 3. Оп. 6. К. 30. Л. 6–7.

²⁰ Там же. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7.

²¹ Там же. П. 1; 6; 11. Оп. 7; 2. К. 32; 24; 21. Л. 4, 23; 2; 1–2.

²² Там же. П. 12. Оп. 1. К. 39.

с просьбой отслужить литургию по ее душе. Последнее, по замечанию С. Борисова, было редким явлением даже среди крещеных²³.

Несколько слов следует сказать о сопроводительном инвентаре. В «ящик» с усопшим клали нож, лук, стрелы, кресало, трут, трубку и кисет с табаком. Считалось, что в ином мире умерший будет пользоваться этими вещами, а еда необходима в длинной дороге в страну предков [Бельгибаев, 2004. С. 16; Кандаракова, 1999. С. 153; Славнин, 1990. С. 135; Хильден, 2000. С. 91]²⁴. Кроме перечисленного, кумандинцы и челканцы рядом с головой или на груди покойника оставляли туес, в котором находилось по три пирога с салом без соли, картофелины, яйца и куски хлеба [Кандаракова, 1999. С. 153]²⁵. Иногда рядом с могилой погребали костяк коня или его отдельные кости [Бельгибаев, 2004. С. 16; Назаров, 2004. С. 15; Славнин, 1990. С. 138].

В случае погребения шамана (обычно в тайге) бубен (*тор*) и колотушку (*тонак*) его сын или брат вешал рядом на пихту или на березу [Хильден, 2000. С. 91]²⁶. Представители сеока чедыбер так не поступали, поскольку каждое дерево – «двойник» человека, а для шамана из него уже изготовили домовину. Остальные вещи тут же сжигались [Славнин, 1990. С. 143]. По другим данным, с шаманом обязательно клали спички и палочку, которой он камлал²⁷. Подобные существенные расхождения в действиях по отношению к вещам умершего кама, видимо, объясняются процессами изменения в погребальном обряде северных алтайцев в целом и, в частности, способов захоронений (постепенный переход к подземному типу погребений).

После захоронения присутствующие женщины (дальние или близкие родственницы погребенного) угощали всех аракой или *орткой* (то же самое, что *абыртка* – напиток из ячменного *талкана*, заквашенного на солоде). Напиток наливали в деревянную чашку *чуйчой*. Прежде чем выпить, совершали угощение-кропление умершему (*узют*): напиток из чашки выливали на могилу через тыльную сторону руки (от себя). Съедалось жертвенное мясо коня (в редких случаях) [Сатлаев, 1974. С. 163; Славнин, 1990. С. 136–138].

По окончании всех обрядов у места захоронения возвращались в том же порядке, в каком шли к могиле: впереди «вольная лошадь», а за ней все участники похорон. Если лошадь была не смирной, то ее вели в поводу. Один из старших родственников рвал пучок травы, бросал ее на холмик и, не оглядываясь, что было запрещено всем, уходил вслед за другими. Навстречу им оставшиеся дома выносили теплую воду, и все участники похорон мыли лицо и руки, а также окуривались можжевельником (*арчин*). Руки сушили у большого костра, на котором варилось мясо для поминальной трапезы [Кандаракова, 1999. С. 160; Сатлаев, 1974. С. 149, 163; Славнин, 1990. С. 137].

Поминальная обрядность

После захоронения покойника наступал период поминок усопшего. Поминальные обряды и обычаи, с одной стороны, символизировали уважение и внимание к нему родственников и односельчан, с другой стороны, отражали страх людей перед смертью, стремление защититься от нее.

В то время, пока умершего человека хоронили, женщины, оставшиеся в деревне, готовили пищу к поминальной трапезе (*ульхан*). Кололи лошадь, варили мясо, расставляли столы и скамьи во дворе (летом) или в доме (зимой и в ненастье) [Кандаракова, 1999. С. 160; Славнин, 1990. С. 137]²⁸.

²³ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 23. Л. 12–15.

²⁴ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 6. К. 30. Л. 6–7.

²⁵ Там же. П. 11. Оп. 1; 10. К. 21; 23. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Оп. 9, 11. К. 36. Л. 1–2.

²⁷ Там же. П. 3. Оп. 4. К. 33. Л. 4–5.

²⁸ Там же. П. 12. Оп. 1. К. 39.

Позднее обязательными блюдами стали блины (*плинесайчлар*) и кисель. Появление данных блюд на столе кумандинцев указывает на русское влияние. Если семья была бедной, то на поминальный обед соседи приносили свою еду. Сначала за стол садились мужчины, затем женщины и только после них дети. Последними кушали родственники покойного. Каждый гость должен был попробовать все блюда и только потом встать из-за стола [Николаев, 2003. С. 366]²⁹.

По данным В. Д. Славнина [1990. С. 137], в поминальном обеде должны были принимать участие все члены рода или, по крайней мере, породы (*кезек*), а также односельчане. За столы, как и на свадебном пиру, рассаживались в строгой последовательности: первыми занимали места люди, обмывавшие (*чункан*) и одевавшие (*тонан*) усопшего. Затем садились те, кто делал домовину, копал могилу и т. д. Далее следовали остальные мужчины и лишь после них – женщины. На поминках не пели песен, нельзя было разговаривать громко. Поминая умершего, называли его *ол киж* (тот человек). Вспоминали о его добрых поступках при жизни, а плохое не упоминали.

Расположение гостей на поминальном обеде у тубаларов было аналогичным. Отличие состояло лишь в том, что действо происходило за забором, на улице³⁰.

Челканцы только со второй половины XX в. под влиянием русских людей начали устраивать поминальный обед. Не практиковались и поминки, но на сороковой день обязательно отправляли дух умершего в иной мир [Кандаракова, 1999. С. 161]³¹. Е. М. Тощакова [1978. С. 156] также отмечает, что обычай кумандинцев и тубаларов посещать могилы родственников с целью совершения поминальных обрядов – более позднее явление.

В первые три ночи никто в доме не спал, горели восковые светильники. В доме в это время находились родственники. В силу вступали многочисленные запреты. В течение годового траура в доме усопшего не разрешалось петь песни, плясать, приходить в гости или самим посещать соседей. В это время вдовцы и вдовы, их дети не могли играть свадьбу. Запрещалось покупать лошадь или корову, так как считалось, что с животным может проникнуть в дом злой дух. Нельзя было строить новый дом. Не одобрялось посещение могил близких, особенно молодыми людьми, или частое вспоминание умершего, так как считалось, что потревоженные духи могли наслать болезнь или смерть [Кандаракова, 1999. С. 161; Славнин, 1990. С. 137, 142]³².

В период между погребением и проводами духа считалось, что *узют* странствовал по местам, где бывал при жизни. Он обходил всех своих родственников, искал повсюду свои остриженные волосы и ногти, без которых Кудай не принимал его на *улук чаргы* (великий суд). Временами он возвращался к своей могиле и к своему дому. В это время был возможен «контакт» с умершим родственником во сне. Покойник мог сообщить, что не до конца была соблюдена обрядность (например, забыли положить в могилу нужные на том свете вещи). В этом случае оплошность исправлялась: вещи уносили на могилу и сжигали, удовлетворяя просьбу усопшего [Кандаракова, 1999. С. 161; Славнин, 1990. С. 139].

Верхние кумандинцы устраивали поминки по умершему на сороковой день (*абыс ком-ныр*), а нижние – на седьмой [Славнин, 1990. С. 137]³³. По данным А. В. Адрианова [1886. С. 186], поминки (*канак*) проводились на шестой день, а Ф. А. Сатлаев [1974. С. 163] указывал, что они имели место на девятые сутки. В отличие от кумандинцев, челканцы могли устроить поминки на шестой, девятый, четырнадцатый или сороковой день после смерти, а тубалары – на девятый и сороковой [Адрианов, 1886. С. 186; Хильден, 2000. С. 89]³⁴. По мнению Е. М. Тощаковой [1978. С. 154], поминки на девятый и сороковой день появились

²⁹ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 3. Оп. 5. К. 32. Л. 6–7.

³⁰ Там же. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19.

³¹ Там же. Оп. 1. К. 26. Л. 4.

³² Там же. Оп. 9, 11; 10. К. 19; 22. Л. 6–7.

³³ Там же. П. 12. Оп. 1. К. 39.

³⁴ Там же. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19.

под влиянием христианства. Как видно, именно эти дни являлись общими для всех коренных групп населения. С другой стороны, разнообразие дней поминовения усопших у северных алтайцев объясняется сложными этногенетическими процессами в рассматриваемом регионе.

На поминки каждый приходил с туеском араки без солода, из которого по чашке выливали в общий туес, а пищу (по кусочку мяса, лепешек и т. д.) откладывали в особую чашку. «Большой родовой кам с бубном» (*наан тостух кам торлю*) или, в крайнем случае, «средний» шаман (*орто камлар ырбыкчи*), пользовавшийся специальной плетью (*ырбык*), очищал дом (*уг арытан*) и провожал духа на тот свет. Для этого окуривались можжевельником или горной туей, переложёнными лентами бересты, все присутствующие, а затем углы, подпечье, сени жилища [Адрианов, 1886. С. 186; Сатлаев, 1974. С. 163–164; Славнин, 1990. С. 137; Хильден, 2000. С. 89–90]³⁵.

Выпроводив дух усопшего из дома, все, кроме детей до 14 лет, во главе с шаманом отправлялись к месту погребения. С собой брали араку и пищу. По прибытии молодые женщины готовили то, что при жизни кушал умерший, остальные участвовали в камлании. Жерди волокуши, черенки лопат, оставлявшиеся у могилы после погребения, использовались для разведения костра. В первую очередь *тос* кама (главный дух-покровитель) пленял *узют*, который вернулся к могиле. Выяснялось, не забрал ли он чей-нибудь *кут* (последнее случалось часто). Если все было благополучно, то шаман доставлял *узют* с конем на суд к Кудай Ульгеню, используя для этого одного из своих духов (*энчилер*), превращённого родовыми покровителями в *ылмыс* (комета или метеор).

Перед отъездом к творцу дух покойника устами кама обращался ко всем присутствующим: одному предсказывал судьбу, другому сообщал о сроке смерти и т. д. Затем *узют* отправлялся в другой мир. Шаман повествовал о тяжелой дороге по Млечному Пути (*Ак Чолыла Узютердинг* – белый путь *узютов*) к Кудай. Представ перед ним, дух усопшего «отчитывался» о своих добрых и злых делах, о причине смерти и т. д. Если человек был убит, а имя его убийцы оставалось неизвестным, или были не ясны причины смерти, кам от имени умершего рассказывал об обстоятельствах смерти и называл виновного. Как правило, исповедь *узюта* благосклонно воспринималась Кудай Ульгеном и шаман получал разрешение отвести его в мир предков.

У входа в другой мир, называемого *кара уут* (черная дыра), их встречали либо родители покойного, либо кто-то из родственников. Голосом встречающего кам укорял *узют* тем, что он не послушался их предостережений во время последних годовых поминок. В свою очередь, дух умершего обращался к ним не по имени, а по степени родства: *улух адагым* (дед отца), *улух тайдагым* (дед матери), *ульчек* (бабка по отцу), *тайнек* (бабка по матери) и т. д. Затем *зют* прощался с оставшимися на земле, сообщал, что через год снова спустится к ним для угощения и «свидания» с родными, после чего входил в мир предков. Кам «возвращался» к людям, и ритуал заканчивался всеобщим поминальным пиршеством, которое осмысливалось как прощальная совместная трапеза с усопшим [Адрианов, 1886. С. 186; Кандаракова, 1999. С. 161; Славнин, 1990. С. 137, 139–140; Хильден, 2000. С. 89–90].

Узют шамана, если не были соблюдены все обряды и обычаи, мог остаться на земле в образе *курэнг азе* – чудовищной бурой лохматой собаки, способной съесть *кут* человека, а дух самоубийцы – в виде *турлахлар*, заселявшего заброшенные селения или места, поросшие осинником. Они также охотились за душами живых людей. Кам мог поймать злого духа, и тогда жизненный цикл человека прекращался. Считалось самым страшным прекращение круговорота «жизнь – смерть – возрождение» [Славнин, 1990. С. 143–144]³⁶.

Обязательные годовые поминки проводились у могилы, где вновь обильно угощали «спустившийся» *узют*, но уже без активного участия шамана (дух покойного возвращался в мир мертвых сам). С окончанием поминок связь с умершим не прерывалась. При необхо-

³⁵ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11; 12. Оп. 1; 1. К. 21; 39. Л. 1–2.

³⁶ Там же. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

димости «повидаться» с ним обращались к родовому каму, который и вызывал дух усопшего в специальное время *чаргы ай* (судный месяц), приходившееся на уменьшение месяца в феврале, августе и ноябре (*ай корапчинда*). Во время этих «встреч» «гостя» из другого мира угощали напитками – *узют ортка* и аракой. Камлание вновь длилось с восхода до заката солнца и заканчивалось трапезой в доме. Кроме того, считалось, что души мертвых, могут сами спускаться на землю. Перед ненастьем их вместе со снегом или дождем приносило ветром «из-за неба». В таких случаях они являлись родственникам во сне. На утро нужно было покормить собаку пищей, которую ели сами, чтобы тем самым покормить и *узют* [Славнин, 1990. С. 141–142].

Челканцы также верили, что после проводов духа усопшего связь с ним сохранялась. На это указывает наличие в их календаре «месяцев судьбы»: февраль, август и ноябрь [Баскаков, 1985. С. 221]. Через пять-шесть лет шаман должен был отправить *узют* в «землю кыргызов» [Потапов, 1974. С. 308].

В сокращенном виде проводились поминки по умершим маленьким детям. По данным В. Д. Славнина, «всё у него сразу: и рождение, и свадьба, и похороны; за всё сразу поминали» [1990. С. 143]. Ход действ, проводившихся лишь один раз, в этом случае был аналогичен обычным поминкам, что характерно и для челканцев³⁷.

Заключение

В целом, в рамках погребально-поминального цикла от людей требовалось точное выполнение всех обрядов и обычаев. В противном случае в соответствии с традиционным мировоззрением один или несколько родственников могли умереть, а *узют* покойника мог не достичь мира предков, оставшись на земле. Обрядовые действия и запреты, наполненные символизмом, во время подготовки умершего к погребению, собственно захоронения и поминовения были направлены как на защиту социума в переходный период, так и на обеспечение благополучного перехода души умершего в иной мир и тем самым продолжения цикличности жизни. Подготовительный период к переходу в иной мир включал омовение, одевание, подготовку нового «дома» (гроб, колода, могила, сруб, помост) и сопроводительного инвентаря для умершего. Собственно день погребения, начинавшийся подготовкой места погребения с восходом солнца и завершавшийся на закате поминовением умершего и очищением участников похорон, включал вынос тела усопшего, оплакивание, путь к новому «дому», захоронение. Поминальный этап сопровождался встречами, кормлениями и проводами души умершего.

Список литературы / References

- Адрианов А. В.** Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. Томск: [б. и.], 1886. 276 с.
- Adrianov A. V.** Puteshestvie na Altai i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu [A Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains in 1881]. Tomsk, 1886, 276 p. (in Russ.)
- Баскаков Н. А.** Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 113 с.
- Baskakov N. A.** Altaiskii yazyk (vvedenie v izuchenie altaiskogo yazyka i ego dialektov) [The Altai Language (Introduction to the Study of the Altai Language and Its Dialects)]. Moscow, AS USSR Publ., 1958, 113 p. (in Russ.)

³⁷ МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2.

- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.: Наука, 1966. 173 с.
- Baskakov N. A.** Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka. Dialekt chernevykh tatar (tuba-kizhi) [Northern Dialects of the Altai (Oirot) Language. The Dialect of the Taiga Tatars (Tuba-Kiji)]. Moscow, Nauka, 1966, 173 p. (in Russ.)
- Баскаков Н. А.** Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. 1978. № 6. С. 108–119.
- Baskakov N. A.** Dusha v drevnikh verovaniyakh tyurkov Altaya [Soul in the Ancient Beliefs of the Altai Türks]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1978, no. 6, p. 108–119. (in Russ.)
- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М.: Наука, 1985. 233 с.
- Baskakov N. A.** Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka. Dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi) [Northern Dialects of the Altai (Oirot) Language. The Dialect of the Lebedinsky Tatars-Chalkans (Kuu-Kiji)]. Moscow, Nauka, 1985, 233 p. (in Russ.)
- Бельгибаев Е. А.** Традиционные обряды жизненного цикла туба (по итогам полевых этнографических исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10, ч. 2. С. 13–17.
- Belgibaev E. A.** Traditsionnye obryady zhiznennogo tsikla tuba (po itogam polevykh etnograficheskikh issledovaniy 2004 g.) [Traditional Rituals of the Life Cycle of the Tuba (based on the results of field ethnographic research in 2004)]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, vol. 10, pt. 2, p. 13–17. (in Russ.)
- Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1, ч. 1. 384 с.
- Bichurin N. Ya.** Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Information on the Peoples Inhabiting Central Asia in Ancient Times]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, vol. 1, pt. 1, 384 p. (in Russ.)
- Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 268 с.
- Verbitskii V. I.** Altaiskie inorodtsy [Altai aliens]. Gorno-Altai, Ak-Chechek Publ., 1993, 268 p. (in Russ.)
- Гельмерсен Г.** Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. СПб.: [б. и.], 1840. Ч. 1, кн. 1–2. С. 40–61, 238–261, 420–446.
- Gelmersen G.** Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya [Teletskoe Lake and the Teleuts of Eastern Altai]. *Gornyi zhurnal* [Mining Journal]. St. Petersburg, 1840, part 1, book 1–2, p. 40–61, 238–261, 420–446. (in Russ.)
- Горохов А. М.** Краткое этнографическое описание бийских и алтайских калмыков // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. Ч. 38. № 11. С. 201–228.
- Gorokhov A. M.** Kratкое etnograficheskoe opisanie biiskikh i altaiskikh kalmykov [Brief ethnographic description of the Biysk and Altai Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1840, part 38, no. 11, p. 201–228. (in Russ.)
- Кандаракова Е. П.** Обычаи и традиции челканцев. Горно-Алтайск: [б. и.], 1999. 176 с.
- Kandarakova E. P.** Obychai i traditsii chalkantsev [Customs and Traditions of the Chalkans]. Gorno-Altai, 1999, 176 p. (in Russ.)
- Назаров И. И.** Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – первой половине XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск: [б. и.], 2004, 24 с.
- Nazarov I. I.** Traditsionnoe khozyaistvo i kul'tura zhizneobespecheniya kumandintsev vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX v. [Traditional Economy and Culture of Life Support for the Kumandins in the Second Half of the 19th – First Half of the 20th Century]. Cand. histor. sci. syn. diss. Omsk, 2004, 24 p. (in Russ.)
- Николаев В. В.** Материалы по традиционной семейной обрядности кумандинцев (по итогам полевых исследований 2001–2002 гг.) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 365–366.
- Nikolaev V. V.** Materialy po traditsionnoi semeinoi obryadnosti kumandintsev (po itogam polevykh issledovaniy 2001–2002 gg.) [Materials on Traditional Family Rituals of the Kumandins (based on the results of field research

- in 2001–2002)]. In: Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii v proshlom i nastoyashchem [Culture of Siberia and Neighboring Territories in the Past and Present]. Tomsk, TSU Publ., 2003, p. 365–366. (in Russ.)
- Николаев В. В.** Традиционные типы захоронений северных алтайцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, № 2. С. 132–135.
- Nikolaev V. V.** Traditsionnye tipy zakhoroneni severnykh altaitsev [Traditional Types of Burial Mounds of the Northern Altai Population]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, vol. 11, no. 2, p. 132–135. (in Russ.)
- Потапов Л. П.** Заметки о происхождении челканцев-лебединцев // Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 304–314.
- Potapov L. P.** Zametki o proiskhozhdenii chelkantsev-lebedintsev [Notes on the Origin of the Chelkans-Lebedins]. In: Drevnyaya Sibir' [Ancient Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1974, iss. 4, p. 304–314. (in Russ.)
- Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.
- Potapov L. P.** Altaiskii shamanism [The Altaian Shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 319 p. (in Russ.)
- Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 199 с.
- Satlaev F. A.** Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.) [The Kumandins (Historical and Ethnographic Essay of the 19th – First Quarter of the 20th Century)]. Gorno-Altaysk, Altay Book Publ., 1974, 199 p. (in Russ.)
- Славнин В. Д.** Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 132–146.
- Slavnin V. D.** Pogrebal'nyi obryad kumandintsev [The Funerary Rite of the Kumandins]. In: Obryady narodov zapadnoi Sibiri [Rites of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1990, p. 132–146. (in Russ.)
- Славнин В. Д.** Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1991. С. 179–218.
- Slavnin V. D.** Arkhaika v dukhovnoi kul'ture kumandintsev: vseennaya i chelovek, vremya i kalendar' [Archaics in the Kumandin Spiritual Culture: the Universe and Man, Time and Calendar]. In: Metody rekonstruktsii v arkheologii [Methods of Reconstruction in Archaeology]. Novosibirsk, Nauka, 1991, p. 179–218. (in Russ.)
- Славнин В. Д.** Жертвоприношение коня духу – покровителю рода, у верхних кумандинцев (материалы) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 57–74.
- Slavnin V. D.** Zhertvoprinoshenie konya dukhu – pokrovitel'yu roda, u verkhnikh kumandintsev (materialy) [Horse Sacrifice to the Patron Spirit of the Clan of the Upper Kumandins (Materials)]. In: Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tyurko-mongolskikh narodov Yuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of the Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples of Southern Siberia and Neighboring Territories]. Moscow, IEA RAS Publ., 1994, p. 57–74. (in Russ.)
- Сыченко Г. Б.** Ульген, Тъажин, Кыргыс и другие... (заметки о чалканском шаманстве) // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. Т. 3. С. 114–127.
- Sychenko G. B.** Ul'gen, T'azhin, Kyrgys i drugie... (zametki o chalkanskome shamanstve) [The Ulgen, Tjashin, Kyrgys and others ... (Notes on the Chalkan Shamanism)]. In: Chelkanttsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka [The Chelkans in the Studies and Materials of the 20th century]. Moscow, IEA RAS Publ., 2000, vol. 3, p. 114–127. (in Russ.)
- Тошчакова Е. М.** Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.
- Toshchakova E. M.** Traditsionnye cherty narodnoi kul'tury altaitsev (XIX–XX vv.) [Traditional Features of the Altai National Culture (19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 160 p. (in Russ.)
- Функ Д. А.** Причет (сыгыт) у бочатских телеутов // Расы и народы. 2002. Вып. 28. С. 243–270.
- Funk D. A.** Prichet (sygyt) u bochatskikh teleutov [The Sygyt Ritual of the Bachatsky Teleuts]. In: Rasy i narody [Races and Peoples], 2002, iss. 28, p. 243–270. (in Russ.)

Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. Т. 3. С. 74–113.

Khilden K. O shamanizme na Altae v chastnosti sredi tatar-lebedintsev [On Shamanism in Altai, in particular among the Tatars-Lebedints]. In: Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka [The Chelkans in the Studies and Materials of the 20th Century]. Moscow, IEA RAS Publ., 2000, vol. 3, p. 74–113. (in Russ.)

Шерр Н. Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1903. Т. 5. С. 81–114.

Sherr N. B. Iz poezdki k kumandintsam v 1898 godu [From a Journey to the Kumandins in 1898]. In: Altaiskii sbornik [Altai Collection of Work]. Barnaul, Tipo-Litografiya Glavnogo Upravleniya Altaiskogo okruga, 1903, vol. 5, p. 81–114. (in Russ.)

Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черневых татарах // Изв. Императорского РГО. СПб: [б. и.], 1881. 27 с.

Yadrintsev N. M. Ob altaitsakh i chernevykh tatarakh [On the Altai and Taiga Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo RGO* [News of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1881, 27 p. (in Russ.)

Список источников / Source List

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 164. Оп. 2. Д. 23, 80.

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai region]. F. 164. In. 2. R. 23, 80. (in Russ.)

Материалы этнографических экспедиций Алтайского государственного университета (МАЭ АлтГУ). Ф. 1. П. 1, 3, 6, 11, 12.

Materialy etnograficheskikh ekspeditsii Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Materials of Ethnographic Expeditions of Altai State University]. F. 1. In. 1, 3, 6, 11, 12. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.01.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Николаев Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Vasily V. Nikolaev, PhD in History, researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

nikolaevvv06@mail.ru

ORCID 0000-0001-6834-2961

УДК 378 + 37.02/902.3

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-172-177

Российско-французский научно-практический семинар «Наскальное искусство: методики и техники документирования» (Шалаболинская Писаница, 6–12 июля 2018 года)

Л. В. Зоткина

*Новосибирский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен обзор международного научно-практического семинара «Наскальное искусство: методики и техники документирования», который прошел в июле 2018 г. на памятнике Шалаболинская Писаница в рамках работы Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН. Оценивается эффективность предлагаемого формата для проведения подобных научных мероприятий. Рассматриваются современные подходы к документированию и изучению наскального искусства – как петроглифов, так и крашенных изображений на открытых памятниках.

Ключевые слова

Красноярский край, Шалаболинская Писаница, наскальное искусство, петроглифы, фотограмметрия

Благодарности

Работа проведена при поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-1344.2017.6) и Международной ассоциированной лаборатории ЛИА ARTEMIR (с французской стороны)

Для цитирования

Зоткина Л. В. Российско-французский научно-практический семинар «Наскальное искусство: методики и техники документирования» (Шалаболинская Писаница, 6–12 июля 2018 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография. С. 172–177. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-172-177

A Russian-French Research and Practice Workshop “Rock Art: Methods and Techniques of Documenting” (Shalabolino Site, 6–12 July 2018)

L. V. Zotkina

*Novosibirsk State University
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper is an overview of an international research and practice workshop «Rock Art: Methods and Techniques of Documenting» which took place in July of 2018 at Shalabolino site as part of work of the Minusinsk Rock Art Research Expedition of IAET SB RAS. We estimate effectiveness of the proposed format of a scientific event and also describe modern approaches to documenting and analyzing rock art (engravings and paintings) at open air sites.

Keywords

Krasnoyarsk region, Shalabolino site, rock art, petroglyphs, photogrammetry

Acknowledgements

The work was supported by a grant from the President of the Russian Federation, project MK-1344.2017.6, and funds from the International Associated Laboratory LIA ARTEMIR (French side)

For citation

© Л. В. Зоткина, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography

Zotkina L. V. A Russian-French Research and Practice Workshop "Rock Art: Methods and Techniques of Documenting" (Shalabolino site, 6–12 July 2018). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 172–177. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-172-177

С 6 по 12 июля 2018 г. на памятнике Шалаболинская Писаница в рамках работы Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН совместно с приглашенными французскими коллегами был проведен научно-практический семинар, посвященный методам и техническим приемам фиксации и документирования петроглифов на памятниках открытого типа.

Формат семинара «Наскальное искусство: методики и техники документирования» предполагал работу небольшой группы участников, включая студентов Новосибирского государственного университета. Это позволило каждому из них не только подробно представить методические приемы, которые они используют в своих полевых исследованиях, но и провести практикумы непосредственно на плоскостях с петроглифами.

В настоящем обзоре представляется опыт проведения мероприятия подобного формата, и освещаются некоторые научно-практические результаты, полученные в рамках семинара.

Шалаболинская писаница расположена в Курагинском районе Красноярского края, в 0,6 км к юго-востоку от д. Ильинка на правом берегу Тубы (притока Енисея), напротив с. Тесь Минусинского района¹ [Вяткина, 1949; Пяткин, Мартынов, 1985]). Она является одним из крупнейших местонахождений наскального искусства на территории Минусинской котловины (протяженность более 2,5 км) и на каждом ее участке зафиксированы разновременные петроглифы, датированные периодами от неолита до этнографической современности.

В рамках семинара участники имели возможность в любой момент обратиться к первоисточнику, что выгодно отличало избранный формат от общепринятого стиля проведения подобного рода мероприятий в камеральных условиях.

Ограниченное количество участников позволило максимально полно раскрыть все нюансы и алгоритмы каждой представленной методики документирования и изучения наскальных изображений на памятниках открытого типа. Всего рассмотрено четыре основных подхода:

- прорисовка петроглифов на прозрачную пленку при помощи увеличительных приборов (лупа, бинокулярный микроскоп, увеличение от $\times 5$ до $\times 20$);
- выявление крашенных изображений посредством метода пигментных карт;
- применение алгоритмов PETRA и ICEO [Cassent et al., 2014; Grimaud, Cassen, 2016] для получения точных прорисовок на основе трехмерных моделей;
- специализированные приемы документирования значимых для трасологического анализа участков изображений на макроуровне (3D-визуализация).

Каждый участник провел лекционное занятие, посвященное основным принципам, практическим особенностям применения и апробации представляемого им подхода. Лекторы не были ограничены во времени. Это позволило плавно переходить к дискуссиям и конструктивно обсуждать все важные аспекты.

Так, хранитель Национального музея первобытной истории (Лез-Эйзи, Дордонь, Франция), д-р Катрин Кретэн прочитала лекцию об основных принципах аналитической прорисовки при помощи увеличительных приборов. Вторая ее лекция «Новые открытия на памятнике Калгутинский Рудник (Республика Алтай, РФ): размышления о техниках выполнения петроглифов и их возможном возрасте» («Nouvelles découvertes sur le site de Kalgutinskyi Rudnik (République de l'Altaï, Fédération de Russie). Réflexion sur leur technique de réalisation et leur âge possible») затронула результаты последних исследований на памятнике Калгутинский Рудник (плато Укок на Алтае) и в том числе отметила, как именно представленные ра-

¹ См. Адрианов А. В. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. Рукопись. Архив музея археологии и этнографии ТГУ. Ед. хр. 55. Томск, 1906.

нее принципы документирования позволили решить ряд сложных исследовательских задач [Молодин и др., 2016]. К. Кретэн обратила особое внимание на отличие этого подхода к фиксации наскальных изображений от обычной прорисовки на прозрачные материалы. Суть такой техники документирования состоит в том, что исследователь анализирует и отмечает все

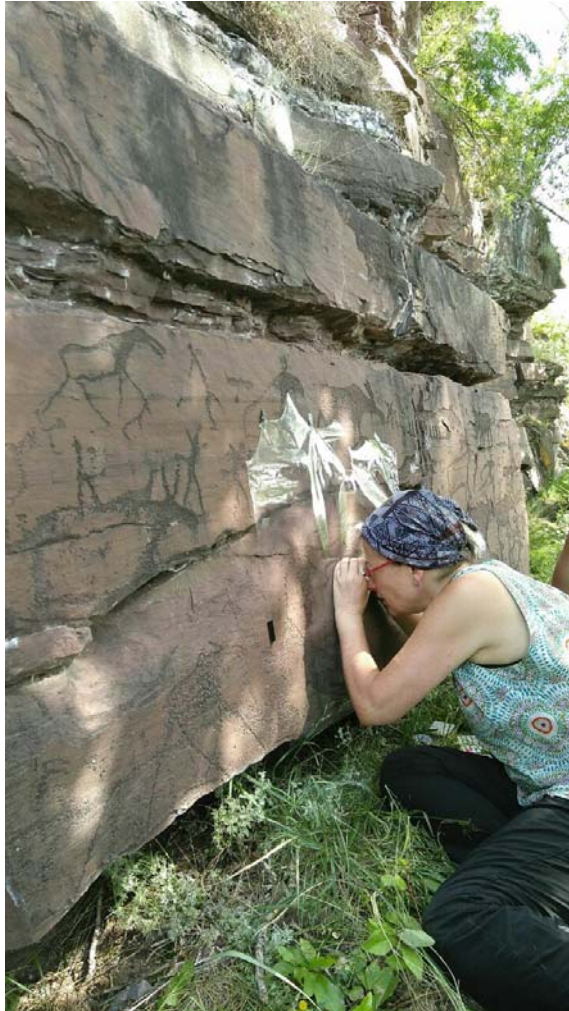

Рис. 1 (фото). Катрин Кретэн проводит практикум по прорисовке петроглифов

Fig. 1 (photo). Catherine Cretin is leading a workshop on tracing engravings

виды модификации поверхности, от естественных (трещины, утраты корки в результате выветривания, повреждения от лишайника и пр.) до искусственных (все виды изменений рельефа, оставленных рукой человека). Такой взгляд на петроглифы дает возможность абстрагироваться от изобразительного аспекта и наиболее полно зафиксировать контекст и технологические характеристики изучаемых объектов. Эта методика очень хорошо подходит и для анализа палимпсестов. К. Кретэн провела практикум для участников семинара по документированию петроглифов на прозрачную пленку (рис. 1).

А. К. Солодейников, исследователь из САИПИ, представил свои последние разработки в области применения метода пигментной карты [Солодейников, 2013; Миклашевич, Солодейников, 2013. С. 180–181]. Этот способ документирования основан на применении специальных возможностей программы Photoshop по обработке цифровых фотографий с усилением различных цветовых каналов [Солодейников, 2013. С. 81]. С его помощью удастся выявить наличие пигмента на скальных плоскостях даже в случае их очень слабой сохранности, а также отсутствия фиксации невооруженным глазом. Это позволяет не только найти новые рисунки, но и уточнить контуры уже известных изображений [Миклашевич, Солодейников, 2013].

Исследователь из лаборатории археологии и архитектуры (LARA) при университете г. Нанта д-р Валентин Гримо прочитал две лекции, посвященные различным подходам к обработке данных, полученных посредством трехмерной визуализации памятников

наскального искусства: «PETRA – алгоритм обработки трехмерных изображений в археологических исследованиях» («PETRA (Protocole d'Exploitation des représentations TRidimensionnelles en Archéologie)») и «ICEO – алгоритм документирования наскального искусства посредством компиляции изображений при косом освещении» («ICEO – Images Compilées sous Eclairages Obliques pour la documentation de l'art pariétal») (рис. 2). Оба эти подхода были разработаны командой исследователей под руководством д-ра С. Кассена, в которую входит В. Гримо. Он провел целую серию практических занятий по применению указанных алгоритмов, что позволило участникам освоить принципы обработки трехмерных

моделей (на примере плоскостей 10а и 10б участка 4 Шалаболинской Писаницы) и компиляции прорисовок на основе 3D с различным освещением.

Автор настоящей заметки также приняла участие в работе семинара, представив два доклада: «Трасологические исследования петроглифов Шалаболинской Писаницы» и «Трасологический анализ пещерного искусства Дордони: заменит ли 3D микроскоп?» («Analyse tracéologique de l'art parietal de Dordogne: 3D à la place du microscope?»). Проведен практикум

Рис. 2 (фото). Лекция Валентина Гримо

Fig. 2 (photo). Lecture by Valentin Grimaud

по фиксации трасологически значимых фрагментов петроглифов при помощи камеры с макрообъективом и кольцевой вспышкой и дальнейшей компиляции фотографий для трехмерной визуализации (метод облачной фотограмметрии). Этот подход к документированию позволяет упростить процедуру получения информации о рельефе поверхности изображений в профиле и в плане, необходимой для трасологического анализа и определения характеристик орудий, использовавшихся для выполнения петроглифов.

В работе семинара активное участие принимали студенты кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института НГУ, проходившие индивидуальную специализированную практику в Минусинском петроглифическом отряде ИАЭТ СО РАН. Специально для начинающих исследователей сотрудник НГУ В. С. Ковалев организовал серию практических занятий по базовым принципам трехмерной визуализации и обработки цифровых данных. Студенты участвовали во всех видах полевых работ и обучающих занятий (рис. 3), в том числе в проведении экскурсии на памятник для французских коллег. По итогам работ они сделали доклады о результатах своих конкретных исследований.

Опыт проведения научно-практического семинара в полевых условиях с привлечением малого коллектива участников продемонстрировал эффективность такого формата. Он позволяет максимально полно рассмотреть различные методики документирования и анализа источников, освоить новые методические алгоритмы, а также осуществить интеграцию рассмотренных подходов в последующие исследования.

В настоящее время участники семинара продолжают обработку собранных в полевых условиях материалов. По итогам проведенных совместных исследований будет опубликована

Рис. 3 (фото). Практические занятия по обработке трехмерных моделей в полевых условиях (а). Студенты Новосибирского государственного университета осваивают принципы обработки трехмерных моделей в полевых условиях (б)

Fig. 3 (photo). Workshop on processing 3D models in the field (a). Students of Novosibirsk State University master the principles of processing 3D models in the field (b)

серия статей, освещающих полученные результаты комплексного анализа одной из плоскостей Шалаболинской Писаницы при помощи всех рассмотренных выше подходов. Это свидетельствует о том, что предложенный формат научно-практического семинара способствует созданию новых эффективных международных научных коллективов.

Список литературы / References

Вяткина К. В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 417–484.

Vyatkina K. V. Shalabolinskie (tesinskie) naskal'nye izobrazheniya [Shalabolino (Tesinsky) rock carvings]. In: Sbornik muzeya antropologii i etnografii [Digest of Museum of Archaeology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, AS SSSR Publ., 1949, vol. 12, p. 417–484. (in Russ.)

Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.

Miklashevich E. A., Solodeinikov A. K. Novye vozmozhnosti dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazhenii, vypolnennykh kraskoi (na primere Kavkazskoi pisanitsy v Minusinskoi kotlovine) [New Possibilities for Documenting Painted Rock Art Images (example of Kavkazskaya Rock Art Site in the Minusinsk Basin)]. *Nauchnoe obozreniye Sayano-Altaya* [Sayan-Altay Scientific Review], 2013, no. 1 (5), p. 176–191. (in Russ.)

Молодин В. И., Черемисин Д. В., Кретэн К., Зоткина Л. В., Женест Ж.-М., Мыльников В. П. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-фран-

кузской экспедиции в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 361–365.

Molodin V. I., Cheremisin D. V., Cretin K., Zotkina L. V., Geneste Zh.-M., Myl'nikov V. P. Issledovanie petroglifov na ploskogor'e Ukok v ramkakh rossiisko-frantsuzskoi ekspeditsii v 2016 godu [The Ukok Plateau Rock Art Research by Russian-French Expedition in 2016]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 361–365. (in Russ.)

Пяткин Н. Б., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 192 с.

Pyatkin N. B., Martynov A. I. Shalabolinskie petroglify [Shalabolino Petroglyphs]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Publ., 1985, 192 p. (in Russ.)

Солодейников А. К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4, № 3 (55). С. 76–82.

Solodeinikov A. K. Nekotorye aspekty fotofiksatsii naskal'nykh izobrazhenii [Some Modern Approaches to Rock Art Investigations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [KemSU Bulletin]*, 2013, vol. 4, no 3 (55), p. 76–82. (in Russ.)

Cassen S., Lescop L., Grimaud V., Robin G. Complementarity of acquisition techniques for the documentation of Neolithic engravings: laser grammetric and photographic recording in Gavrinis passage tomb (Brittany, France). *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 45, no. 0, p. 126–140.

Grimaud V., Casen S. De l'usage de la représentation tridimensionnelle pour documenter les architectures funéraires monumentales ornées du Néolithique de l'ouest de la France. *Les Nouvelles de l'Archéologie*, 2016, iss. 146, p. 23–27.

Список источников / List of Sources

Адрианов А. В. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. Рукопись. Архив музея археологии и этнографии ТГУ. Ед. хр. 55. Томск, 1906.

Adrianov A. V. Otchet ob issledovanii pisanits v Minusinskom kraye letom 1904 g. [A Report on Rock Art Research in the Minusinsky Krai in the summer of 1904]. Arkhiv muzeya arkheologii i etnografii TGU [Manuscript. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Tomsk State University]. Tomsk, 1906, item 55. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
21.11.2018

Сведения об авторе / Information about Author

Зоткина Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Lidiya V. Zotkina, PhD in History, Senior Lecturer at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

lidiyazotkina@gmail.com

ORCID 0000-0002-1912-3882

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
АлтГПА	– Алтайская государственная педагогическая академия
АлтГПУ	– Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	– Археологические открытия
АО	– автономный округ
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
ГААК	– Государственный архив Алтайского края, Барнаул
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Горно-Алтайск
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЕТГМ	– Ежегодник Тобольского губернского музея
ИАН	– Императорская Академия наук
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАЭ	– Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИГУ	– Иркутский государственный университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КНР	– Китайская Народная Республика
МАЭ АлтГУ	– Музей археологии и этнографии Алтайского государственного университета, Барнаул
МИС	– Морская изотопная стадия
НА ИАЭТ СО РАН	– Научный архив Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИР	– научно-исследовательская работа
НМРК	– Национальный музей Республики Казахстан, Астана
ПМО	– Президенттік мәдениет орталығы (Президентский центр культуры)
ПЦК РК	– Президентский центр культуры Республики Казахстан, Астана
РАН	– Российская академия наук
РГО	– Русское географическое общество
РК	– Республика Казахстан
РЭМ	– Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
СА	– Советская археология
СAAЭ КГПИ	– Северо-Ангарская археологическая экспедиция Красноярского государственного педагогического университета
САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет

СВ КНИИ ДВО РАН	–	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН
СВНЦ ДВО РАН	–	Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской Академии наук
СГПУ	–	Сургутский государственный педагогический университет
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ	–	Советская этнография
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГПИ	–	Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	–	Томский государственный университет
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЮКОИКМ	–	Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
IAE SB RAS	–	Institute of archaeology and ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
ICEO	–	Images Compilées sous Eclairages Obliques pour la documentation de l'art pariétal
IHMC RAS	–	Institute of the History of Material Culture, St. Petersburg
LIA ARTEMIR	–	Laboratoire International Associé «Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia»
MIS	–	Marine Isotope Stage
NSU	–	Novosibirsk State University
PETRA	–	Protocole d'Exploitation des représentations TRidimensionnelles en Archéologie
RAS	–	Russian Academy of Sciences
SB RAS	–	Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
SIEF	–	International Society of Ethnologists and Folklorists
TSU	–	Tomsk State University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: каб. 1260 и 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62